

ВОКРУГ СВЕТА

4 1972
АПРЕЛЬ

1972

ВОКРУГ ГЛОБУСА

№ 4

АПРЕЛЬ

Журнал основан в 1861 году

НАУЧНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ ЦК ВЛКСМ
ПУТЕШЕСТВИЙ, ПРИКЛЮЧЕНИЙ И ФАНТАСТИКИ

На страницах номера:

К 50-ЛЕТИЮ СССР

КИРГИЗИЯ

«Самолеты улетают в горы». Наши специальные корреспонденты рассказывают о воздушных трассах республики.

Сфера деятельности человека расширилась в миллион раз. Каковы последствия? «Космос человека».

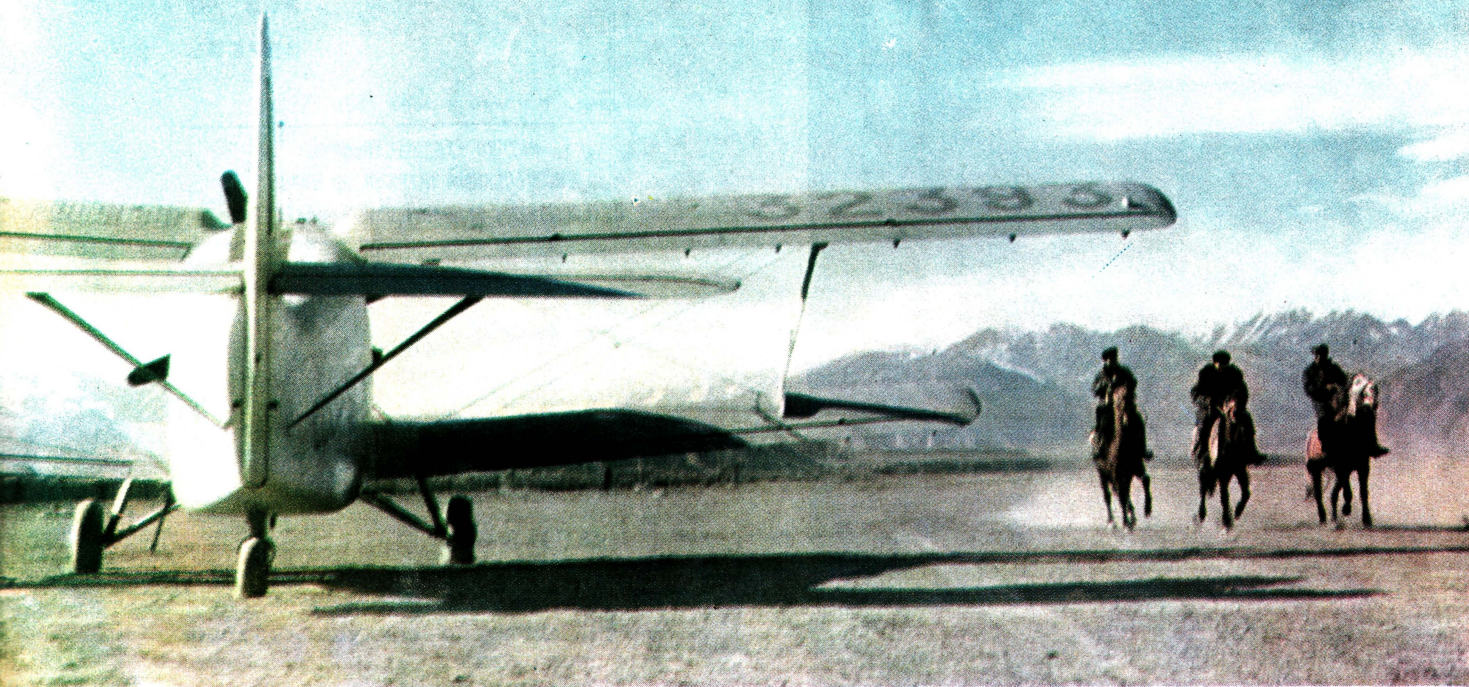
Город, с которым нельзя расстаться. «Я не прощаюсь с Варшавой...»

Очерк о нацистских преступниках, скрывающихся в Латинской Америке. «Игра в прятки по-парагвайски».

Первый контакт с затерянным в лесах племенем. «Тасадай манубе нас ждали» — рассказ филиппинского ученого.

Сегодняшняя судьба вчерашних сенсаций:
Снежный человек
Атлантида

**ЕВГЕНИЙ КОТЛОВ,
ГЕОРГИЙ ШУМЕНКО (фото),**
наши специальные корреспонденты

САМОЛЕТЫ

Снега, ледники, облака. С самолета земля Киргизии похожа на освещенное штормовое море или белую пустыню в высоких снежных барханах вершин. Три четверти территории республики занимают горы Тянь-Шаня и Алая, нигде земля Киргизии не опускается ниже 500 метров над уровнем моря. Если в ночном полете приглядеться к тучным телам хребтов, увидишь россыпи огней на дне ущелий и огни перевалов, так похожие на близкие звезды. Долго и трудно добираться к этим огням крутолобой тропой или дорогой в частых серпентинах; трудно, но куда быстрее — воздушной трассой, пролегающей в лабиринте ущелий. Для кого же прокладывают воздушные тропы в небе Киргизии? И кто прокладывает их? Об этом наш рассказ...

ЧАБАНЫ АЛАЯ

Дорога на Алай занимает сегодня 25 минут. Обыкновенный пассажирский рейс Ош — Даравтурган заменил долгий путь по Великому Памирскому тракту. ЯК-40 научился прыгать через Алайский хребет.

Сидим в тепле, огонь в печи светел, как в каждом добром киргизском доме. Едим нежное варенное мясо с мягкими, как козий пух, алайскими лепешками. Я вспоминаю слова Марко Поло:

«Все двенадцать дней нет ни жилья, ни травы; еду нужно нести с собой. Птиц тут нет оттого, что высоко и холодно. От великого холода и огонь не так светел и не того цвета, как в других местах, и пища не так хорошо варится...»

Яковод Шукур Джолдошев смеется: «Вот выдумщик этот Марко Поло!». Смеется его младший брат чабан Рыскул, хихикает их старая беззубая мать, хохочут ее маленькие внуки, хоть не понимают, над чем все смеются. А нам, приезжим, кажется, что не таким уж фантазером был Марко Поло, говоря о суровости этого края...

Вспоминаю дорогу к чабанам. Ветер хватает поднятую колесами пыль и несет впереди машины. Шоферу часто приходится останавливать «газик», чтобы отыскать колею дороги. Пыль лезет во все щели, сушит губы, скрипит на зубах.

Дорога кончилась, и дальше к чабанам поехали верхом, но все одно с ветром нам было не по пути. Он шел с ледников к долине, мы поднимались в горы. Мы шурили от пыли глаза, лошади низко, к самой земле, клонили головы. Отчего-то в этой дороге вспомнился старик Дюшембай; лицо у него темное и морщинистое, как кора старого карагача, глаза выгоревшие от света и солнца за многие десятки лет и бороденка такая седая и жидкая, словно ее ветер языком вылизал. Старик встретил нас на аэродроме в Даравтургане. Говорят, он

К 50-ЛЕТИЮ СССР. КИРГИЗИЯ.

Земля гор. Небо, которое объединяет. Воздушные дороги республики. Дальнейшее развитие воздушного транспорта — одна из задач девятой пятилетки.

обвалы. Но арча к солнцу тянется, хоть и ствол у нее гнутый и узловатый и ветви растрепаны бурями. Но попытайтесь дерево, веками жившее на трудной земле, посадить на землю оранжерей — усохнет; так и люди алайских пастбищ, еще в далекие-далекие века начавшие кочевье по земле гор... У них и у арчи одна почва под ногами.

Алайцы темнолицые и узкоглазые от чистого солнца, от больших снегов близких вершин. У них чаще молчание и скупая песня, чем пустое слово. У них грубая пища и трудные, высокие перевалы. У них первый закон — расстеленный перед человеком, перед путником дастархан. Есть у них в низовьях долины добротные дома. Да только гостят они в собственных домах недолго. Детей на учебу отправят, юрты залатают, старые чапаны и тулупы на новые сменят и опять в путь — зимой на зимовья, весной на самый жданный у киргизов праздник — праздник открытых от снега перевалов. Тогда наденут алайцы лучшие одежды, навьючат на лошадей походные нехитрые пожитки и погонят стада на высокие травы пастбищ.

Из дома принято выходить во двор, а мы из юрты Шукура шагнули прямо в горы. Дверь открыл — и вот он, Алай. Первый раз для нас

УЛЕТАЮТ В ГОРЫ

встречает и провожает все самолеты, какие прилетают на Алай. Идет к самолету, и за ним всегда неотступно без привязи, как верный щенок, шествует верблюд, тоже старый, с польсевшими горбами.

— Давно ли здесь живете, ата? — спросили мы Дюшембая.

— Отец здесь родился, отец отца тоже здесь родился и отец деда...

Рядом с нами ехал седло в седло молодой ячий фельдшер Курсан. Он не так давно вернулся с Урала, где служил в армии, и теперь уверяет нас, что лучше Алае нет земли на свете. Как тут не задуматься: отчего, почему ему кажется так? Совсем рядом, за хребтом, — Ферганская долина, там на жирной земле растет хлопок, и меньше ста километров нужно идти на запад, чтобы попасть в таджикский поселок Джиргаталь. Это оазис. От густой зелени он издали похож на зеленое облако. А на Алае за короткое лето едва успевает вызреть овес; здесь от большой высоты у человека без альпинистской акклиматизации будет «кругом ходить голова» и глаза начнут слепнуть от близкого солнца и ярких снегов.

Высоко в алайских пустынных ущельях растет арча. Растет не на черноземах, а там, где корнями нужно воду выжимать из камня, где ее пытаются расстелить по земле ветры да «кочко» — снежные

успокоенный, без ветра и без пыльных бурь. Долина внизу в вечерней густой дымке. И воздух морозный и густой, как мелководье, встревоженное веслом. Потеплели, словно ожили от косого закатного света, неповоротливые валы предгорий, и поднялся над долиной белым чудо-островом семикилометровый пик Ленина. Рыскул погнал с крутого склона отару, чтоб поставить ее на ночевку поближе к дому, подальше от волчьих стай. В закатном свете полилось со склона «золотое руно». Мы стояли с Шукуром, курили, смотрели, как у снеговой линии яки плотным кругом устраивались на ночлег.

Улетали мы из Алае опять на ЯК-40. Провожать самолет пришел старик Дюшембай, а за ним, как всегда, следовал верный верблюд. Машину поднимал в воздух командир экипажа Фиат Дамин, его на Алае все хорошо знают. Это он учил ЯК-40 летать через Алайский хребет, садиться и взлетать на тогда еще непривычной для реактивного самолета высоте — 2500 метров.

Сколько раз он летом вхолостую — без пассажиров — садился и взлетал! Двигатель в разреженном воздухе не запускался с первого раза...

Самолет сделал круг, чтоб набрать высоту, поднялся вровень с пиком Ленина, и Алайская долина обернулась глубокой синей чашей со снежными зубчатыми краями хребтов.

ЛАВИНЩИКИ

Вертолет — верный помощник лавинщиков. Полеты над заснеженными горами для них так же обычны, как и пешие снегомерные маршруты.

И название Тогуз-Тороо означает «долина, с девяти сторон окруженная горами». Летом долина до краев залита солнцем, зимой завалена снегом. Зима 68-го года, на редкость суровая и снежная, отрезала чабанские зимовья и поселки от Большой земли, упрятала травостой, и начался джуг — падеж скота от бескормицы.

Тогда и мы угодили в этот белый плен. Вертолет поднялся в Нарыне с травы, а сел в Тогуз-Тороо по брюхо в снег. Прилететь-то прилетели, а улететь не дала погода. Мы сидели и выжидали, когда расчилят дорогу от снежных обвалов.

За сутки бульдозер прошел метров триста, и все понапрасну — со склонов сползали лавины и опять засыпали дорогу. Началась пурга, и бульдозер опять двинулся вперед. Только впереди шел поводырем дормастер. Его согнутая спина, машущие руки и пустые крики в пургу были маяком для бульдозериста. Но в какое-то мгновение с глаз бульдозериста исчезла эта спина и руки, их покрыла снежная волна лавины. Дормастер погиб...

Через несколько дней, когда унялась пурга и снег чуть смерзся, мы увидели, как со стороны Большой земли, с перевала Ой-Каин, стали спускаться люди. Их было четверо, но они оставляли один ровный лыжный след. Это была оперативная группа Киргизской метеослужбы. Она пришла, чтоб искусственно обрушить лавины и освободить дорогу от снега. Началась работа. Люди копались в снегу, писали колонки цифр, на карте дороги рисовали длиннохвостых головастика — предполагаемые лавины — и сожалели о том, что «сюда нельзя притащить минометы». Взрывчатку пришлось подвозить «воздухом». На вертолете прилетели и взрывники. Вот тогда и появилась долгожданная возможность нам улететь. Но мы раздумали.

— Эй, корреспонденты! — кричит крепкий парень с густой цыганской бородой. Он сбросил тулуп, остался в одном свитере, на спине у него бумажный мешок со взрывчаткой.

— Погрейтесь малость. Дела хватит на всех, и острых ощущений тоже.

Сорок килограммов аммонала на горбу, шаг, еще шаг. Лестница, выбитая ногами на верх гребня, стала скользкой. Ноги трясутся, руки немеют, щеки мерзнут, на лбу пот. Качнуло раз, еще... Чернобородый подставил плечо и помог снять мешок.

Потом взрыв, пошла лавина, оголился склон. У костра из нескольких поленьев и солярки греем руки и банку тушенки. Закопченная от солярки банка ходит по кругу. Смотрю на этих «снежных людей», вспоминаю, кто из них кто... Вот этот, с седой бородкой, очень серьезный и деловой, с револьвером на боку, в куртке и в капюшоне из лохматого собачьего меха, — Николай Васильевич Максимов, хозяин всего снега и льда Киргизии, начальник снегомерной гидрографической партии. А этот — с таким же клинышком бороды, только еще не седым, и не такой серьезный, и без револьвера — Володя Зябкин. Бородач, что пригласил нас таскать мешки, — Юра Баранов. У них с Зябкиным на счету по несколько сот обрушенных лавин на дороге Фрунзе — Ош и на иньельцеской трассе. А этот четвертый и единственный безбородый — Виктор

Алай. Большое кочевье.

Николай Максимов. Все снега и льды Киргизии под его контролем.

Фатеев, такой худой, что ему не в горы ходить, а на равнине стоять и от ветра качаться. А он так мешки таскал, что за ним не поспеешь... Фатеев — инженер-гляциолог, на его душу приходится 6578 ледяных квадратных километров.

Дорогу скоро освободили от снега, и пошли по ней караваны машин с Большой земли, груженные мукой, сахаром, кормом для скота. И не было большого праздника у людей чабанского края Тогуз-Тороо, уставших от трудной зимы. Говорят, что там было много съедено и выпито, но ни лавинщиков, ни нас на том празднике не было. Мы вместе с ними уехали освобождать от лавин иньельцескую дорогу.

...И вот опять раздутые до предела рюкзаки катаются по полу вертолета. Опять Максимов не снимает с головы лохматый капюшон, Баранов придерживает связку лыж, чтобы она не трахнула его и меня по голове. Зябкин просматривает записи. Фатеев клюет носом; для него нет лучшего снотворного, чем дрожь вертолета. Георгий прижимает к груди кофр с аппаратурой, чтоб «не перетрясло оптику». Мы летим по снежным делам в бассейн реки Исфайрамсай...

Вертолет поднял лопастями пургу, чуть прикоснулся к снегу колесами и завис. Садиться ему нельзя — завязнет в снегу. Командир МИ-4 Лева Вересов смеется из кабины:

— Был бы у меня отпуск, остался бы с вами в этом Крыму.

Он всегда шутит. Вышвыриваем из вертолета весь походный скарб, выпрыгиваем сами и отбегаем в сторону, пригибаясь от лопастей. Лева отрывает от снега вертолет, делает прощальный круг и уходит вниз, к теплой долине. Славный парень этот Лева! Через любой перевал машину проведет, почти на любом месте вертолет посадит, на всякий «SOS» прилетит. Лавинщики называют его «штатным» — значит, своим.

В этом маршруте я все-таки решил проявить упорство и сделать хотя бы несколько записей в дневнике. И вот теперь лежит передо мной блокнот с истертой, помятой обложкой. Страницы в чернильных разводах. Отдельные строки трудно разобрать оттого, что они написаны окоченевшей рукой.

«День второй. Всю ночь желали друг другу спокойной ночи. На новом месте всегда плохо спится, особенно когда под боком хрустит снег. Фатеев всю ночь тряс палатку, чтоб ее не завалило снегом. Ему веселей, он выпался в вертолете.

В четвертом часу ночи выходим к перевалу Тенгизбай. Максимов так и не дал поесть манной каши — торопил. Путь к перевалу ищем по звуку лавин. Лыжи побросали, они тонут в мучнистом снегу. Пласты снега садятся с шумом слугнутой стаи горных куропадок — кекликов. Подъем крут, идем тихо, крадучись — след в след. Каждый знает, что одно вслух сказанное слово, один неверный шаг может вызвать лавину. Высота под четыре километра, Фатеев дышит словно кузнечными мехами. Зябкин шепчет ему, что надо было бы поменьше праздновать отбытие в командировку.

До перевала рядом, рукой подать. Это если идти прямо. Правда, на крутом боку гребня лежит огромная снежная «подушка». Может, если осторожно, потихонечку, пройдем все же? Если идти в обход — несколько лишних часов работы...

Зябкин идет впереди, обернулся. Максимов ему кивает головой: «Поворачивай». Зябкин продолжает идти прямо. Даже смотря на его спину, представляю, как он в этот момент клянёт «перестраховщика Макса». Прошел несколько шагов и все-таки свернул. Значит, к стоянке вернемся только ночью.

На спуске с перевала Тенгизбай мы увидели снежное месиво. Сошла без нашей помощи «подушка»... Максимов остался доволен. Зябкин сделал вид, будто ничего не произошло. Мы промолчали.

День пятый. Вчера записи не делал. Не было сил искать свечу в рюкзаке, как добрался до палатки — сразу рухнул, уснул. Сегодня опять весь день в снегомерном маршруте. Сколько можно копать в этом снегу и оставлять кожу с пальцев на плотномере!.. Можно, кажется, сапогом разгрести снег и на глаз безошибочно определять и водность и плотность. Но Макс голову оторвет за такую фальсификацию. Вот Николай Васильевич сидит в палатке и толкует о том, как важно знать точно, сколько воды придет на поля Ферганской долины... Как будто мы не знаем, как нужна эта точность.

День седьмой. Мы пришли к Тегермачскому озеру. Максимов толкает меня в бок:

— Посмотри, какое чудо! А? Не зря живем. Стоит из-за таких мест неделю снег месить. А?

Все случилось неожиданно. Солнце, янтарное от мороза, выглянуло из-за скал, по которым водопадами струился снег. Нам под ноги упали мазки света, чудом пробравшиеся сквозь частокол ельника. А когда солнце во весь рост оперлось на скалы, сразу началась в лесу игра света с тенью...

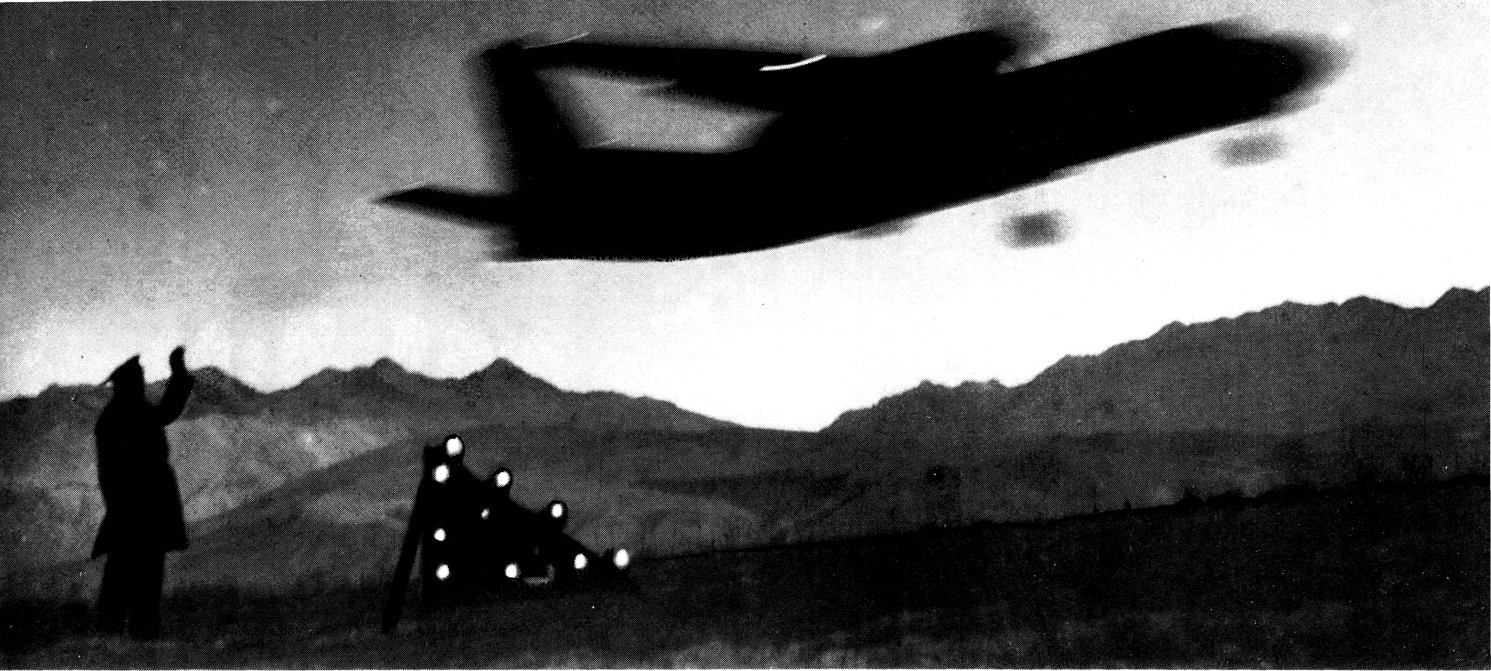
Мы все смотрели за этой игрой, кроме Юры Баранова. Он сжег на снегу глаза и теперь отмачивал их чайной заваркой.

День тринадцатый. Стол накрыт, сервирован на шесть персон. Шесть ровных кучек сухарей и шесть кружек. Спирт из НЗ. Николаю Васильевичу — 50 лет. Глоток за виновника, глоток за горы. В палатке тесно, тепло и темно. Максимов хрипло запевает свою традиционную: «Каюр погоняет собак, как тысячу лет назад...»

Завтра за нами должен прилететь вертолет. Лева Вересов не подведет, прилетит. Вот если только погода... Опять начался буран».

Вечер у заповедного озера Сары-Челек.

Ишембай Абдраимов провозжает самолеты. Они улетают из Фрунзе в горы Тянь-Шаня и Алая.

МОСКВИЧ ИЗ САРЫ-ЧЕЛЕКА

Сары-Челек — одно из немногих мест, куда не следует добираться воздухом.

— Знаешь, порой закрою глаза, и ведет меня малая кривая улочка к старым московским дворикам. Особенно хороши они, когда присыплет их первым снежком. Можно часами бродить... — говорил Титов, придерживая руками очки, чтобы их не сорвало лохматыми ветвями орешин, и низко, к самой гриве лошади, клонил голову, чтоб сберечь лицо от колючего кустарника.

Звериная тропа, мокрая и скользкая от дождя, пошла круто вниз, петляя среди лесного завала. Лошади скользили, приседали на задние ноги и часто останавливались. Вдруг спокойный конь Монгол шархнул в сторону, сбросил седока и скрылся в зарослях кустарника. Георгий скатился следом.

— Живой? Повезло, что в кустарнике застрял, а то бы до самой реки летел, — сказал Титов.

— Я-то живой, лишь бы аппаратура цела была. На орешине кто-то, может, рысь?

— Может быть, и рысь, — ответил Титов, и мы опять поехали по тропе, только теперь чуть медленней и осторожней.

Тропа вела нас к озеру. Вдруг мы увидели, как прямо перед нами, посапывая и перекатываясь с боку на бок в застоялой луже, купается здоровенный кабан. Он так увлекся, что даже не услышал, как мы подъехали. Только услышав крик — пожелание Титова «С легким паром!», секач выскочил из лужи, завертелся растерянно и бросился к лесу. Из чащи донесся шум, треск, поднятый удирающим секачом и всем его большим семейством. Много беспокойства принес кабан засыпающему лесу. Зайца-толая напугал, тот белой дрожащей стрелой пронесся мимо нас. Дикобраз так перетрусил, что не стал распускать свой игольчатый щит, а поспешил укрыться в норе. Старого филина, сидевшего на дереве устрашающим чучелом, словно ветром сдуло. Он успел только удивленно ухнуть и провалиться в густую темноту леса. Лесной переполох перedalся и озеру: из прибрежных камышей поднялась стая черных индийских гусей...

Пока в старой хижине закипал чай на «буржуйке» и отогревались стены, оставшие за долгое отсутствие людей, мы сидели на берегу Сары-Челека. И зубровед Кенеш Шабданов, и заместитель директора заповедника по научной части Эдуард Константинович Титов, и младший научный сотрудник Гриша Вабак; мы сидели и молча праздновали встречу с озером.

Вода в Сары-Челеке стала темнее вечернего негодливового неба, от безветрия ее, казалось, стянуло черным зеркалом льда. С безмолвным всплеском упала в озеро снежная вершина, расколола черное зеркало и сама словно вмерзла в озеро. Трудно было понять, где вершина, а где ее отражение. Малые облака нашли приют от верхнего ветра в глубокой каменной ловушке отвесных берегов. От света вечерней зари свечами запылала ели, вцепившиеся корнями в крутолобе скал, засветились пряди облаков и шерсть на спинах зубров, потянувшихся к водопою...

— О красоте будешь писать? — тихо спросил Титов.

Меня удивил в голосе Титова этот осторожный шепот. Я привык к тому, что если он говорил о заповеднике, то громко и спокойно.

Да, ему есть о чем беспокоиться. Я ведь не сразу понял, почему Титов повел нас на озеро через рощу в Кольте-Сае. Орешник, какие там орешины — трехсотлетние! Каждая крона во все небо, каждый ствол в три обхвата. Мы оставили лошадей и долго ходили по реликтовой роще. А потом Титов показал бумагу с планом лесозаготовок на территории заповедника. Трудно даже подумать, что в следующий наш приезд мы можем не увидеть Кольте-Сая...

И это присутствие на вороньем пиру. Вороньи разворотили листья и клевали голову убитого кабана. Убил его не волк, не барс, а человек — браконьер. И еще рассказ о ручном благородном олене Ваське, который встречал всех гостей у ворот заповедника. Да и нас когда-то встречал и за ванильный пряник охотно вертелся перед фотокамерой. Когда Ваську убили браконьеры, заняла его место у ворот ланка по кличке Любка. Но ее тоже убили. С тех пор олени перестали доверять людям. Они ушли в дальние леса заповедника.

Уходят и другие звери — на землях заповедника до сих пор стоит село. Небольшое. Но дороги, до-

ма, выкошенные дуга — все тревожит зверя, голодно и неуютно становится жить ему в Сары-Челеке...

После долгого рассказа Эдуарда Константиновича мы поняли, что совершили ошибку, прилетев в Сары-Челек на вертолете. Несколько кругов вертолета над озером принесли много беспокойства зверью, согнали его с лежек и привычных пастбищ. Значит, впредь никаких вертолетов, будем добираться в заповедник только на лошадях и пешком.

Наш маленький караван пробирается к Туманьяку через лесные завалы. Титов не мог отпустить нас, не показав это дикое, бестропное место. Идет дождь со снегом. Под копытами лошадей хлюпают вода. Сырые ветки бьют по лицу Титов что-то говорит о Москве, в которой родился и вырос, и о том, что из-за этого Сары-Челека уже три года не может толком побродить по старым московским дворикам.

ХОЗЯЕВА ГОРНЫХ ТРАСС

Они летают из долины в горы, к модам. И каждый полет — это испытание воли, мужества и находчивости пилота. Горы не любят шутить.

Когда люди пастбища Челек увидели среди всадников Зарлык Исманова, они забеспокоились: «Вынужденная посадка? Авария?» Исманов ответил, что приехал посмотреть, можно ли здесь посадить самолет...

Вначале Зарлык Исманов присматривался к сыртам с воздуха — с борта АН-2, потом мы уже вместе пробирались по ущелью на машине, а через перевал — на лошадях по выючной тропе.

Чабаны смотрели на летчика выжидающе: хватит ли этой короткой полоски земли, упирающейся в крутой склон хребта, чтобы посадить машину? Сомневались люди — ведь сюда, на высоту 3400, не прилетал еще ни один самолет.

Зарлык молча прошел всю полосу земли. Чабаны шли за ним следом, тихо перешептываясь между собой. Наконец он сказал:

— Ждите, на днях прилечу.

...Погода нелетняя. Пржевальск не принимает и не выпускает самолеты. Мы сидим в домике на краю взлетного поля с Зарлыком Исмановым. Из окна виден строй зачехленных «Антонов», прижатых к земле тяжелым туманом. Исманов рассказывает:

— Да, была столица. Комфортабельный ИЛ-18. Рейсы в Москву, в Ленинград, в Адлер. И не было этих беспокойных поисков перевалов, цирковых посадок на «пяточках» среди скал... Раздумывал, конечно, — менять ли трассы? Но недолго. В горах трудно летать, но ведь тем людям, что живут там, за перевалами, куда трудней. Знакомо мне их ремесло, сам ведь жизнь с чабанской тропы начинал...

Туман спустился на Иссык-Куль. Открылись перевалы Терскея. Развиднелось как-то сразу. Техники стали расчехлять самолеты и греть моторы. Началась погрузка тюков и ящиков. Зарлык тоже стал собираться:

— Мне пора на пастбище Челек. Надо успеть до прихода больших снегов перебраться на зимовье теплой одежду и продукты.

Летим кызыл-джарской трассой. Смотрю в открытую дверь пилотской кабины на Сережу Мещерякова. Руки ладно лежат на штурвале. Крен вправо, крен влево. Каменная стена слева, каменная стена справа. Такое впечатление, что летим по туннелю. Над перевалом ветер. Он трясет «Антон» и

тянет его вниз, на скалы. Наконец просветлело — вырвались из каменного мешка, прошли перевал. Сережа чуть ослабил взмокшие руки, оглянулся, улыбнулся: «Пронесло». Я облегченно вздохнул. Георгий кивнул: «Вот видишь, как все хорошо». Только врач Борис Петрович Шубенко не выдал перевала, не чувствовал тряски. Он сидел, сложив руки на коленях, и безразлично смотрел на табличку «Не курить». Врач, наверно, очень устал. Всю ночь он давал из Оша консультации по телефону. Разговоры не помогли, пришлось лететь самому принимать роды.

— Ну как летать над горами? — спрашивает меня Сережа.

— Красиво, но страшно. А над равниной?

— Скучно! — кричит он и улыбается.

Думаю: «Пижон же ты, Серега! Я же видел, как у тебя руки взмокли и как по вискам бегали голубые жилки».

Вот такая эта кызыл-джарская трасса. Ее нет в расписании пассажирских рейсов. Когда летчики летят в Кызыл-Джар, пассажиров на борт не берут — опасно. Этот АН-2 летел по санзаданию, чтобы спасти женщину и двух новорожденных.

Горы посветлели. Погасли сигнальные огни. Смотрю на взлетающие самолеты и пытаюсь представить, что отсюда, из Фрунзе, до Пржевальска нужно было лететь неделю (сейчас — меньше часа!) и что машина с бензином добиралась туда раньше самолета. Пытаюсь представить, как перед посадкой в Тогуз-Тороо высоту снега определяли брошенным с борта самолета камнем. И как бортмеханик Саша Тищенко во время посадочного пробега лез по фюзеляжу Р-5 загрузить хвост, чтоб самолет не зарылся носом в снег...

— Не верится? Вам всегда кажется, что мы, старики, на выдумки горазды. Вот так и учились летать над горами, — говорит Ишембай Абдраимов.

Мы идем по краю взлетного поля. С нами идет седой человек и вспоминает:

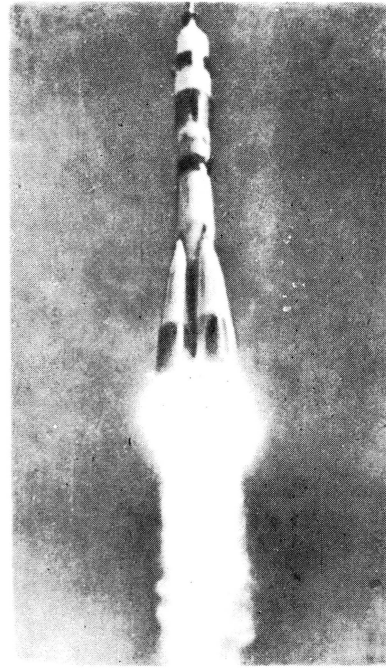
— Еще один забавный случай был. Летим в Дюльбельджин по срочному вызову к больному. Профессор сжался в комок и боится на землю посмотреть. Вижу, костры неверно разложили, но туда ведь еще не прилетал самолет... Захожу на посадку — люди бегут навстречу. Мы с бортмехаником машем им, чтобы уходили, а они приняли это за приветствие и еще быстрее бежать. Захожу с другой стороны, а они тоже развернулись и опять бегут навстречу. Четыре раза заходил на посадку, так ничего и не вышло. А профессор долго еще не мог понять, что мы вернулись обратно и, вообще, что он остался в живых...

Об Абдраимове много уже писали газетчики, называли его «киргизским Чкаловым». Он первым из киргизов поднял в воздух самолет, первым пролетел над горами. Он один из тех людей, о которых говорят, что по их биографиям можно писать историю страны. Вот биография Абдраимова в двух словах: Таласский детдом. Учеба на Украине в ФЗУ. Комсомольская путевка в летное училище. Полеты на У-2, борьба с басмачами. Первые пассажирские рейсы и работа в санавиации. Борьба с малярией и саранчой. Долгий полет до Берлина. И опять Аэрофлот. И знак «Заслуженный пилот СССР» под № 1. Абдраимов летает уже сорок лет...

Мимо нас с ревом проносятся ИЛы, АНы, ЯКи, МИ. Самолеты и вертолеты улетают из Фрунзе в горы и увозят на своих бортах чабанов и альпинистов, нефтяников и энергетиков, ученых и просто пассажиров. Везут во все уголки Тянь-Шаня и Алая, каждого по своим неотложным делам: на работу, в отпуск, на базар, на свадьбу...

КОСМОС ЧЕЛОВЕКА

Ю. ШКОЛЕНКО,
научный сотрудник АН СССР

О ЧЕМ НАПОМИНАЕТ МОНГОЛЬФЬЕР?

До самым скромным подсчетам, начиная с запуска первого спутника и полета Юрия Гагарина сфера деятельности человека расширилась в миллионы раз — от нижних слоев атмосферы до Венеры и Марса. Никогда прежде горизонты не раздвигались столь молниеносно. Никогда прежде они не отходили так далеко. Столь фантастическое, взрывоподобное расширение сферы человеческой деятельности вроде бы даже не с чем сравнивать.

Тем не менее, выступая в 1971 году на Международном конгрессе по истории науки, польский ученый Б. Орловский провел интересную параллель между общественным откликом на успехи в космосе и откликом... на первые полеты воздушных шаров! Оказалось, что многие наши мнения, оценки и чувства, которые представляются нам совершенно новыми, имеют аналогии в прошлом. Там и здесь прорыв человека в неведомое вызвал общий интерес и горячую увлеченность; в общественном сознании поднялся престиж науки и техники; возросло чувство наднациональной общности; возник живой отклик в средствах массовых коммуникаций, литературе и искусстве; усилился интерес к будущему.

Конечно, нам, современникам Юрия Гагарина и Нейла Армстронга, трудно почувствовать важность события, изображенного на старинной гравюре, где огромный бумажный монгольфьер, по-театральному украшенный вензелями и кистями, благодаря силе нагретого костром воздуха впервые поднимает людей в небо. Однако для своего времени то был выдающийся «прыжок в неизвестность», сравнимый по значению и отклику с полетом Юрия Гагарина, ибо тогда впервые в истории осуществилась древняя мечта человека о полете!

Есть одна глубинная особенность, которая роднит воздухоплавание XVIII века и космонавтику XX века: оба исторических периода были отмечены такими сдвигами в науке и технике, которые серьезно повлияли на будущее. Возьмем только два примера: изобретение паровой машины и открытие кибернетических «мыслительных» возможностей электронной техники. То и другое, имея колоссальное значение

для прогресса, оказалось вместе с тем совершенно новой сферой деятельности, о которой прежде никто, в общем, не имел представления. Случайность? Вряд ли.

Парадоксально, что сам отрыв от Земли, будь то на воздушных шарах или космических ракетах, был куда более «ожидаемой неожиданностью», чем паровая машина или кибернетический мозг. Задачу полета человек поставил перед собой давно: вспомним, что Икар «поднялся» к Солнцу за тысячелетия до наших дней, а Сирано де Бержерак и Свифт писали о парящих в воздухе островах и лунных государствах задолго до монгольфьеров.

«Инкубационный период» идеи был долог, колоссальная сложность полета долго не осознавалась человеком, который сначала хотел соорудить крылья, копирующие птичьи, и так решить проблему. Воздухоплавание XVIII века, несмотря на кажущуюся простоту идеи шара с нагретым воздухом, явилось синтезом предыдущих достижений науки и техники, плодом длительных поисков мысли, которая не раз заходила в тупик. Но едва возник монгольфьер, будто прорвало плотину! Буквально через десять дней после полета шара с дымом в том же Париже на высоту около 3,5 километра с людьми на борту поднялся шар, наполненный водородом. Еще через два года был совершен перелет через Ла-Манш. Спустя столетие шары проложили в небо дорогу крыльям: появилась авиация.

Как мы знаем, много похожего наблюдалось и в первые годы освоения космоса: от первого спутника до многотонных автоматов, от одного витка Гагарина до многодневных и сложных работ космических экипажей прошел совершенно ничтожный срок времени. (Кстати, средняя частота запусков сейчас — раз в сутки...)

Да, параллель между космическими полетами и первыми шагами воздухоплавания вещь ненадуманная. Давно уже осознана и другая параллель — параллель между выходом человека в космос и великими географическими открытиями, которые имели громадные экономические, социальные и культурные последствия для всего человечества (с ними мы сталкиваемся и по сей день). Они отметили многие фанта-

стические представления людей о неведомых землях и в то же время заложили основы нового отношения человека к природе и самому себе, что выразилось, например, в литературе и искусстве. Продолжая аналогию, можно сказать, что изучение планет солнечной системы будет иметь последствия, уж во всяком случае, не меньшие.

Эти параллели свидетельствуют о некоторой общности моментов технических революций и выхода человека в новую сферу деятельности. Они облегчают понимание нынешней космической эпохи, позволяют четче отделить ложное и временное в нашем восприятии от истинного и перспективного, помогают рациональней организовать усилия.

ЦЕНА СПУТНИКОВ

Первым следствием Б. Орловский назвал общий интерес и горячую увлеченность. Нет нужды вспоминать об отклике на события 1957 года, когда русское слово «спутник» вошло в лексикон человечества, о всеобщем восхищении полетом Гагарина — эти чувства еще свежи. Отметим только одно: хотя энтузиазм всегда сопровождал великие свершения человека, такого единодушного и всеобщего энтузиазма планета еще не знала. Конечно, этому способствовали современные средства коммуникации. Дело, однако, не только в этом, а и в появлении, по выражению академика В. А. Амбардумяна, «космического образа мышления» — чувства сопереживания, солидарности в мировом масштабе. Первых воздухоплателей и авиаторов нередко угнетало чувство одиночества. Первые космонавты всегда ощущали контакт с планетой, наблюдающей, помогающей, ждущей. С другой стороны, далеко не без влияния космоса мы все более начинаем проникаться сознанием, что и наша Земля, по существу, «космический корабль» с «космическими» системами жизнеобеспечения, которые требуют внимания и заботы всех людей. Призыв XXIV съезда КПСС к совместной заботе об обеспечении жизненных ресурсов планеты попал на подготовленную почву, и это во многом следствие развития «космического образа мышления».

Проявления «космической увлеченности» многообразны и зримы, так что особо говорить о них не стоит. Самоочевидно также и усиление престижа науки и техники в общественном сознании.

Наблюдается, однако, и противоположная реакция. Речь идет о недооценке работ в космосе, о мнениях по поводу малой практической полезности космических исследований. На Земле множество более срочных и настоятельных проблем, чем полеты к другим планетам; две трети людей, например, страдают от недоедания — вот типичные аргументы противников активного освоения космоса. Немалое впечатление производит и сравнительно высокая стоимость первых космических экспериментов. «По стоимости, — замечает американский экономист в области космонавтики Чарльз Шелдон, — первые эксперименты не имеют себе равных в истории, и, как это не раз случалось в прошлом, не только невежды, но многие выдающиеся представители современного интеллектуального мира выражают сомнения относительно их целесообразности».

Попробуем разобратся, имеет ли эта тенденция перспективу и насколько она верна. Споры нет, стоимость космических начинаний впечатляет. Первый орбитальный полет американца Джона Гленна (3 часа 56 минут) стоил 1680 тысяч долларов в минуту. Каждая секунда пребывания на Луне экипажа «Аполлона-12» (2 часа 40 минут) стоила 30 тысяч долларов. С учетом всех предшествующих расходов каждый килограмм лунного грунта, доставленный американцами на Землю, стоил один миллиард долларов.

На Земле нет драгоценностей, которые обошлись бы так дорого...

Необходимо, однако, привести и другие цифры. По подсчетам зарубежных специалистов, первый спутник стоил 2 миллиона долларов в расчете на килограмм полезного груза. В 1968 году килограмм полезного груза на орбите стоил уже тысячу долларов. Иными словами, всего за десятилетие космические полеты удешевились в 2 тысячи раз. Можно ожидать, что переход к многократному использованию космических кораблей и аппаратов снизит цену «космического хозяйства» до 10 долларов за килограмм полезного груза, то есть стоимость спутника приблизится к стоимости автомобиля.

Что же касается содержания космических исследований, то каждый результат вызывает своего рода цепную реакцию, которая неизбежно приводит к весьма существенной практической выгоде. Первые спутники не давали никаких ощутимых доходов. Сегодня система связи «Орбита», действующая через спутники «Молния», охватила Сибирь, Крайний Север, Дальний Восток, Среднюю Азию. Сбережены миллиарды рублей и годы труда, которые в ином случае ушли бы на прокладку множества наземных кабелей и строительство ретрансляционных башен. Кроме того, содружество телевизора и спутника способно произвести подлинную революцию в образовании. Почти половина человечества неграмотна, и расходы по ликвидации неграмотности в Азии, Африке, Латинской Америке, не говоря о повышении культуры, так сказать, традиционными средствами, приводят экономистов в ужас. Эти расходы в рамках XX века непосильны для экономики многих развивающихся стран даже при щедрой международной поддержке. Сравнительно дешево и, главное, быстро проблему могут решить телевизионные спутники. Так результаты космических исследований оказываются самым действенным оружием в борьбе с таким тяжелым наследием прошлого, как неграмотность, бескультурье значительной части человечества.

В Советском Союзе успешно действует система метеорологических спутников «Метеор». Нет нужды говорить, «сколько стоит» более точный, а в дальнейшем абсолютно точный прогноз дождей и засухи, ураганов и наводнений, который просто невыслым без метеорологических спутников. Начались или вскоре начнутся и такого рода космические работы: подробное картографирование всей планеты (до недавнего времени создание карты земного шара масштаба 1:1 000 000 казалось таким же трудным делом, как высадка человека на Луну); глобальное изучение геологии планеты и на этой основе предсказание землетрясений и вулканических извержений; быстрое выявление очагов лесных пожаров; контроль за состоянием сельскохозяйственных культур, появлением сельскохозяйственных вредителей; обнаружение крупных скоплений рыбы в морях и океанах; прогноз развития ледовой обстановки в Арктике и Антарктике. И так далее — я не перечисляю и половины задач, которые экономичней и быстрее решать с помощью спутников.

Та же перспектива и с изучением планет. И здесь нас ждет не меньшая отдача, хотя связь затрат и пользы пока далеко не очевидна (то же самое, впрочем, было и со спутниками). Замечу лишь для примера — ученые вполне обоснованно полагают, что изучение Луны облегчит понимание геологических структур Земли и их разведку. Ведь миллиарды лет назад земной ландшафт напоминал современный лунный: там, в сотнях тысяч километров от Земли, находятся «страницы комментария» к геологической истории планеты — комментарий, без которого непонятен основной текст. От космоса к недрам Земли — таков один из путей науки, притом вполне

прямой путь, который лишь кажется нецелесообразно окольным.

Человек, чье излечение зависит сегодня от какого-нибудь нового медицинского аппарата, может не знать, что конструкция аппарата возникла в ходе развертывания космических работ. Это ничего не меняет. «Обратный поток» чисто прикладных достижений науки и техники, который идет из космоса, столь силен и всепроникающ, что смело можно предсказать: в самом близком будущем прекратятся споры о том, нужен ли человеку космос. Напротив, люди будут удивляться, как они могли обходиться без спутников, космических станций и полетов, как мы сейчас удивляемся тому, что кто-то в свое время скептически отнесся к железным дорогам и потом к автомобилям.

Впрочем, исторические аналогии приводили к этому выводу и тогда, когда еще нельзя было доказать практическую ценность спутника...

ТУМАН ИЛЛЮЗИЙ И ТВЕРДЬ РЕАЛЬНОСТИ

Как всякому наглядному и победному повороту в истории науки и техники, освоению космического пространства сопутствует переоценка связанных с ним возможностей. Нет, речь идет не о надеждах, которые связаны с дальнейшим проникновением в глубины вселенной, — тут действительность часто обгоняет прогноз. Речь идет о преувеличенном представлении роли и возможностей науки и техники по сравнению, скажем, с политикой и идеологией. Такая точка зрения свойственна многим буржуазным философам и социологам. Вот как, например, формулирует этот тезис директор Института геофизики Тегеранского университета Х. Афшар: «Вообще говоря, наука и ученые, особенно благодаря достижениям в космической науке и технике, будут контролировать судьбу и развитие общества в форме невидимого будущего лидерства, тем самым заменяя собой бывших философов, которые обладали потенциальной контролирующей властью над человеком и обществом».

На Западе всячески подчеркивается тезис о «деидеологизации» общества под воздействием достижений научно-технической революции. Разновидностью подобного взгляда является понятие «коммуникация», то есть связи и обмена информацией. Эта-то «коммуникация» якобы и определяет в конечном счете отношения между людьми. Чем шире возможности «коммуникации», тем легче воздействовать на отношения между людьми и на самих людей. Так, с помощью телевидения можно привлекать внимание всей планеты к ответственному международному футбольному матчу и держать ее в напряжении в течение девяноста минут как минимум, чего якобы не в силах сделать ни один лозунг или призыв, обращенный к такому же большому числу людей. И вот империалистические социологи и футурологи, отталкиваясь от ныне действующего консорциума по спутниковой связи «Интелсат», в котором господствующее положение занимают Соединенные Штаты, видят перед собой картину, представляющую смесь научно-технической реальности и социально-политической фантастики. На равном расстоянии друг от друга по линии экватора висят над миром синхронные спутники, иначе называемые геостационарными. Скорость их движения синхронизирована со скоростью вращения Земли, и поэтому они как бы неподвижно повисают над определенными точками земной поверхности. Трех синхронных спутников достаточно, чтобы держать в зоне прямой видимости всю планету. На спутниках установлена мощная широкоэвещательная аппаратура, которая посылает сигналы прямо на экраны домашних телевизоров, и в каждый дом въезжает старая, «до-спутниковая», буржуазная пропагандистская машина,

построенная на вере во всемогущество любого хитроумного трюка. Таким путем, по мнению теоретиков «деидеологизации», будет происходить объединение мира по образу и подобию «процветающего общества» Америки.

Здесь вряд ли имеет смысл обстоятельно опровергать подобные взгляды: они ежедневно опровергаются в недрах самого «процветающего общества», которое сейчас переживает острейшие социальные потрясения и могучие классовые битвы. Стоит, однако, вспомнить, что, как бы ни были велики успехи научно-технического прогресса, сами по себе они не снимают и не решают социально-политических проблем. Наоборот, они обостряют их, если не сопровождаются сдвигами в сторону действительного социального прогресса и взаимопонимания между людьми. Нет в истории примера, когда бы наука и техника автоматически, сами собой, без борьбы классов и идеологий решали острые социальные противоречия. Зато иллюзии на сей счет возникали неоднократно. Возникают они и теперь... Нет, обращение к истории — занятие куда как современное и нужное!

Иначе обстоит дело с тем, что Б. Орловский называл возросшим чувством наднациональной общности. Такое чувство в отличие от иллюзорных надежд на возможности «спутниковой пропаганды» отнюдь не относится к иллюзиям общества. Космические исследования общепланетарны по самой своей природе. Космические аппараты не знают границ, и результаты их деятельности, особенно в области связи, службы прогноза, разведки земных ресурсов, нужны каждой стране. Что же касается дальнейших перспектив, то человечество уже поставило перед собой такие задачи по проникновению в глубины вселенной, решить которые одними собственными силами не может ни одно государство. Но и тут все далеко не просто.

Парижанин, два века назад наблюдавший взлет монгольфьера, на какой-то миг, очевидно, перестал ощущать себя парижанином и французом, а почувствовал себя «сыном Земли», которому теперь открыты все уголки планеты. Вряд ли он мог вообразить, что спустя полвека с небольшим австрийцы будут сбрасывать бомбы с воздушных шаров на дома Венеции, а спустя век парижские коммунары будут слать с помощью шаров призывы ко всей Франции подняться на священную классовую войну пролетариата. Но у нас-то больший исторический опыт!

Объективно космические полеты способствуют сближению народов, осознанию интернациональной общности землян, но прямой и примитивный ход причин-следствий и здесь не более как иллюзия. Мир помнит, что в 1962 году США взорвали на высоте около 400 километров водородную бомбу, а в 1963 году выбросили в космос 400 миллионов металлических иголок. Английский ученый Бернард Лоуэлл сказал по этому поводу: «Вред заключается не только в данном эксперименте, а и в складе ума, который делает возможными подобные эксперименты без международных соглашений и мер предосторожности».

Потребовались энергичные действия советской дипломатии и всех прогрессивных сил мира, чтобы пресечь эти опасные тенденции, возникшие на заре космической эры. С 1963 года в космосе, в атмосфере и водной среде запрещены испытания ядерного оружия. В 1967 году по инициативе Советского Союза был подписан открытый для всех стран Договор о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела. Принципом деятельности в космосе стало мирное его использование в интересах всех и без ущерба для кого бы то ни было. В 1971 году советская делегация в ООН пред-

ложила на рассмотрение и одобрение государств проект Договора о Луне, по которому запрещается присваивать «лунные участки», использовать поверхность Луны или ее недра в ущерб другим странам, в ущерб человечеству. Так советская дипломатия делает сегодня все возможное для предотвращения в будущем попыток использовать небесные тела в агрессивных целях.

Только на этой основе и может успешно развиваться международное космическое сотрудничество. И сдвиги тут заметны. Вот только несколько примеров. Околоземной космос исследуют спутники серии «Интеркосмос» — плод сотрудничества Болгарии, Венгрии, ГДР, Кубы, Монголии, Польши, Румынии, СССР, Чехословакии. Через советский спутник «Молния-1» налажены передачи цветного телевидения между Москвой и Парижем; на нашем луноходе и межпланетных марсианских станциях находилась французская аппаратура, и некоторые важные научные исследования проводились здесь совместно учеными СССР и Франции; недавно в космос вышел франко-советский спутник «Ореол». Между Академией наук СССР и Национальным управлением США по аэронавтике и исследованию космического пространства (НАСА) заключено соглашение о совместной работе по использованию спутников в метеорологии, связи, для составления магнитной карты Земли, об обмене образцами лунного грунта; советские и американские эксперты изучают возможность сближения и стыковки пилотируемых космических кораблей и станций СССР и США, что важно не только для совместных исследований в космосе, но и для оказания помощи, если какой-либо корабль потерпит бедствие. Советские метеорологические ракеты взлетают с международного полигона «Терлс» в Индии; все более частыми становятся разнообразные международные конференции по изучению космоса, увеличивается межнациональный обмен информацией.

Полтора или два столетия назад не было ни международных ассоциаций, ни конференций по совместно использованию воздушных шаров, хотя и тогда возникало чувство интернациональной общности. В эпоху космоса аналогичное чувство точнее было бы назвать чувством интернациональной ответственности, которое, как видим, благодаря энергии сторонников мира и прогресса прокладывает себе дорогу и превращается в материальную силу.

КОСМИЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ

Освоение космоса уже сейчас заметно влияет на все формы общественного сознания.

Космическая эра нанесла смертельный удар прежде всего традиционным представлениям о пространственном местожительстве бога. Когда-то его жилище находилось непосредственно за облаками. Теперь бог исчезает из трехмерного пространства, чтобы пребывать нигде и везде. Любопытно, что в США по случаю полета «Аполлона-8» была выпущена почтовая марка с изображением лунного пейзажа, земным диском на черном небе и первыми словами библии: «Вначале Бог...» Религия эволюционирует, пытается как-то примирить нелепцу священных мифов с данными науки. Это, понятно, не от хорошей жизни. Очевидно, в будущем космонавтика, содействующая, как мы видели, распространению образования, еще более сузит «поле религии», поможет религиозным двум третям землян прийти к научному мышлению.

Для искусства и литературы характерны своего рода замедленность в осознании крупных научно-технических сдвигов. Искусство Ренессанса прямо никак не отразило эпоху открытия мира, хотя сам Ренессанс теснейше связан с духом этой эпохи, и его

уникальность во многом обусловлена стремительным расширением мира. Литература XIX века и более позднего времени фактически не заметила фигуру ученого. Живопись и по сей день не открыла ту новую Землю, которую нам представил самолет. Точно так же сегодня затруднительно назвать произведения, в которых бы вполне отразился «образ космического мышления». Впрочем, это не совсем так: новая грань эпохи ярко сверкнула в фантастике, что во многом и обусловило ее возросшую популярность.

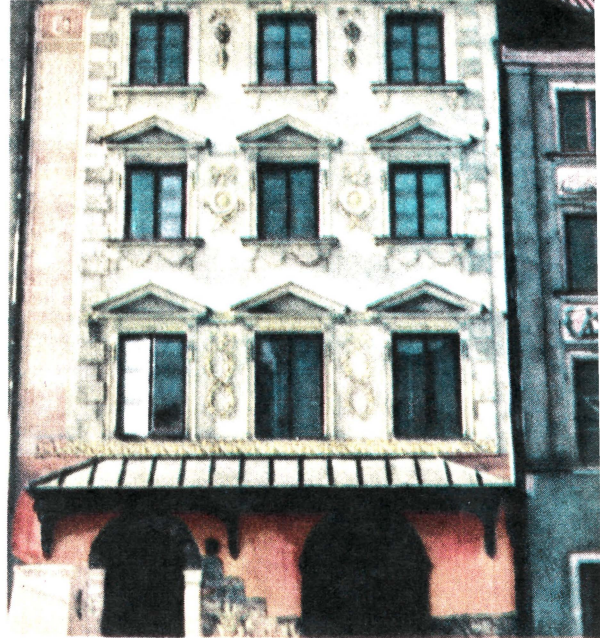
На будущее, однако, можно предположить вот что. В космосе побывало уже около пятидесяти советских и американских космонавтов. Этого мало, чтобы говорить о сколь-нибудь распространенной профессии. Но дело тут не просто в профессии. Космонавт, космос, Земля, человечество составляют единство, поведительно вторгшееся в нашу жизнь. В этом смысле образ и тип космонавта вырастает гигантски. Возможно, мы наблюдаем зарождение таких качеств, которые будут со временем свойственны людям вообще, не отдельному человеку, а человечеству, вышедшему в космос. Мы восхищаемся мужеством, умением подчинить себя цели, собранностью и точностью движений человека в кабине космического корабля, в условиях небывалых, неиспытанных, неизвестных. Имеет ли все это к нам отношение? Иные из нас, восхищаясь самоотверженностью таких людей, равно как и высоким «рационализмом» людей науки, порой думают не без тревоги: а не превращается ли человек в высокодисциплинированную машину, заглушив в себе чувство страха и вспышку «неконтролируемых» эмоций? Мы забываем, что эти профессиональные качества, которые очень и очень понадобятся человеку космической эры, перейдут в привычку, в необходимый рефлекс, отнюдь не убивая традиционных человеческих качеств, а лишь обогащая их. Человек «пещерной эры», очевидно, погиб бы, переходя улицу большого города. Мы не замечаем, как много мы накопили в условиях современной цивилизации привычек и рефлексов. Тем не менее мы живем в мире глубоких чувств и таких восприятий, которые были неведомы пещерному человеку.

Современность открывает искусству не просто новый круг тем. Она открывает процесс эволюции человеческого сознания, его ломку и становление нового. И тут вполне можно ожидать нового Ренессанса, хотя и трудно предугадать, какие он примет формы.

Сфера деятельности человека расширяется сейчас не только в пространстве, но и во времени. Особенно ярко вспыхнувший сейчас интерес к будущему не мимолетное явление. В 60-х годах возникло и сейчас бурно развивается конкретное прогнозирование, ибо выяснилось, что в условиях научно-технической революции и выхода в космос жизненно необходим долговременный учет последствий. Оценка вариантов развития, прогнозирование тенденций — без этого все трудней и трудней планировать и управлять. И это тоже, в свою очередь, требует от людей более высокого, чем прежде, уровня понимания, осмысления хода событий.

Выход в космос — это прежде всего выход разума. Это его победа. Сфера разума, «ноосфера», сущность которой была определена еще В. И. Вернадским, преодолела земные пределы. Бережное отношение к Земле, выявление все новых и новых ее возможностей — то, чему учит космическая эпоха и что она делает возможным, — обещает человеку более счастливую жизнь. Смысл, значение и последствия выхода в космос со временем будут поняты глубже, чем теперь. Но ясно уже сейчас, что космос стал необходимостью, всеобщей перспективой будущего и пути назад нет.

Я не прощаюсь

АНАТОЛИЙ МАКАРОВ

На Хмельной играл уличный оркестр. Кажется, теперь какая-то ее часть называется по-другому, но, старый москвич, я самонадеянно позволяю себе и варшавские улицы именовать по-старому. Тем более что новых названий в этом городе совсем немного. Здесь случился обратный феномен: древние исконные имена принадлежат теперь совершенно новым улицам, история живет не в камне, а в слове. Посредине необозримой современной площади можно найти памятную плиту с надписью: «Тут был перекресток улиц такой-то и такой-то». Пан Ковальский, вы хотите вспомнить ваши даты, ваши свидания на углу под часами, у кафе «Пеллеас и Мелизанда» — варшавские кавярни испокон веков

с Варшавой...

живут под эффектными литературно-латинскими вывесками? Ну что ж, приходите на площадь, на условный, фантастический перекресток, существующий лишь в словесном оформлении, лишь в сочетании звуков да еще в цепкой на мельчайшие подробности памяти старых варшавян.

Вот о чем думал я, вникая уличному оркестру, играющему на шумной узкой торговой Хмельной улице. Я понимал, конечно, что этот, наверное, последний в Варшаве уличный оркестр совсем не уличный в том классическом понимании этих слов, которые подразумевают безработицу, хождение по дворам-колодцам и ночевки на постоялом дворе. Этот оркестр часто снимают в кино, записывают на пластинки, включают в разные развлекательные программы и прочие шумные торжества. И все-таки это был настоящий уличный оркестр, о чем свидетельствовали лица музыкантов, обветренные морозом и выдуленные жарою, я бы сказал, солдатские лица — у всех: и у нежной скрипки, выводящей такие верха, что становилось страшно, и у гитары весьма бывшего вида, и у трубы, отличавшейся кавалерийской статью и склонностью, как говорят поляки, «сходить по воздуху», и у аккордеона, баки которого говорили о неистребимости и международной родности дворовых вкусов.

Ах, как они играли, эти «остатки» в Варшаве уличные музыканты! Их собратья и коллеги в эстрадных рединготах, выступающие на фестивалях и конкурсах, в кабаре на Новом Святе и в дансингах на Маршалковской, они, может быть, и образованнее, и изысканнее. Но где ж им взять столько чувств, не сдерживаемых представлениями о хорошем тоне, столько наивной искренности, сколько бывает ее у людей, решившихся раскрыть душу при всем честном народе; где ж им, наконец, взять такую энергию, какая необходима, чтобы перекрыть своей музыкой звон трамваев, свист милиционеров-регулирующих, шуршание «фиатов» и «сирен»! Я вспомнил, что, по Пушкину, одно из самых главных различий между Моцартом и Сальери в том, что Моцарт с упоением слушает улично-го скрипача, а у Сальери эта неприкаянная, неортодоксальная музыка вызывает раздражение. И сама собой пришла мысль о том, что в характере поляков, несомненно, ощутимо моцартианство. Не в том лишь, разумеется, дело, что способны они, забывая про все дела, плюнув, как говорится, на все, остановиться

вдруг посреди улицы вокруг бродячего оркестра, и не в том, что звон копыт по мостовой — проезжает последний извозчик — вызывает у них на лицах смятенное выражение восторга и печали, а в их эмоциональности, чрезмерности их страстей и поступков, в нерасчетливой готовности палить из пушки по воровьям, что, кстати сказать, почти неперемное свойство таланта: талант не боится затрат, благо у него есть эта самая пушка.

Руководитель оркестра, если только в таком оркестре соблюдается субординация, во всяком случае, его финансовый распорядитель, поскольку блюдо для добровольных пожертвований висело именно на его груди, остановился возле меня и спросил:

— Что сыграть для пана?

Спросил с той польской изысканной вежливостью, которая могла бы показаться утомительной, если бы не ирония, искрящаяся в углу правого глаза (левый смотрел абсолютно серьезно).

— «Темную ночь», — ответил я, не раздумывая, как-то подсознательно сомневающая этот оркестр, эту трогательную гитару, этот говорливый аккордеон с собственным детством, с послевоенными московскими дворами, где тоже хватало гитар и аккордеонов — песни, услышанные там однажды, забыть невозможно никогда и ни за что на свете.

Музыканты переглянулись и заиграли. Есть песни, которые надо слушать на улице. В зале или квартире заметен их эстрадный или танцевальный характер, а на воздухе, среди городских стен, садовых решеток, асфальта или бульжной мостовой, под городским невысоким небом они становятся другими, обретают ширину и глубину во времени. И волнуют, и томят, и позволяют вдруг увидеть то, что было уже давно-давно и далеко отсюда. Я понял неожиданно, что думаю о тебе. Я о тебе часто думал. Но лишь теперь мне стало ясно, что Польшу — не всю, конечно, Польшу, но, по крайней мере, что-то очень важное в ней — я узнал задолго до того, как приехал сюда. Узнал благодаря тебе.

...Ты стоял у окна и смотрел на улицу. По улицам проезжали машины с солдатами, и звучала «Темная ночь»: ты понимал, что их война окончена, что победу свою они заслужили, и, быть может, больше всего на свете тебе хотелось сейчас быть среди них, среди людей, которые празднуют победу и окончание войны. Но ты продолжал чистить пистолет, методически, но рассеянно, думая совсем о другом, поправляя очки. А потом ты стрелял, а потом стреляли в тебя, и ты бежал и путался в огромных непросто-

ших простынях, и с изумлением смотрел сквозь дымчатые очки на собственную кровь, и, наконец, ты падал, не на весеннюю землю, на которой мечтал умереть, а на мусор окраинной свалки, и была в этом такая проклятая и такая справедливая ирония, что хотелось плакать от досады, от сознания, что вернуть ничего нельзя, ошибку уже не исправить, от пронзительной жалости к тебе, к людям, к себе самому...

Наверное, это странно — прерывать вдруг ход повествования сентиментальным обращением, не знаю даже, как написать, к кому — к киногерою ли, то есть личности мифической, или же к киноактеру — покойному, а потому еще менее реальному, чем его герои? Все дело в том, что Эбигнев Цибульский для меня не герой и не актер, он часть моей биографии, моего духовного багажа, он один из нас, из моего поколения, это мы были такие заносчивые и уязвимые, способные острить на людей и плакать в темноте кинозала, приверженцы джаза и лирической поэзии, основатели самодеятельных театров и участники студенческих строев. Это одно. А о другом можно отдельно написать целую книгу — на тему о том, как проникает в сердце «забота о чужой стране», как перерастает она в любовь, не объяснимую однозначно и ощутимую постоянно.

Есть страны благополучные, был слагался там столетиями, эволюция нравов совершалась плавно, всего всегда хватало, в парламентах благонаравно обсуждался вопрос о введении в школах бесплатных полотенец — в такие страны приятно приезжать на конец недели. Полубить их трудно. Так мне кажется, по крайней мере. А в Польше все — порыв, все — смятение, вся история полна взрывов, жертв, высочайших идеалов и разрушенных домов, латинских глаголов и немецкой команды «Halt!». И когда мы смотрели на Цибульского, то понимали все это, быть может, не разумом даже, а кровью и сердцем; по-моему, это самый верный путь возникновения чувства.

...В тот вечер я был совершенно один. Так случилось, что между деловыми свиданиями, дружескими встречами и культурными развлечениями вдруг образовалось «окно». Я стоял на улице Новотки, возле кинотеатра, где есть зал под названием «Збышек», зал его имени, и чувствовал себя тройне одиноким — одиноким, потому что один, одиноким в чужом городе и, наконец, одиноким в чужой стране. Вопреки опасениям это чувство

оказалось вовсе не тягостным, но даже благотворным. Мы были наедине с Варшавой, без посредников и гидов — их участие бывает необходимо, но такое вот общение с глазу на глаз необходимо тоже. Мой путь по Варшаве, как и путь к Польше, начинался с Цибульского.

Город был оживлен и весел, он в полной мере обладал всем тем, что именуется столичным шиком: переливалась реклама, из кафе и баров, которых здесь не меньше, чем в Париже, доносились музыка. В зеркальных витринах интриговала воображение эфемерность дамского белья и пестрота джентльменских галстуков, соответствующих самой радикальной, самой оголтелой моде. В магазинах кондитерской фирмы «Ведель», существующей уже более ста лет, продавщицы были одеты в длинные платья и кружевные фартуки начала века, чайные назывались здесь «хербачарни» и представляли самоварную идею не в простодушно-извозчищем, а, так сказать, в высшем, почти светском духе. Это была вечная Варшава, какой сложилась она не сегодня и не вчера, — лукавая, обольстительная, веселая, театральная и «кабаретовая». Но внезапно улицы обрывались, и передо мной возникали площади, выложенные камнем, обсаженные каштанами и кленами, возделанные и аккуратные и все-таки такие огромные, столь нелогично, нерасчетливо обширные, что становилось ясно: архитектурный замысел здесь ни при чем. Нынешняя площадь — это часть той пустыни, в которую превратили Варшаву гитлеровцы. Это можно знать, об этом можно читать, это можно видеть в кино, но, когда осознаешь это в яви, это потрясает. Тут была Варшава, которой никогда уже не будет. Будет другая — быть может, прекраснее и солнечнее, но той уже не будет никогда. Не нужно быть поэтом, чтобы уловить ее тени, которые возникают то там, то тут, не находя себе покоя на улицах современного города; и тогда на лукавом лице Варшавы замечаешь горькую складку, которую не сотрут никакие годы.

На Аллее Первого Войска Польского есть дом. Когда говорят о нем, эту улицу называют по-старому — Аллеей Шуха. Мне говорили, что старые варшавяне до сих пор не любят ходить мимо этого дома — переходят на другую сторону. Этот дом фашисты не разрушили не потому, что питали какую-либо слабость к его посредственной казенной архитектуре. Все объясняется проще: в

этом здании во время оккупации размещалось гестапо. И его предварительная тюрьма с перегородками и деревянными скамьями, которую варшавяне называли «трамваем». Этот «трамвай» вез только в одну сторону, и кто в него попадал, уже не мог спрыгнуть на ходу. Я стоял под каменными сводами этой бывшей тюрьмы и думал о том, что подобного музея, наверное, никогда уже нигде не увижу. Мне приходилось бывать в разных средневековых подземельях и видеть всевозможные орудия пыток того же «благословенного» времени; они были зловещи и все же по прошествии веков производили несколько театральное впечатление. А здесь все было буднично — надежная кирпичная кладка, немаркая серая штукатурка, аскетизм небогатой конторы. Вот эта серость и обыденность потрясала больше всего — душила и угнетала. Казалось, что, если бы злодеянию сопутствовала мелодраматическая атмосфера, что-нибудь типа того же средневекового инквизиторского ритуала, было бы легче. Но нет, фашисты предпочитали отбивать легкие, ломать ребра, вырывать ногти в сугубо скромной деловой обстановке. А наверху была Варшава, где можно было гулять по Краковскому предместью, встречая девушек, прелестней которых нет нигде на свете, или по звонкой Тамке спуститься к Висле, рассеянной и медленной...

Я вышел на улицу. Благословенны города, в которых нет таких музеев! Счастливы люди, для которых в городах не существует мест, где не хочется проходить. В Польше такие места есть в каждом городе. Трагическое не является здесь принадлежностью искусства или мифического злого рока, оно существует в быту, ощутимо в ежедневном сознании, не уходит из снов. Совершенно разных людей я спросил об одном и том же: где я могу увидеть типичную сцену польского бытия, картину жизни, которая бы совмещала в себе и личную волю отдельных людей, и очевидный социальный пафос? Совершенно разные люди ответили мне совершенно одинаково: в воскресенье на кладбище. Я подумал даже: не звучит ли в этом совете некий отголосок католицизма с его мистикой и культом абстрактной духовности? Напрасно я так подумал — мистика была ни при чем. При чем была память — обостренная, неусыпная, передающаяся, кажется, уже не только при помощи

книг и уроков истории, но и по крови. Память о том, чему сам ты не был свидетелем.

Мы приехали в Пальмиры, варшавские Сокольники или Измайлово, — негустой пригородный лес, созданный для прогулок всей семьей, для свидания и элегического любования березками. Фашисты устроили среди этих берез место массового расстрела поляков. Они привозили сюда простых солдат и высших офицеров, коммунистов и католиков, прославленных спортсменов и деятелей культуры — эрудитов, золотустов, авторов тончайших эссе и философских трактатов. Я почему-то зримо представил себе именно этих — как их выводят ранним утром из стильных квартир на Старом Мясте или Мариенштадте, по-польски элегантно самую малость больше, чем полагалось бы; как везли их через всю Варшаву, и они автоматически замечали, что осень в этом году ранняя, а потом их вели по лесу, и они старались не запачкать прекрасно вычищенных штiblет, иронически констатируя про себя, что к пану богу надо являться при полном параде; а потом они в последний раз смотрели на солнце, пытались сохранить на лице выражение благородного скепсиса, и падали под пулями вместе с Янами и Яцеками, хлопами из Подгалья и варшавскими слесарями, которые не знали ни латыни, ни философии, но обладали тем высшим человеческим достоинством, о котором писали и Светоний, и Монтень.

Это кладбище было лишено живописной поэзии русских и строгой помпезности католических кладбищ. Просто бесконечные по ранжиру, как солдаты, выстроенные ряды могил. И жидкий березняк по краям, и низкое осеннее небо над головой. Место казни опять-таки разве что в оперных спектаклях отличается излишней, пугающей красотой. Здесь не было ни тенистых аллей, ни беседок, ни склепов — никаких мест для созерцательного и задумчивого уединения. А потому все пришедшие были на виду — не в горе своем, горе — понятие, к счастью, ограниченное во времени, — а в своей постоянной тридцатилетней уже трагической напряженности. Горели свечи, поставленные на могилы. Женщина, красивая той долгой, медленно увядающей красотой, которая так часто встречается у полек, стояла на коленях, сложив ладони как для молитвы и глядя в одну точку — в основание казенного цементного креста. Я подумал о том, что

Бетон и стекло на Маршалковской...

и выставляют картины бородастые художники. Какое им дело до пыток и расстрелов — любителям электрогитар и биг-бита... Они подошли к одной могиле и встали вокруг нее. Здесь покоился Януш Кусочинский — спортсмен, чемпион Берлинской олимпиады тридцать шестого года, расстрелянный гестаповцами словно бы не только за подпольную работу, но и в соответствии со всей логикой фашизма за то, что был он таким, каким он был, — красавцем, олимпийцем, героем... Высокий парень с гитарой тронул струны, и они запели — стройно и высоко, как на собрании наивного певческого кружка, а не лихого биг-битового клуба. «Червоны маки под Монте-Касино», — запели они, и я, убежденный материалист, не верящий в чудеса, сдавший все экзамены по истмату и драмату, был уверен в этот момент, что герой, или дух его, или не знаю что, какая-то высшая его идея — ибо прав был поэт: «весь я не умру», — внимает сейчас этой песне.

...Ты сидел за стойкой бара и смотрел на девушку, которая наливала тебе водку. Вернее, не водку, а спирт. Ты смотрел на нее так, как смотрят, когда хотят понравиться, когда иронией и насмешкой хотят скрыть обезоруживающую нежность. Она поставила перед тобой рюмку. Ты кивнул головой и попросил еще. «Для кого?» — удивилась девушка. «Для одного товарища», — ответил ты. — И еще для одного, и еще, и еще...» Она посмотрела на дверь, словно ожидая, что они сейчас войдут. Но ты знал, что они уже никуда прийти не смогут. Ни сегодня, ни завтра — никогда... Ты аккуратно расставил рюмки в ряд и зажег спичку. Шесть маленьких синеватых огней отражались в полированной поверхности стойки — шесть маленьких Вечных огней, которые ты зажег в этот вечер в память своих товарищей, буд-то бы зная, что до Вечного огня на площади Освобождения тебе все равно не дожить...

На углу Маршалковской и Аллей Иерозалимских, у самого начала знаменитой Восточной стены, состоящей из огромных магазинов, кольцом стояла толпа... С опытом записного московского зеваки я протиснулся в середину. В середине располагался огромный кованный фонарь, но за стеклами, там, где, по идее, должна была помещаться гигантская свеча или же фитиль соответствующих размеров, лежали деньги. Не знаю, гигантская ли сумма или не слишком, — на вид куча во всяком случае была внушительная, поскольку состояла она из разнообразнейших купюр и монет самого разного достоинства. Из добровольных пожертвований со-

верность — чувство более сложное, чем принято иногда полагать; трудно вообразить, что все эти годы эта женщина страдала от одиночества, скорее наоборот — от излишнего внимания окружающих, вот и сейчас приближается к ней седой мужчина с цветами, только что аккуратно припарковавший свой белый «мерседес»; но вот несколько раз в год она презирает к месту последнего успокоения того гимназиста, или студента, или кавалерийского подхорунжего, с которым она целовалась в Лазенках, бегала по кавярням, ездила на шопеновские утренники в Желязову Волю, читала Норвида, Тувима или Броневского: «Улица Милая вовсе не милая, ты не ходи по ней, моя милая...»

Так кому же она верна — себе самой, вероятно. И Шопену. И липам в Лазенках. И Норвиду, и Тувиму.

На земле лежали рюкзаки и харцерские курточки с изображениями тигров и львов на рукавах. Белобрысые тигрята и львята, сопя от усердия, обкладывали могилы свежим дерном. Из перелеска вышла группа — ребята и девушки, одетые с той напускной небрежностью, которая помогает теперь молодежи во всем мире самоутверждаться. Символ века — неизменная гитара болталась на шее одного из парней. По инерции мышления я готов был посчитать их лишними, подходящими больше к какому-нибудь молодежному клубу, где выступают длинноволосые певцы

...и средневековые стены Старого Мясца — ровесники. Они родились и встали из руин после войны.

стояла она: из пролетарских злотых, из злотых, выделенных молодыми специалистами из своих много раз не без иронии воспетых «двух тысяч», из крох студенческих стипендий и легких монеток школьничков, мужественно отказавшихся от мороженого и жевательной резинки. Короче говоря, этот выставленный посреди города фонарь являлся, по сути дела, копилкой Варшавы, а копила Варшава, а сэкономила она, а откладывала свои трудовые на восстановление, возрождение, реставрацию Королевского замка, от которого сейчас остался один фундамент. Он простоял сотни лет, в

тридцать девятом его разбомбили, а в сорок четвертом и вовсе стерли с лица земли. Так же как и Новый Свят и Старе Мясцо. Эти древние районы восстановлены в первоизданном виде, что до сих пор кажется подвигом, проявлением изумительной жизненной силы, вызовом, брошенным варварству, разбою, да и самой смерти. Возродить Королевский замок все же не надеялись. А теперь я прошу москвичей представить такую страшную вещь — в Москве разрушен Кремль. А ленинградцы пусть вообразят, что Зимнего дворца, Эрмитажа в их великом городе тоже более не существует.

Скажите, разве при всех проблемах жилищного строительства, при всех срочных нуждах и не терпящих промедления обстоятельствах вы не бросились бы восстанавливать то, что стало символом нашей государственности, нашей культуры, нашей истории? Разве не гордились бы втайне, что ваши рубли — неважно, большие или нет, а важно, что заработанные, — пошли на воссоздание национальной святыни?

Так вот, поймите теперь поляков. Поймите этот народ с обостренным чувством чести и достоинства, с его гордостью за каждый камень, выстоявший в годы

разделов и нашествий, с его постоянным желанием проявить себя в творчестве, искусстве, науке по самому высокому счету, какой только существует на свете... Поймите тех рабочих и служащих, курсантов военных училищ, которые приезжают каждый день на Замковую площадь расчищать руины, кирками и ломами разбивать ненужный теперь фундамент крепостных стен. Поймите архитекторов, которые по архивным чертежам, по миллионам рисунков, фотографий, гравюр восстанавливают доскональный проект утраченного дворца. Поймите, наконец, варшавских стариков, классических старых варшавян, потомственных обитателей Охоты и Мокотува, энтузиастов в душе и скептиков наружно, — они приходят к статуе Сигизмунда с самого утра, обстоятельно раскладываются друг с другом и потом принимают наблюдать и обсуждать ход работ. Обсуждение, если его послушать со стороны, может дать немало оснований для размышления о природе польского юмора.

О этот юмор! Я был в знаменитом СТСе — театре сатириков и на премьере шлягеров будущего сезона, которую устраивало в шикарном кафе отеля «Бристоль» общество эстрадных композиторов, и на программе, посвященной традиционным песенкам и анекдотам варшавских улиц и дворов. Публика была разная — «интеллектуальная», пижонская, простодушная, и юмор был разный — с оттенком снобизма, с налетом светскости, довольно-таки соленый. И все же природа, а вернее истоки, оставались неизменны. Юмор проистекал из самой сути польского характера. А в этом характере — и поляки это сами признают — много аффектации, бравады, бретерства, духа противоречия, страсти произвести впечатление, ослепить, поразить, прыгнуть выше головы, набрать в жизненной игре не двадцать одно, а двадцать два. Так вот, юмор призван урезонить эту заносчивость, «утихомирить» ее. Он прекрасно с этим справляется, а поскольку ирония по собственному адресу есть несомненный признак ума, свойство души тонкой и неравнодушной, а поскольку все эти качества в высшей степени обаятельны, у польского юмора, помимо своего прямого действия, возникает еще и побочный эффект.

Говорят, каждый варшавянин в душе поэт — так щедро одаривает его городская муза.

Фото В. ГЕНДЕ-РОТЕ

Он исподволь, ненавязчиво и незаметно, вызывает к этому народу и этой стране новые симпатии.

«Это плохой человек, он ни разу в жизни не пошутил над самим собой» — такую древнюю восточную мудрость заимствую я из одной современной книги. Не хочется создавать афоризмы по школьному методу — «от противного», и все же, пытаясь логически разобраться в собственных ощущениях, подводя, так сказать, базу под сердечное томление, испытываемое при звуках польской речи, я всякий раз возвращаюсь к юмору, к тому легкому артистичному скепсису, каким проверяется подлинность чувств, — к самоиронии, помогающей любому оратору удержаться на высоте собственного пафоса, собственной страсти, собственного честолюбия. Поляки называют себя иногда «однодневными миллионерами» — за способность в один день растратить и прокутить всю получку. Они именуют варшавские площади «самыми большими пустынями в Средней Европе». Сейчас в кабаре «Новый Свят» выступает с «рециталем» поэт и певец Войцех Млынарский и пародирует знаменитую песенку французского автора Жильбера Беко «Воскресенье в Орли». Это очень благополучная песенка, так сказать, романтизм на почве сытости. «Когда мне становится грустно,—говорится в песенке Беко, — грустно без всякой реальной причины, я уезжаю в аэропорт Орли и, сидя на террасе кафе, попивая martini, смотрю, как серебристые птицы улетают в Нью-Йорк и Гонолулу, в Рио-де-Жанейро и на Таити». «Когда мне становится грустно, — поет Войцех Млынарский, — я иду на Варшаву-Главную (помощески — на Курский вокзал) и, стоя у пивного ларька...» Нет смысла пересказывать, зрелище вокзала у каждого перед глазами. Вам эта насмешливость кажется кощунственной и еретичной? Не торопитесь. Совместите эту иронию с кавалерийскими атаками на фашистские танки, с безоглядным порывом молодых ребят, не раздумывая бросившихся тушить пожар на нефтеочистительном заводе в Катовицком воеводстве (Польша — страна, не богатая нефтью, здесь нет таких специалистов по тушению нефтяных пожаров, как у нас или в Южной Америке), с уверенностью рабочих людей, без громких слов сознающих, что в стране они хозяева и от них все зависит. И тогда очевидно станет, что стихийная эта непочтительность возникает от застенчивости и нежной любви. Еще одна черта польской души, с которой познакомил меня Збигнев Цибульский.

...Ты спас ребенка, пятилетнюю девочку, непонятно как попавшую в зоопарке в вольер к медведям. Толпа охала и ахала, молодые люди в дубленках успокаивали своих подруг, а ты, инкассатор в старомодном берете и нелепых очках, не мешкая сиганул прямо в вольер. И вот все тобой восхищены, а одна девушка, такая красивая, что на нее даже боязно смотреть, забыв о своем кавалере, приглашает тебя в гости. И ты сидишь в ее квартире, неуклюжий и робкий, среди абстрактных картин, низкой мебели, стереофонических магнитофонов и эмансипированных подруг юной хозяйки. Они спрашивают тебя, танцуешь ли ты, и ты поспешно выражаешь готовность: как же, как же, извольте, честь имею пригласить на вальс... Они спрашивали не о вальсе. А поскольку к другим танцам ты не способен, предлагают сыграть в жмурки. Тебе завязывают глаза, и ты, ошанявший от вина, сумасшедшей музыки и заливистого женского смеха, смешно растопырив руки, добросовестно стараешься поймать кого-нибудь. А тебя толкают, тебя шпыняют, тебе подставляют ножки и швыряются в тебя подушками, и, прежде чем осознать, что над тобой издеваются, ты неожиданно вспоминаешь вдруг, что однажды тебе уже завязывали вот так глаза. Это было во время расстрела на улице Хлодной; а может быть, и на Лешно, когда ты очнулся, кругом были развалины и разобраться было трудно. Ты сразу отрезвел, ты сорвал с глаз повязку. Ты спустился вниз по лестнице, и, когда отвергнутый кавалер девушки бросился на тебя, ты ловко закрутил ему руку за спину. А потом ты вышел на улицу, сел на допотопный свой велосипед и поехал по Варшаве, шурясь от солнца и улыбаясь огромным домам, построенным на месте тех развалин...

Наконец я понял, что мне надо зайти куда-нибудь. Я был один, но Варшава не такой город, где одинокому путешественнику некуда податься. Проблема другая — затруднение от богатства выбора: я мог пойти в кондитерскую stodvухлетней фирмы Адама Бликле (сюда, если верить фотографиям, захаживали Артур Рубинштейн, Лиз Тейлор и Игорь Моисеев), в кофейный бар «Али-Баба», в винарню «Под крокодилом» и еще в сотню аналогичных заведений. Я выбрал кафе, принадлежавшее газетно-журнальному объединению «Рух» (польская «Союзпечать»), расположенному в одном из приделов «Театра Велькего» — Большого театра. Я выбрал это кафе за то, что там можно почитать газеты: они висят вдоль стены, прикрепленные к полированным палкам. Тут же стоят акkuratные ящички с журналами — нашумевший роман можно читать хоть в течение целого выходного, спросив себе при этом одну-единственную чашку кофе. Еще за столиком можно писать — письмо, курсовую работу, диссертацию, статью, лирическую поэму; ни у кого это не вызовет удивления, никто не упрекнет вас за то, что за свои семь злотых вы хотите себе полного душевного комфорта. Еще в кафе есть магазин, где торгуют репродукциями,

открытками и товаром совершенно уникальным — польскими театральными, киношными и рекламными плакатами, изобретательнее и смелее которых нет, наверное, нигде в мире. И наконец, при кафе существует «институция», называемая «современной галерей», — три или четыре комнаты, где регулярно устраиваются выставки молодых художников. В этот вечер был вернисаж троих. Один из живописцев, Эдвард Двурник, представил огромные холсты, похожие на театральные задники или обои; он рисовал толпу и вечные мотивы толпы — восстание, бунт, мятеж, демонстрацию, забастовку, казнь. Манера его была нарочито наивна, люди изображались с простодушными подробностями и натурализмом, исторические эпохи были перемешаны. Получалось, например, что рабочая демонстрация готовит камни против средневековых ландскнехтов, а на старинном, почти оперном эшафоте точат топоры палачи в современной эссэвской форме. Мысль была очевидна: существует преемственность борцов, как существует и преемственность насильников, это две извечно враждебные, противостоящие друг другу стихии; борьба меж ними и есть человеческая история. Впрочем, эта социальность не воспринималась дидактически, потому что жила в этих пейзажах улиц, смятенных, открытых, раскрывающих душу нараспашку, какая-то символическая терпкая красота, неразделимая с польскими городами.

Отчего-то я тогда вспомнил, да и теперь вспоминаю, холодный осенний день, ветер, нахохлившись голубей на площади. Сквозь низкие тучи иногда пробивается солнце, и тогда вся огромная площадь вспыхивает ярчайшим и мгновенным предзимним светом. Гвоздики, целыми ведрами стоящие на каменных плитах, кажутся в такие моменты необычайно, вызывающе красными, от этого, как от дорогих воспоминаний, на душе и радостно, и тревожно. Старые цветочницы поднимают воротники и дымят крепкими сигаретами. Парень и девушка бродят меж цветов; девушка такая красивая, что пропадает чувство реальности. И парень тоже хороший, тоже красивый, но не слишком, с умными глазами — такой, какой надо, парень. И вот они ходят по этим вечным камням, на фоне этих вечных стен, меж цветов, которые кажутся неуязвимыми, а я, сам не зная зачем, иду за ними и почему-то им завидую, хотя никогда в жизни не завидовал незнакомым людям, и хорошо мне необыкновенно, и от ветра на глазах у меня слезы...

МЕРРИ ОТТЕН, АЛЬБАН БАНСА

БАЛИЙСКОЕ ВОЛШЕБСТВО

Он выглядит зеленым сердцем в цепочке островов Индонезии. Не самый большой остров, но и не самый маленький (всего их больше пяти тысяч в архипелаге). Во всем, казалось бы, схожий с остальными. Но это Бали.

На Бали не устаешь удивляться щедрости пейзажа, который человек населил целым сонмом богов и духов. Не случайно ислам, монотеистская религия, родившаяся в пустыне, не смог здесь одолеть воинства богов матери-природы. Когда Ява, Суматра, Сулавеси приняли магометанство, Бали остался заповедником великой индо-яванской культуры, процветавшей полтысячелетия, главным и единственным хранителем ее традиций. Придворные поэты славли добродетели балийских князей в изысканном стиле яванской поэзии, уже когда на самой Яве этот стиль давным-давно был предан забвению.

Бали всегда оставался верен себе. Голландцы присоединили остров к остальной колонии довольно поздно: в 1906 году. Когда нидерландские войска генерала Ван-Гоорна высадились на западном берегу, князя Денпасара и Паметжутана с чадами и

Главы из книги французских журналистов об Индонезии уже публиковались в нашем журнале («Сунданские чародей», № 6 за 1970 год). Полностью книга выйдет в издательстве «Наука».

На Бали не устаешь удивляться щедрости природы. Воображение недаром населило богами леса и вулканы острова. Этим богам приносят в дар цветы и фрукты, им посвящают старинные танцы, где каждому движению придан особый смысл.

домочадцами пошли, вооруженные одними кинжалами-крисами, против пушек и винтовок. Генерал отдал приказ стрелять. Убитые исчислялись тысячами. Это коллективное самоубийство дает представление о характере балийцев, о высоко чтимом чувстве собственного достоинства.

Даже современность с ее унифицирующими все и вся городами, со стандартными запросами туризма, даже она не сумела изменить облика Бали. Приветливость без заискивания, гордость без чванства — не много в мире мест, где можно увидеть и почувствовать такое.

Мы начали путь с запада острова. По мере приближения к Денпасару дорога отходит все дальше от берега, врезааясь зигзагами в густую растительность. Речки, несущиеся со склонов вулканов, прорыли глубокие узкие долины. На рассвете и в сумерках можно видеть, как там вперемежку купаются люди и животные; это зрелище вызывает в памяти полотно Ренуара — обнаженные женщины, расчесывающие длинные, блестящие от воды волосы. Рядом, войдя до половины в ручей, стоят громадные розовые буйволы, а вокруг бесенятами выются голые ребятишки. Золотистый цвет тел удивительно вписывается в пейзаж.

Едва выступая из отливающей металлом воды, поднимается храм на берегу озера Братан. Здесь начинаешь понимать, почему балийцы выбирают для храмов пугающие своей красотой места. Вулкан, у подножия которого лежит озеро, окутан шлейфами тяжелого дыма. Все вокруг серо. Грозная тишина подавляет, она символизирует ожидание вечности. Храм, прилепившийся к краю озера, посвящен богам, живущим, по балийскому поверью, в жерле вулканов.

На высеченном в скале основании изображен большой свернувшийся клубком змей — это символ зарождения жизни; здесь начало всех начал. Алтарь служит посредником между мирским хаосом и невидимой обителью богов...

Лавовые потоки многочисленных извержений различаются по цвету: недавние — самые темные. Последнее извержение, случившееся в 1963 году, унесло три тысячи жизней. В феврале первым взорвался Агунг. Взрывом у него оторвало вершину — так он и стоит усеченным конусом. За соседом в марте последовал Батур. Извержения сопровождалось таким выбросом пепла, что он на три дня закрыл все небо над Сурабаей, что в двухстах пятидесяти

километрах отсюда! Смертоносными, однако, оказались не лава и не пепел, а горячие ядовитые газы, предшествующие извержению.

Но, несмотря на частые катастрофы, балийцы вновь и вновь селятся у подножия вулканов. Ведь огнедышащие горы — это божество, и если они приходят в ярость, это означает, что дары и молитвы оказались недостаточными хороши. Агунг сам во время последнего извержения показал это — потоки его лавы аккуратно обогнули храм, разорив все окрестные деревни.

Для балийцев характерно чувство солидарности. Оно особенно проявилось в системе взаимопомощи, называемой «готонг-ротонг». Это система общественных повинностей, к которым относятся тяжелые работы на рисовых полях, строительство домов, помощь безработным, ремонт общественных зданий, сбор средств нуждающимся семьям, сиротам и старикам.

Система позволяет как-то компенсировать социальное неравенство и обеспечить выживание немощных, которых всегда большинство. Лишь в некоторых районах община предоставляет каждой семье небольшой надел, достаточный, чтобы прокормить семью. Основная же часть крестьян арендует землю, для чего вынуждена обращаться к ростовщику-китайцу. В таких условиях община способна выжить только благодаря «готонг-ротонгу». Когда разразился экономический кризис 1930 года, рабочим, уволенным с плантации Суматры, позволил выжить только «готонг-ротонг». В наши дни поддержка общины не позволила экономическому хаосу в стране принять трагические формы. Деревня живет замкнутым натуральным хозяйством, почти без денег: долги платят рисом после сбора урожая.

«Готонг-ротонг» поддерживает целый класс бродячего пролетариата, который кормится сезонными работами. В других обстоятельствах они были бы обречены. Кроме того, что они состоят членами рабочего коллектива, балийцы еще непременно участвуют в каком-нибудь объединении — танцевальном коллективе, оркестре, хоре. Вся жизнь балийца проходит в группе — рабочей или творческой. Группа обуславливает ритм его жизни.

Южная часть острова — это сплошные террасы рисовых полей. Очеловеченная руками природы превратилась здесь в подлинное произведение искусства. Рисовые поля выглядят словно складки сверкающего покрывала,

наброшенного на склоны гор. Мельчайшие клочки земли выровнены, ухожены, приспособлены под посадки. С течением веков уход за землей превратился из жестокой необходимости в эстетическую потребность. Бали по праву гордится своими рисовыми полями — савахами; они самые красивые в Индонезии, да и, наверное, в мире. Границы аккуратно следуют изгибам почвы. Дамбочки укреплены красиво уложенными камнями и кораллами, которые добывают в море и на спине поднимают в горы.

Там же на поле ловят линдунгов, разновидность угрей, длиной десять-двадцать сантиметров. При этом крестьяне пользуются удивительным в своей бесхитростности способом. У входа в угриное логово ставят ловушку — полый бамбуковый ствол, заткнутый с одного конца. В ствол закладывают приманку. Лакомка линдунг заползает в бамбук, проглатывает приманку, а вылезти обратно уже не может... Жареный в пальмовом масле линдунг — обеденье.

Что едят балийцы, можно увидеть на прилавках бесчисленных лавчонок у дороги. Возле них прекрасные, по пояс обнаженные женщины варят рис и готовят чай к тому часу, когда работники спускаются с поля перекусить. В глубине деревянной лавчонки спят на подстилке пухлые ребятишки. Над черным очагом клубится дым, пропитанный запахом кокосового масла.

Излюбленное блюдо балийцев — сушеная говядина, перемешанная в чугушке с рисом, перцем, множеством пряностей и сладким картофелем. Европейец может смягчить жгучий эффект местных пряностей, заедая блюдо фруктами, в изобилии растущими на Бали.

Многообразие тропических фруктов таково, что в нем просто теряешься. В целом же преобладает терпкость: оранжевый климат Бали заставляет здешние плоды расти слишком быстро, они не успевают обогатиться витаминами, набрать из земли необходимые калории, поэтому их польза для организма невелика. Чтобы как-то утолить голод и восполнить недостаток калорийности, балийцы густо приправляют еду пряностями. Перец — мощный реактив, он увеличивает кровообращение, согревает, придает силы. Его аналог — бетель (тонирующая жвачка вяжущего вкуса) — позволяет индонезийцам сохранять жизнедеятельность в условиях тяжелого климата. Жвачку готовят из смеси бетелевых листьев, известки и красящего рот толченого ореха. У балийцев от этого постоянно

красные губы и десны. Когда они улыбаются, то часто выглядят словно вампиры после обеда.

Сбоку от дороги в тени деревенских домов стоят любовно сплетенные бамбуковые клетки, в которых наслаждаются прохладой бойцовые петухи — предмет особой заботы мужской половины острова.

Петух в своей временной неволе ждет, когда пробьет его час. Ежевечерне хозяин вынимает его из клетки и долго-долго массирует ему мускулы перед грядущим боем. Часто владелец выгуливает птицу и беседует с ней, потрепывая и лаская своего питомца. Сидящий на корточках балиец, смотрящий долгим-долгим взором на птицу, — эту картину можно наблюдать всюду на Бали.

Одно время правительство запретило петушине бою, но запрет вызвал на Бали такое волнение, что его пришлось срочно отменить. При одном упоминании об этой игре страсти расходятся не на шутку. Власти, правда, сократили количество боев до двух в месяц; обычно их устраивают первого и пятнадцатого числа каждого месяца. Но в деревне, подальше от начальственных глаз, балийцы следуют не распоряжениям, а своему календарю.

Бой происходит на особой площадке в первом дворике храма или — если это «незаконная» встреча — в лесу. Продавцы всякой всячины, лоточники, болельщики плотно сбиваются вокруг участников. На полочках, прибитых к столбам, поддерживающим соломенную кровлю, сложены ритуальные дары. Они призваны умилостивить богов — покровителей петушиного боя и ниспослать на участников волшебную силу, «дабы уберечь их от соблазна покинуть место боя, не заплатив должного». Воровство считается на Бали тяжелым преступлением и наказывается соответственно; но если кто-то из игроков уйдет, не заплатив проигрыша, его ждет еще небесная кара.

Владельцы петухов выбирают достойных соперников. Петухи переходят из рук в руки, постепенно формируются первые пары. Затем соперники отходят в сторону, чтобы вооружить бойцов.

Петухам прикрепляют к левой лапке отточенное стальное лезвие, называемое «таджи». Их изготавливает кузнец, тот же, что выковывает традиционные кинжалы — крисы. Каждый владелец носит петушине лезвие в особых ножнах из раковины. Этих лезвий существует великое множество, в зависимости от веса петуха. Кузнец приматывает его к ноге птицы длинной красной хлопковой

ниткой. Во время подготовки хозяин не выпускает петуха из рук, а соперник внимательно следит за манипуляциями. Кузнец может привязать лезвие слева или справа от естественной шпоры. В первом случае оно мешает петуху, во втором — превращается в грозное оружие. Эти подробности очень важны для участников; иногда, чтобы уравновесить шансы, владельцы петухов с общего согласия решают ослабить одного из бойцов.

Болельщики терпеливо ждут конца долгих приготовлений. Наконец тактика выработана. И тут — взрыв страстей... Вопли, подбадривания, предложения, предположения! Гвалт разносится далеко окрест. Мужчины вскакивают и вновь садятся на пятки, вытягивают руки, нервно щелкают пальцами. Сговариваются примерно так: «Если выиграет черный петух, я дам тебе двести рупий, а если белый — ты дашь мне триста...» Иногда простым знаком руки (здесь выработан целый код) заключают пари на крупную сумму.

Владельцы представляют петухов собравшимся. Вокруг арены бушуют страсти и азарт. Но вот последние пари заключены. Кипение страстей сменяет напряженная тишина.

В углу под навесом сидит, поджав под себя ноги, судья — морщинистый, голый по пояс старик с красными от бетеля губами. Он ударяет в маленький гонг — можно начинать бой. В терракотовую чашу, наполненную водой, кладут половину кокосового ореха, в центре которого просверлена дырочка. Орех постепенно наполняется водой: когда он пойдет ко дну, прозвенит гонг, возвещающий конец раунда. Раундов всего пять.

Перед тем как выпустить своих питомцев на арену победы или смерти, хозяева распушивают птице хвост и только тогда выбрасывают их клюв к клюву. Петухи на мгновение замирают, как бы изучая друг друга, затем выпрямляются и расправляют перья: это рыцарское приглашение к бою, вызов. Первая же схватка, по сути дела, решает исход боя; она происходит настолько быстро, что неопытный взор видит лишь ком перьев. Петухи подсакивают на несколько сантиметров над землей, задрав лапу с таджи. Тот, кто быстрее взойдется над противником, сможет нанести лезвием удар в грудь. Но смерть наступает не сразу, проходит еще несколько раундов, прежде чем жертва упадет.

Если же исход боя неясен и

после пяти официальных раундов, бойцов запирают вдвоем в одну клетку. Несколько секунд спустя один из них мертв.

Воспитание бойцовых петухов, равно как и заключение пари, — прерогатива мужчин.

Бои начинаются в полдень и заканчиваются в сумерках. Вся накопившаяся ярость выплескивается во время петушиного сражения, и в этом, видимо, надо искать корни привязанности балийцев к этой игре. Этот живой и тонко чувствующий народ колеблется, по словам писательницы Викии Баум, «между кровью и нежностью»: с одной стороны, их влечет насущная потребность к воинственному столкновению, страсть к острым ощущениям, а с другой — им присущи необыкновенная нежность, тончайшее чувство красоты и гармонии. Кстати сказать, в древности петушиный бой являл собой ритуал жертвоприношения, кровь была призвана умилостивить богов. Но что суть боги, как не продолжение нас самих?

Психологическое дополнение к петушину бою — балийский танец.

Волшебные танцевальные метаморфозы составляют часть древней балийской традиции. Оркестр — гамелан — задевает за живое звуками своих ксилофонов, музыка взывает не столько к чувствам, сколько к телу. Руководитель оркестра играет на гендере — это тот же ксилофон, но чуть больше остальных. Остальные музыканты следят за ним краешком глаза. Вот легким движением он прерывает каскад звуков, вступает флейта, веселая, болтливая — словно торопится поведать что-то. Старик, играющий на ней, в упорении закрывает глаза. Ксилофоны тихонько, мелкими шажками вторят ему, дожидаясь, пока он до конца доскажет свое сокровенное. И вновь тишину разрывает, живо контрастируя с ритмической нежностью флейты, водопад светлых нот.

Оркестранты сидят, поджав ноги, у ограды храмового дворика, так что танцующим приходится двигаться рассчитанными движениями. На каждый такт они реагируют движением пальцев, глаз, застывают на мгновение в неуправимой позе ожившей скульптуры.

Едва ли не самый впечатляющий — это «Кетьяк», «Танец обезьян». В центре первого храмового дворика в землю вонзают факел, и несколько сот мужчин, обнаженных по пояс, усаживаются concentрическими кругами вокруг него. За ухом у каждого — красный цветок: они ритмично

На рассвете мужчины идут на рисовое поле. Эти поля, спускающиеся уступами по склонам вулканов, укрепляют камнями и раковинами, и они выглядят словно произведения искусства.

двигают плечами, выкликая: «Кетьяк!.. Кетьяк!.. Кетьяк!..», а главный рассказчик громко читает наизусть эпизоды «Рамаяны».

«Рамаяна», индийская эпопея о Раме и Сите, известна во всей Юго-Восточной Азии; о ней рас-

сказывают барельефы на стенах храмов и представления театра ваянг, танцы и народные предания. Королевский сын Рама выиграл с помощью воплотившегося в нем бога Вишну состязание в стрельбе из лука и получил за это руку красавицы Ситы. Однако мачеха противится тому, чтобы он стал королем. Объятый горечью Рама покидает королевский двор и уходит в лес вместе с женой и братом жены Лакшманом. В это время коварный король Цейлона Равана решает украсть у него красавицу Ситу. Он обра-

щается в золотую лань и подманивает во время охоты молодую женщину. Рама бросается за ланью. В лесу слышится крик. Лакшман кидается на помощь Раме, оставив на время Ситу одну, и Равана похищает ее.

Рама в отчаянии призывает на помощь армию обезьян. Их царь Хануман приказывает построить из камней мост от Индии до Цейлона. Эпопея заканчивается битвой между Раваной и Рамой. Однако, обретая вновь возлюбленную супругу, Рама упрекает ее в том, что во время заточения она была

ему неверна. Красавица Сита вне себя от горя бросается в огонь, чтобы доказать свою добродетель.

Танцоры изображают бой с обезьяньей армией. Ритм быстро захватывает присутствующих. Мужчины разом вздымают руки, которые в свете факелов кажутся красными сполохами огня. Внезапно они откидываются на спину, словно раскрывшийся цветок. Гортанные голоса танцоров-певцов придают происходящему совершенно фантастическую окраску.

В былые времена ритмичным повторением слова «кетьяк» мужчины доводили себя до состояния транса, до экстаза. Лишь сравнительно недавно обряд одержимости уступил место балету на темы «Рамаяны».

Мир индонезийцев полон фантазмагорий, которые трудно поддаются анализу западной логики. Разум и наука, наделив нас могучими орудиями преодоления природы, одновременно закрыли нам доступ в мир воображения.

Если на деревню обрушивалась

эпидемия или другая беда, балійцы устраивали особую церемонию, известную под названием «Баронг», или «Танец криса». Сегодня эта церемония, к вящей радости западных туристов, превратилась в подобие цирка. Тем не менее в отдельных деревнях巴厘 культ сохранил свое первоначальное значение. Для «Баронга» нужны богатые костюмы, хороший оркестр, пышные аксессуары. Всем этим занимается глава деревни — агунг. Его легко узнать среди толпы односельчан по покровительственной улыбке, за-

Красавица Сита, героиня великого эпоса «Рамаяна».

ставляющей вспомнить европейского средневекового сеньора.

Агунг ждет, пока его западные гости закончат легкий ужин и усядутся на свои места. После этого он делает знак собравшейся у ворот храма толпе: можно входить. Статуи хмурых и насупленных монстров встречают собравшихся. Их, кажется, вовсе не волнует зрелище аппетитных даров, которые босоногие женщины в облегающих батиках кладут перед ними. По обе стороны почетного трона на громадных бамбуковых шестах трепещут красно-белые штандарты; это цвета индонезийского флага, но для балийцев это еще и цвета Брахмы и Шивы.

Благоговейная атмосфера никак не предвещает скорого неистовства.

Раздаются звуки флейты, начинается прелюдия церемонии, которую исполняют четыре девушки. Черные распущенные волосы волной падают на спину. Вокруг груди обернуты широкие яркие ленты, тело плотно облегает цветастый батик, обнаженные руки вьются словно змеи, зачарованные звуками флейты. Длинные шлейфы из прозрачной ткани вычерчивают причудливые арабески.

За флейтой вступает гамелан; за исключением бронзовых гонгов, висящих на бамбуковых поперечинах, в оркестре больше нет металлических инструментов. Музыканты по виду очень молоды (хотя все индонезийцы выглядят моложе своих лет). Прежде чем усесться под священным деревом, все двадцать оркестрантов делают вдоль ограды круг почета.

«Танец криса» — часть большой драмы, основанной на одной из индийских эпикей. Поскольку в ней борются символы зла и добра, речь идет скорее о психодраме. Действие церемонии неотвратимо ведет к столкновению этих двух могущественных сил.

Любой разговор о культуре Бали будет неполным, если не упомянуть о кинжале-крисе, символизирующем силу и могущество. Это длинный кинжал с прямым или волнообразным лезвием. В VII веке он являл собой знак княжеского достоинства, но с течением времени сделался оружием простолюдинов.

Техника изготовления криса приближалась к священнодействию. Оружейник, влащущий сегодня незавидное существование, в те времена пользовался большим общественным престижем. Его звали «кьяй», то есть мастер, господин. Во время изготовления кинжала мастерская превращалась в место жертвоприношений.

Кузнец часто пользовался метеоритным железом, содержащим никель. На наковальне отбивали вместе две железных полосы, пока они не становились однородной массой. После этого мастер с помощью мышьяка или уксусной кислоты вытравлял никель, и на лезвии выступал извилистый узор.

Изготовление криса часто сопровождалось чтением эпических поэм. Кузнец был одновременно поэтом, а то и шаманом.

Изображение на крисе призвано усилить действенность оружия. Как правило, на лезвии изображали змею; если лезвие было прямое — значит змея отдыхает, если извилистое — змея движется. Лезвие символизирует душу, ножны — тело. Когда крис вытаскивают из ножен, его нужно поднять над головой, упомянув при этом предков, которым он принадлежал. Оружие является предметом семейного культа и передается по наследству главе семьи. Раз в год крис торжественно натирают благовонным маслом. Легенда гласит, что, если недостойный человек будет носить крис на поясе, кинжал сам повернется острием и вспорет ему живот...

Не забудем, что цель происходящего — отогнать эпидемию от деревни. Двое священников вносят дары королю Айрланге, который правил в древности на Бали и почитается как божество.

Король Айрланга обвиняет свою жену Ратнаменгали в том, что она явилась причиной эпидемии, и отправляет ее назад к матери, грозной колдунье Рангде. Ретивые министры, те даже начинают хлестать королеву. Рангда, естественно, в ярости: как же, ее дочь избивали и выгнали из супружеского дома!

Сухое треньканье музыки все сильнее бьет по нервам зрителей. Музыканты, сидя под оградой, самозабвенно раскачиваются из стороны в сторону.

Актеры, исполнители драмы, раздражаются жутким смехом, хриплые голоса звучат устрашающе, лица искажают гримасы; персонажи больше смахивают на фантастических монстров, чем на людей. Но ведь чудовищам и богам положено быть сверхъестественными.

Лица, скованные густым слоем грима, способны выражать лишь определенные эмоции: герой должен соответствовать канону. Точно известно, какой должен быть у героя костюм, грим, голос, какие жесты.

Актеры в испуге воздевают руки: на верхней ступеньке лестницы появляется Рангда, мать поруганной королевы. Ее чудовищ-

ная маска (налитые кровью глаза, громадные зубы, торчащие белые уши) в ярости поворачивается из стороны в сторону. На ней длинная коричневая туника, надетая поверх полосатого костюма. Руки вытянуты в проклятии, жуткие когти царапают воздух. Гамелан захлебывается в неистовом ритме.

Наконец появляется баронг. Это волшебный зверь, олицетворяющий силы добра. Его изображают двое мужчин, скачущих в тяжелом одеянии из крашеной соломы. Баронг напоминает гибрид дракона и медведя. Голова — широкая маска с выпученными глазами, изо рта торчит язык. Откровенно говоря, он производит не менее жуткое впечатление, чем Рангда. Но это избавитель. Зрители встречают его аплодисментами. Колдунья Рангда медленно спускается по ступенькам, застылая после каждого шага, будто механическая кукла. Публика, не зная, кричать ли ей от радости или вопить от ужаса, замолкает в тревожном ожидании.

Рангда бросается на баронга. Ритм гамелана становится совсем неистовым, водопад звуков не дает присутствующим перевести дыхание, становится почти осязаемым. Начинается борьба добрых и злых сил. Мир сомкнулся вокруг сцены, где баронг насмерть бьется с Рангдой, ничего больше не существует. Окружающее вернется только после развязки трагедии.

Баронг мчится на колдунью, но та увертывается и ловким ударом опрокидывает священного зверя наземь. Толпа вскрикивает от ужаса: силы зла одерживают верх! На сцену бросаются несколько человек. Кажется, по ним пробежал ток высокого напряжения — не спуская глаз с колдуньи, они застывают в трансе, сжав в руках сверкающие ножи-крисы. Оркестр продолжает безжалостно подстегивать ритм. Воздух вот-вот расколется. Зрители и актеры захвачены каким-то неистовством. На секунду в сознании мелькнуло недоумение: где мы, что с нами? Мир ограничен священной оградой, где происходит церемония, и нет никакой надежды вырваться из этого раскаленного ада. Транс порождает одновременно и радость, и жуткий страх; в высшей точке пароксизма жизнь начинается колотиться в двери невидимого.

Итак, присутствующие в самозабвении кидаются к сцене, горя желанием разделаться со злом, пронзить колдунью кинжалами, растоптать ее в прах. Удары градом сыплются на тело Рангды. Невозможно представить себе,

сколько нужно сил актеру, исполняющему эту неблагоприятную роль, но ведь кто-то должен ее играть! Колдунья не только сопротивляется, но и сама переходит в нападение. Разве она может поддаться каким-то людшкам! И в тот момент, когда над ней заносят десятки кинжалов, колдунья мановением руки обращает острия крисов против владельцев. Согнувшись пополам, балійцы бьются в конвульсиях, готовые покончить с собой. Но тут выступают силы добра, до сих пор прятавшиеся под маской баронга. Волшебный зверь останавливает смерть у последней черты.

В тучах пыли едва различаешь мужчин в трансе. Страх читается на лицах публики, нервы натянуты до предела. Мы позабыли о гамелане, а ведь это его музыка довела толпу до такого состояния. У людей вздулись мышцы, глаза налились кровью, гримасы исказили лица. Они отражают отчаянную внутреннюю борьбу: силы зла заставляют их покончить с собой, а силы добра удерживают от этого шага и возвращают к жизни. Вот кто-то бросается животом на острие кинжала. Крик сгибается, но на теле не выступает ни капли крови!¹ Кто выведет людей из этого состояния?

Прыжком перемахнув через ступени ворот, прибегает жрец. На нем длинное белое покрывало. В руках у него чаша со святой водой, ею он брызгает на людей в трансе. Танцоры-самубийцы бросают оружие и падают на землю. Какое-то мгновение их лица еще искажены, но постепенно черты расслаиваются, напряжение спадает, они засыпают — это кома².

Толпа, онемев, все еще не может прийти в себя от потрясения.

Но выяснилось, что это еще не конец: присутствовавшая на церемонии двадцатилетняя англичанка тоже вдруг падает без чувств... Ее уносят. Девушка в трансе выгибается, жестикулирует, трясет головой, словно силась избавиться от наваждения. Жрец укладывает ее во дворец на кровать и несколькими пассажами успокаивает. Сведущие в магии дворцовые женщины суется вокруг гостей.

Молодая англичанка пролежала без движения несколько часов и не помнила ничего из того, что с ней случилось...

Перевел с французского
М. БЕЛЕНЬКИЙ

¹ Гипнотическое состояние делает людей нечувствительными к боли.

² Глубокое обморочное состояние.

Игра в прятки по-парагвайски

«Ночи Парагвая» — так называлось душещипательное танго, звучащее в полумраке бара ресторана «Катаратас», который оккупировала наша разношерстная журналистская компания. Стоял прохладный осенний мартовский вечер. Да, да, именно осенний, так как дело происходило в южном полушарии, на берегу реки Игуасу, в том самом месте, где границы Бразилии, Аргентины и Парагвая сходятся в одной точке. Отель «Катаратас» был выбран для торжественной встречи президентов Бразилии и Парагвая после церемонии открытия автострады Асунсьон — Паранагуа, связавшей парагвайскую столицу с берегом Атлантики. Пока президенты беседовали за закрытыми дверями, журналисты, пользуясь свободной минутой, устремились в бар.

Собственно говоря, делать уже было нечего: ленточки разрезаны, торжественные речи произнесены, торопливые интервью окончены. Через полчаса должен был подойти автобус, на котором предстояло ехать в аэропорт. Пока же за стойкой бара группа репортеров потешалась над одним из незадачливых коллег. Кажется, парнишка представлял радиостанцию «Журнал до Бразил».

Полтора часа назад, по окончании торжественной церемонии, он выбежал навстречу проходившему мимо замершей шеренги почетного караула президенту Парагвая Стресснеру и сунул ему под нос микрофон: «Господин президент! Что вы можете сказать в эту торжественную минуту, когда открывается величественная автострада, связывающая два наших братских народа?» Точнее, он только собирался задать этот вопрос. Он успел произнести эту фразу лишь до слов «в эту торжественную минуту...».

В эту, увы, печальную для него минуту два дюжих молодца, шагавших позади Стресснера, выскочили вперед и стремительным движением хорошо натренированных рук опрокинули парня на землю. Парагвайский президент равнодушно перешагнул через ноги репортера и неторопливо продолжал свой путь.

— Фашисты! — кратко, но точно высказался по поводу этого эпизода Мартин Гестер, корреспондент «Ди Вельт». И продолжил: — Больше всего меня удивляет, что вы, друзья (он обращался к бразильским журналистам, сидевшим с нами за одним столом), спокойно смеетесь по этому поводу... Ударили бразильца на бразильской земле два парагвайских мерзавца. А вы смеетесь!..

Бразильцы народ добродушный. Их трудно вывести из себя. Они продолжали спокойно потягивать пиво, а беседа потекла по руслу, подсказанному репликой Мартина. Речь зашла о фашистах, нацистах, вообще о немцах, которых в этих краях — на парагвайско-бразильской границе — чуть ли не больше, чем самих бразильцев или парагвайцев. И, разумеется, всплыл вечный вопрос: живы или нет два крупнейших военных преступника — Борман и эссовский врач-изувер из Освенцима Менгеле? Правда, дискуссия была какая-то вялая, схоластическая, в основном туманные предположения да таинственные слухи. Именно так отзывался о ней неразговорчивый корреспондент «Диарио де нотисиас», с которым мы оказались рядом в автобусе по дороге на аэродром. «Все они трепачи, — пренебрежительно заметил он о своих коллегах. — Но я знаю человека, который лучше всех нас раз-

бирается в этих делах. Потому что этот парень видел Менгеле...»

И он дал мне координаты, имя и фамилию этого человека — кинематографиста Адольфо Шадлера. По возвращении в Рио-де-Жанейро я разыскал Шадлера и попросил его рассказать о том, каким образом, когда и где он видел Менгеле. Вот что поведал мне Адольфо Шадлер:

— В 1965 году я познакомился с оператором Вилли Грином, который выпускал в США журнал кинохроники, именовавшийся «От побережья до побережья». Этот американец рассказал мне, что как-то раз он издали видел Менгеле. Это было, по его словам, во время карнавала в маленьком аргентинском городке Эльдorado, что расположен на реке Парана, служащей границей между Аргентиной и Парагваем.

Рассказ Грина не на шутку заинтересовал меня. Позднее в сан-паульском отделении Интерпола я узнал, что немец по фамилии Менгеле действительно зарегистрирован у них, хотя никакого следствия в отношении его не проводилось. Мне сообщили также, что брат Менгеле имеет в Эльдorado небольшую фабрику.

После этого, — продолжал Шадлер, — я решил сам попробовать разыскать нацистского врача и отправился в Эльдorado под видом коммерсанта, занимающегося спекуляцией земельными участками. От Вилли Грина я получил еще одну зацепку: Менгеле якобы держал в этом городишке собственный катер под названием «Викинг». И мне повезло: на пристани в Эльдorado я действительно увидел катер с таким названием. Я поинтересовался у индейца-сторожа на причале, кому принадлежит «Викинг». Индеец этого точно не знал. Единственное, чего мне удалось добиться от него, — это то, что хозяином катера был какой-то фазендейро — крупный землевладелец, имение которого находится где-то выше по течению реки. Правда, индеец утверждал, что этот человек каждую неделю появляется в городке — приезжает за покупками, — так что найти его нетрудно. Не очень веря в успех, я все же попросил предупредить меня, как только он увидит хозяина «Викинга». И вот через неделю услышал от сторожа, что владелец появился в Эльдorado.

«А где он бывает, к кому ходит?» — осторожно спросил я. Оказывается, обычно его встречает городской врач. Не мешкая ни минуты, я раздобыл адрес врача, разыскал его дом и устроил неподалеку засаду. Пришлось просидеть в автомобиле напротив этого дома около пяти часов, пока наконец оттуда не вышел мужчина, удивительно напоминающий того Менгеле, которого я видел на многочисленных фотографиях, хотя они и были сделаны лет пятнадцать-двадцать назад.

Теперь все зависело от сноровки. Я схватил кинокамеру и из окна машины украдкой стал снимать похожего на Менгеле человека, пока тот неторопливо шествовал по улице. Меня, к счастью, он не заметил. Как только передо мной замаячила его

спина, я выскочил из автомобиля, что есть духу помчался вокруг квартала и, оказавшись перед незнакомцем, снова включил аппарат. Тут он увидел, что я его снимаю, и бросился бежать...

— Но разве у вас есть бесспорные доказательства, что человек, которого вы снимали, на самом деле Менгеле? — спросил я Адольфо Шадлера.

Адольфо молча расстегнул толстую черную папку и достал пачку фотографий. На одной из них с обратной стороны был лиловый штамп.

— Это официальная, заверенная Интерполом фотография Менгеле. А вот другая его фотография, она снята в 1958 или 1959 году в Парагвае, когда Менгеле с благословения диктатора Стресснера оформлял себе парагвайское гражданство, — в те годы это делали тысячи нацистских преступников, скрывавшихся в Латинской Америке. Вот этот же снимок — мой, оттуда, из Эльдорадо.

Сомнений быть не могло: на всех трех фотографиях фигурировал один и тот же человек — начинающий полковник весьма преклонного возраста, с жирным, мясистым носом, густыми бровями, брезгливой складкой, пробегающей от левой ноздри по щеке, с тщательно ухоженными черными усами. Это был шеф медицинской службы концлагеря Освенцим, офицер СС, врач Йозеф Менгеле, производивший чудовищные медицинские и хирургические эксперименты над тысячами заключенных. Это был человек, руки которого обгажены кровью тысяч невинных жертв и имя которого стоит на втором месте после имени Мартина Бормана в списке главных военных преступников, разыскиваемых после окончания второй мировой войны...

В первые послевоенные годы под разными именами он кочевал по странам Латинской Америки. Например, как доктор Хельмут Грегор-Грегори он довольно долго работал в одной из клиник Буэнос-Айреса. Дела Менгеле шли успешно, и он обнаглел до такой степени, что начал процесс о разводе и переписку с адвокатом в городе Фрейбурге. Эти-то письма и навели полицию Западной Германии на его след. Последовал формальный протест властей ФРГ аргентинскому правительству и просьба о выдаче преступника. Но, как всегда бывало в подобных случаях, аргентинская полиция не проявила, точнее сказать, не пожелала проявить необходимого проворства, и Менгеле спокойно выехал из гостеприимной Аргентины, взяв курс на столицу Парагвая — Асунсьон, в аэропорту которого он благополучно высадился 2 октября 1958 года.

В книге регистрации туристов, хранящейся в архиве парагвайского департамента аграрной реформы, сей «исторический» факт зафиксирован под № 3098. Адольфо Шадлер показал мне фотокопию страницы из этой книги с записью Менгеле, где он значится как германский гражданин, родившийся 16 марта 1911 года в Гинзбурге (Бавария), капитан медицинской службы, а ныне коммерсант.

Поразительно, что он даже не считал нужным маскироваться! Если в Аргентине, Чили, Бразилии, Боливии и других странах Латинской Америки Менгеле скрывался под фамилиями Грегора-Грегори, Жозе Аспиази, Вальтера Хазека, Жозефа Канната, Фрица Фишера и другими, то здесь, в Асунсьоне, он почувствовал себя среди своих. И не ошибся: год спустя — 27 ноября 1959 года — декретом № 809 правительство Парагвая предоставило ему парагвайское гражданство и выдало паспорт № 3415754, выписанный на имя Йозефа (Хосе) Менгеле, медика. С этим паспортом Менгеле беспечно навещал соседние страны: его встречали

в обществе красавицы немки Хильды Пьесбург в Сан-Паулу, крупнейшем городе Латинской Америки, и в крошечной Корумбе, лежащей на границе Бразилии с Боливией; он появлялся в городе Кампо-Моурао в бразильском штате Парана, где его видели в очереди за билетами в местном кинотеатре, и на роскошном аргентинском курорте Сан-Карлос-де-Барилоше. Именно там он столкнулся нос к носу с хрупкой женщиной Норой Элдок, приехавшей в Аргентину навестить свою мать. В свое время Нора была стерилизована Йозефом Менгеле в Освенциме. В этот раз на курорте не было сказано ни слова, но Менгеле понял, что его узнали... Спустя несколько дней Нора не вернулась из экскурсии: ее тело нашли в пропасти, изуродованное и искалеченное. По заключению аргентинской полиции, бедняжка стала жертвой «несчастливого случая». Оступилась и упала...

В Асунсьоне Менгеле жил практически открыто, как полноправный гражданин республики Парагвай. Он останавливался в лучших отелях города, принимал гостей, посещал рестораны.

В конце концов западногерманские власти вынуждены были — можно сказать, «через силу» — вновь направить просьбу о выдаче Менгеле. Это было 16 июля 1964 года. Очевидцы утверждают, что, когда Экерт Брест, посол ФРГ в Парагвае, краснея как провинившийся школьник, вручил ноту президенту Стресснеру, тот стукнул кулаком по столу и грозно спросил:

— Чего вы, собственно говоря, добиваетесь?.. Вы хотите, чтобы я порвал отношения с Германией?!

Больше об этой ноте ни в Асунсьоне, ни в Бонне никто не вспоминал.

Правда, сам Менгеле решил исчезнуть на время из поля зрения тех, кто интересовался его судьбой. Он уединился в одном из своих имений на юго-востоке Парагвая и лишь периодически стал наезжать в городок Эльдорадо к своему другу — местному врачу.

— Снять Менгеле — это было еще не самое трудное. — Адольфо Шадлер задумался, вспоминая дальнейшие перипетии. — Нужно было еще получить официальное подтверждение подлинности снимков, удостовериться, что запечатленное на них лицо действительно является Йозефом Менгеле.

Из Эльдорадо я немедленно переправился на парагвайский берег — в Энкарнасьон, затем поехал в Асунсьон. Там проявил пленки и стал показывать отпечатки лицам, которые знали Менгеле в те времена, когда он жил в этом городе более или менее открыто. И множество людей подтвердило, что на моих фотографиях изображен именно Йозеф Менгеле. Кое в чем мне помог один из новых знакомых — немец Александр фон Экстен, видевший врача-эсэсовца в последний раз в 1962 году. Он, в частности, рассказал, что Менгеле часто бывал в отеле «Астра». Когда я разыскал владельца отеля, как вы понимаете, тоже немца, его фамилия Фаст, тот сначала долго отнекивался и запирался, но потом, глядя на фотографию, все же признался, что Менгеле действительно часто останавливался в «Астре». После похищения агентами израильской разведки Эйхмана Менгеле, по словам Фаста, застал и вообще перестал показываться в Асунсьоне. А спустя некоторое время парагвайские власти конфисковали у владельца отеля книгу постояльцев, в которой под своей фамилией регистрировался и Менгеле...

Однако самые авторитетные свидетельства поступили... знаете откуда? — Адольфо с улыбкой взгля-

нул на меня. — Ни за что не угадаете... Из ФРГ, где Менгеле не показывал носа с конца войны. Редакция журнала «Шпигель» предъявила его последние фотографии ста свидетелям из числа бывших заключенных Освенцима. И все они опознали Менгеле. Кстати, этого эсэсовца признала и его бывшая секретарша в Освенциме...

Адольфо Шадлер на этом не успокоился. Он задумался целью сделать большой фильм о жизни нацистов в Латинской Америке. И в поисках материалов вновь поехал в Парагвай вместе с двумя своими коллегами — Гербертом Тайцем и Тэдом Орла. Путь их лежал через уже знакомый аргентинский городок Эльдorado, где Адольфо сфотографировал Менгеле. На сей раз никаких следов нациста обнаружить не удалось: «Викинга» на пристани не было, сторож-индеец сказал, что катер давно уже не показывался в Эльдorado. Очевидно, Менгеле, напуганный съемками Адольфо, решил отсидеться в каком-нибудь из своих дальних поместий.

Адольфо предпочел не задерживаться в Эльдorado. Его физиономия уже примелькалась здесь, и это было опасно: путь человека, собирающего сведения о нацистах, в Латинской Америке отнюдь не усыпан розами. Однажды двое журналистов из Израиля пытались подготовить репортаж о нацистских колониях в районе бразильско-парагвайской границы. Через неделю крестьяне выловили в реке Парана их трупы...

Адольфо как в воду глядел.

— Возвращаясь с пристани Эльдorado в город, — вспоминает он, — мы были неожиданно арестованы. Полицейские отвезли нас в «делегасию» на допрос. Разумеется, мы не сказали им о цели нашего путешествия, а назвались туристами, готовящими репортаж о путешествии в автобусе по странам Южной Америки. К счастью, они не заглянули в наши папки с материалами о Менгеле. И все же нам было предложено немедленно покинуть Аргентину. Вдохнув с облегчением, мы отправились в Асунсьон.

В тот приезд Адольфо не обнаружил Менгеле. Однако, собирая материалы о его жизни в Парагвае, он наткнулся на человека, который несколько лет назад видел не только Менгеле, но и нацистского преступника «номер один» — Мартина Бормана. Это был парагвайский врач по имени Отто Бис.

— Этот врач очень известен в Асунсьоне, — рассказывает Адольфо Шадлер. — Он пользуется большим авторитетом, имеет хорошую практику, и я не сомневаюсь, что все сказанное им правда.

Так вот, Отто Бис сообщил мне, что однажды ночью к нему домой явилась неизвестная сеньора, чем-то чрезвычайно взволнованная. Она хорошо говорила по-немецки и стала умолять Отто Биса оказать срочную помощь ее больному мужу. Врач отправился с ней. Они приехали в аристократический квартал Фернандо-дела-Мора, вошли в особняк. Большой лежал на софе, у него был приступ печени. Этот человек, по словам Отто Биса, очень плохо владел испанским языком и вообще весьма неохотно отвечал на вопросы врача. И вдруг Отто Бис понял, что лицо больного ему хорошо знакомо; причем знакомо по многочисленным фотографиям, которые он раньше встречал в газетах и журналах. И все же поначалу Отто Бис не смог вспомнить, кто этот человек. Продолжая осмотр пациента, он вдруг увидел, что в дверях комнаты стоит еще один человек, который тоже показался ему смутно знакомым.

Впоследствии, изучая многочисленные фотографии, Отто Бис пришел к выводу, что больной, к которому он был вызван, — Мартин Борман, а человек, по-

явившийся в дверях комнаты, — Йозеф Менгеле. Неделю спустя доктор Отто Бис решил нанести еще один визит, чтобы осмотреть больного и проверить свои выводы. Но дом оказался пуст. Его владелец заявил, что жильцы, снявшие недавно особняк, неожиданно выехали.

Так парагвайский доктор Отто Бис стал еще одним свидетелем, поведавшим миру о том, что два главных нацистских преступника — Мартин Борман и Йозеф Менгеле — живы и скрываются в Парагвае.

Волнение, вызванное во всем мире разоблачениями Адольфо Шадлера, было столь сильным, что невидимые, но сильные руки, оказывающие постоянную помощь скрывающимся в Южной Америке нацистам, поспешили замести следы.

Незавидная судьба выпала на долю молчаливого Даниэля Кабреро, местного индейца-гуарани. Соседи шептались, что Даниэль носит в сердце вечную печаль, потому что никто никогда не видел улыбки на его лице. Да и профессия не располагала к веселости: старый Даниэль был могильщиком на кладбище маленького городишки Ита километрах в сорока от парагвайской столицы Асунсьона. Почти вся его жизнь прошла на этом кладбище: он рыл могилы, потом равнодушно стоял в сторонке, пока падре бубнил над гробом, и, наконец, не обращая внимания на рыдания родственников покойного и вежливо-постные физиономии друзей, снова брался за лопату, чтобы засыпать могилу землей.

Однообразная, скучная процедура. День за днем, месяц за месяцем, год за годом... И лишь однажды Даниэль испытал чувство удивления: в тот день похороны случились какие-то необычные. Приехала небольшая группа иностранцев, говорила по-чужому. Деловито, словно корзину с бананами, поставили гроб на землю, позвали Даниэля и велели рыть могилу. Не было падре, не было мессы, не было слез. Хотя бы из приличия! Гроб сунули в могилу и уехали. Не дождавшись даже, пока Даниэль завершит сооружение печального холмика над тем местом, где покоился таинственный покойник, по которому никто не проронил слезы.

Уходя, один из тех, что привезли гроб, сунул Даниэлю несколько крупных ассигнаций: «Следи за могилкой! Чтоб всегда была в порядке. Мы будем время от времени проверять. Храни тебя господь, если могила окажется запущенной...»

А потом по Парагваю поползли слухи, что на кладбище Ита похоронен Борман. Эти слухи с поразительной быстротой докатились до Европы, США, не говоря уже о соседних латиноамериканских странах. Адольфо Шадлер, снимавший как раз в то время свой фильм о нацистах, решил проверить историю таинственной могилы кладбища Ита.

— Когда я узнал о том, что Борман захоронен в городке Ита, я немедленно отправился туда. На тамошнем кладбище я разыскал могильщика Даниэля, убогого индейца, слегка парализованного давним укусом ядовитой змеи, и тот подтвердил, что некоторое время назад здесь действительно был похоронен человек без обычного обряда, вроде бы тайком. Во всяком случае, Даниэля смутило, что слишком мало людей сопровождало гроб, как, впрочем, смутила его и слишком большая сумма выданных ему денег.

Тогда я отправился в префектуру Ита, — продолжает Шадлер, — но по записям в книге захоронений так и не смог установить личность покойника, лежавшего в загадочной могиле.

После этого я вернулся на кладбище, сунул индейцу полсотни долларов, и он решился на преступление: вскрыл могилу, чтобы я смог взять череп покойника. Этот череп я привез в Рио-де-Жанейро и показал знакомым врачам, которые установили, что он принадлежал человеку, рост которого не превышал ста шестидесяти сантиметров. Рост же Бормана больше ста семидесяти. Таким образом, вся эта история с его смертью и захоронением — просто трюк для того, чтобы уверить всех, что Бормана нет в живых.

По публиковавшимся в печати данным, в Южной Америке живет сейчас от шести до семи тысяч нацистов, которые должны были бы сидеть за решеткой, но продолжают пользоваться попустительством полиции и властей многих латиноамериканских стран. Когда несколько бразильских журналистов обратилось в начале 1968 года к руководителям бразильской службы безопасности с просьбой прокомментировать слухи о том, что Борман скрывается в западных районах страны, ответ, как его привела газета «Ултима ора», был следующим: «Мы с интересом следим за подобными сообщениями. Вместе с тем они не могут вызвать никакого беспокойства за судьбу нашей страны, потому что если Борман и жив, то ему сейчас уже около 70 лет, он прячется в глуши, не занимается активной политической деятельностью и, таким образом, не является элементом, который может причинить стране какой-то ущерб».

Трудно даже комментировать подобное поразительное высказывание. После этого начинаешь понимать, почему нацисты облюбовали в качестве убежища именно Латинскую Америку. Вернемся, однако, к рассказу Адольфо Шадлера:

— Во время поездок по Парагваю нам приходилось видеть множество тщательно охранявшихся немецких колоний¹. Один из моих попутчиков был немец, и он выяснил, что там обитает много офицеров бывшего «третьего рейха». Впрочем, такие колонии существуют не только в Парагвае. У нас в Бразилии есть населенные пункты, где говорят в основном только по-немецки. И не только говорят. В одном из городков близ Маринги в штате Парана накануне второй мировой войны устраивались даже парады с фашистскими приветствиями, свастиками и тому подобными атрибутами. Теперь парадов уже не увидишь, но дух в колониях остался прежним. Ясно, что сбжавшие из Германии нацисты нашли в таких местах и приют, и поддержку, и единомышленников...

Адольфо Шадлер безусловно прав. После войны в Бразилии скрывался Герберт Цукурс², кровавый палач латышского народа. Он работал пилотом маленького гидросамолета, катавшего туристов, а заодно перевозившего нацистских беглецов в глубинные районы страны. Франц Штангль³, третий по значению после Бормана и Менгеле нацистский преступник, в течение долгих лет благополучно подвизался в Сан-Паулу, причем работал не где-нибудь, а на заводе «Фольксваген». Он даже сумел сколотить изрядное состояние и купить роскошный особняк в одном из аристократических районов города. Штангля арестовали лишь в 1967 году, когда его выдал

¹ Об одной из таких колоний в нашем журнале писал Л. Каневский («Третий рейх» для двухсот тридцати» — «Вокруг света», № 12 за 1966 год).

² Цукурс был убит неизвестными лицами в Монтевидео 23 февраля 1965 года.

³ Франц Штангль — бывший комендант концлагеря Трельбинка.

за 7 тысяч долларов один из бывших немецких офицеров. Наконец, нацистский палач Адольф Эйхман был похищен израильскими агентами в соседней Аргентине.

Цукурс, Штангль, Эйхман. Очень короткий список. Единицы настигло возмездие. Тысячи продолжают разгуливать на свободе. И не только разгуливать! Они подымают голову: как сообщил на допросе в бразильской политической полиции некий Зонненбург, нацист мелкого калибра, арестованный в одном из монастырей в Ресифи, на северо-востоке Бразилии, в декабре 1966 года, в странах Южной Америки функционирует постоянная организация бывших членов нацистской партии. Зонненбург рассказал, что в декабре 1966 года в бразильском городе Санта-Крус-дель-Сьерра состоялся конгресс этой организации, на котором присутствовали Борман и Менгеле. Обсуждалась политика нацистской организации по отношению к правительствам и режимам Южной Америки, а также перспективы дальнейшего расширения нацистской пропаганды на континенте и во всем мире. Одним из важнейших решений конгресса было следующее: «Оказывать всемерную финансовую помощь правительствам южноамериканских стран, активно борющимся против коммунизма...» Помощь должна оказываться двумя путями: либо прямыми денежными ассигнованиями от самой нацистской организации, либо косвенно — посредством привлечения в соответствующие страны частных западногерманских капиталовложений.

Каждому, кто попадает в южные штаты Бразилии, бросается в глаза засилье немцев в этих районах. Например, в муниципии Нова-Гамбургу даже негры и мулаты вынуждены говорить по-немецки! Городок Марешал Рондон бразильцы из-за обилия обитающих в нем нацистов называют иногда «четвертым рейхом». В муниципии Баже, на самом юге Бразилии, имеется немецкая колония, где никто не знает португальского, где в единственной больнице на 20 коек только восемь могут быть заняты бразильцами, остальные отведены немцам. Множество таких фактов приводит бразильская печать и рассказывают сами бразильцы. Эти факты заставляют задуматься об опасности, затаившейся в этом районе мира. О тихой угрозе. О силах, ожидающих своего часа. Эти черные силы страшны не своей, скажем, «ударной мощью», не «коллективом штыков», а заразой, распространяемой вокруг себя, инфекцией, заражающей бразильцев, аргентинцев, парагвайцев...

По образцу и подобию нацистских организаций плодятся в Бразилии, Аргентине и других странах Южной Америки всевозможные легальные, нелегальные и полуполициальные реакционные «общества», «союзы» и «команды», ставящие своей задачей борьбу с «коммунистическим проникновением», то есть с прогрессивными силами этих стран. Прямыми наследниками штурмовых отрядов Гитлера являются небезызвестная «Такуара» в Аргентине, ККК («Команда охотников за коммунистами»), МАК («Антикоммунистическое движение»), ФУР («Объединенный революционный фронт») в Бразилии.

Как-то с группой бразильских и иностранных журналистов я совершал поездку по штату Санта-Катарина. Самолет сильно запоздал, и мы прилетели в столицу Санта-Катарины город Флорианополис поздно ночью. На аэродроме нас встречали чиновники губернаторской канцелярии. Я подчеркиваю: губернаторской канцелярии! Почему я это подчеркиваю, станет ясно чуть ниже.

Мы с Мартином Гестером, уже упоминавшимся корреспондентом западногерманской «Ди Вельт»,

садились в один из лимузинов, когда к нам, сияя радушной улыбкой, подскочил один из этих чиновников. Предупредительно придерживая дверцу автомобиля, он приветствовал нас (от имени правительства и народа штата), потом уселся на переднее сиденье рядом с водителем, обернулся и, сохраняя все ту же лакированную улыбку, принялся разглаживать, стремясь, видно, чтобы полсотни километров, отделявшие аэропорт от города, не казались нам слишком долгими. Вероятно, знакомясь с нами, он не расслышал, что один из его собеседников является корреспондентом советского радио. Но он хорошо осознал, что другой был журналистом из ФРГ. Желая доставить гостю удовольствие, он заливался соловьем, восхваляя Германию, величие немецкой нации, славные традиции и героический исторический путь германского народа. Его, что называется, понесло. В мгновение ока он добрался до Гитлера и, воздевая руки к небу, хватаясь за голову, начал сокрушаться: «Да, да, я понимаю, он плохо кончил... Но никто не смеет отрицать, что этот человек был выдающимся государственным деятелем, что он сделал из Германии великую страну, что именно при нем с наибольшей силой окрепли концепции величия германской нации...»

Мартин Гестер, устало откинувшись на спинку автомобильного сиденья, лукаво подмигнул мне. Его забавляла эта ситуация. Мартин, хоть и работает в отнюдь не прогрессивной газете, умеет объективно оценивать недавнее прошлое своей страны. Мы с ним хорошо знакомы, немало беседовали; я знаю, что он ненавидит нацизм. Но наш гостеприимный

собеседник этого не знал. Он продолжал высказывать сожаление по поводу того, что Гитлеру не удалось осуществить его идеи, «многие из которых, дорогие сеньоры, поверьте мне, были не так-то уж и плохи... Да, да, я знаю это, я хорошо владею немецким и прочел все, что можно было достать в Бразилии о Германии. Здесь у нас богатые библиотеки. Есть даже, — он заговорщически понизил голос, — «Майн кампф!».

Тут машина взвизгнула тормозами, и заспанный портье отеля распахнул, согнувшись в учтивом поклоне, дверцы.

Мы вышли. Мартин повернулся к чиновнику — еще раз напомню — губернаторской канцелярии и снисходительно сказал:

— Я бесконечно признателен вам за эту содержательную лекцию. Позволю себе только заметить, что, на мой взгляд, пять миллионов немецких жизней, ставших жертвами войны, — это слишком высокая плата за идеалы «величия германской нации»...

Он произнес это и пошел не оборачиваясь. Следом к чиновнику подошел и я.

— Я тоже благодарю вас, сеньор, — сказал я ему, — но вынужден по меньшей мере разделить точку зрения господина Мартина... Рад познакомиться: корреспондент Московского радио... — Я сделал ударение на слове «московского» и назвал себя.

Чиновник остался стоять с широко раскрытым ртом: вероятно, он раскрыл его для заранее отрепетированной формулы прощания с нами, но проглотил ее...

КОГДА НЕ БЫЛО БУМАГИ...

К первой странице обложки

Перси Д. Липтон, который занимался изучением генеалогии народа басуто в Южной Африке, был первым из европейцев, обратившим внимание на стены басутских хижин и описавшим их. Не следует понимать сообщенный выше факт как утверждение, что никто до П. Липтона не заметил хижин басуто и их стен. Отнюдь. Басутскую хижину, не схожую ни с круглым жилищем зулуса, сооруженным из прутьев и травы, ни с желто-глиняным домом бечуана, ни, тем более, с коттеджем бура, просто нельзя не заметить. Потому что хотя бы, что стены ее украшены орнаментом и расписаны яркими красками. Орнамент разный на каждой хижине, а краски всегда свежи, потому что хозяйка их подновляет, стоит ей заметить, что где-то потуснел рисунок или облупилась краска.

П. Липтона интересовали прежде всего родственные связи в племени: как называют басуто своих дядей, тетей, дедушек, бабушек, племянников, а также правила вступления в брак и многое другое, что может показаться не очень важным для человека несведущего, но имеет большое значение в этнографии.

Ученый ходил из хижин в хижину, затевал длинные разговоры, пытался сломить естественное недоверие (зачем, мол, все это нужно белому?).

Глава семьи обычно помалки-

вал, куря трубку и важно кивая головой, все разъяснения давала первая жена. Младшие жены толпились, сгорая от любопытства, у входа снаружи, поминутно заглядывая в хижину. Тем временем первая жена поясняла ученому:

— Сын одной из младших жен родился на четыре дня раньше, чем сын другой, поэтому первый называется второго мальчика «цноли», а тот его «ксвана». Потому что первый старше...

Дело оказалось, однако, не таким простым, разгорелся настоящий спор, и тогда в него вмешался хозяин. Вместе с Липтоном и всеми женами он вышел во двор и стал водить пальцем по узорам, покрывавшим стены. Время от времени он тихо советовался о чем-то с первой женой, и та тоже водила пальцем по узорам. Наконец, хозяин удовлетворенно кивнул головой и, показав на одну из женщин, сказал ученому: «У нее старше...»

Но теперь Липтона уже не интересовала проблема старшинства. Стена! Стена, заменявшая семье архив, — вот настоящая загадка!

Поначалу хозяева не поняли, чем так поражен Липтон. Потом, набравшись терпения, стали толковать вещи, на их взгляд, совсем очевидные. Каждая деталь орнамента, конечно же, имеет свое значение: вот из этого ясно, что родился сын, а это, ясное де-

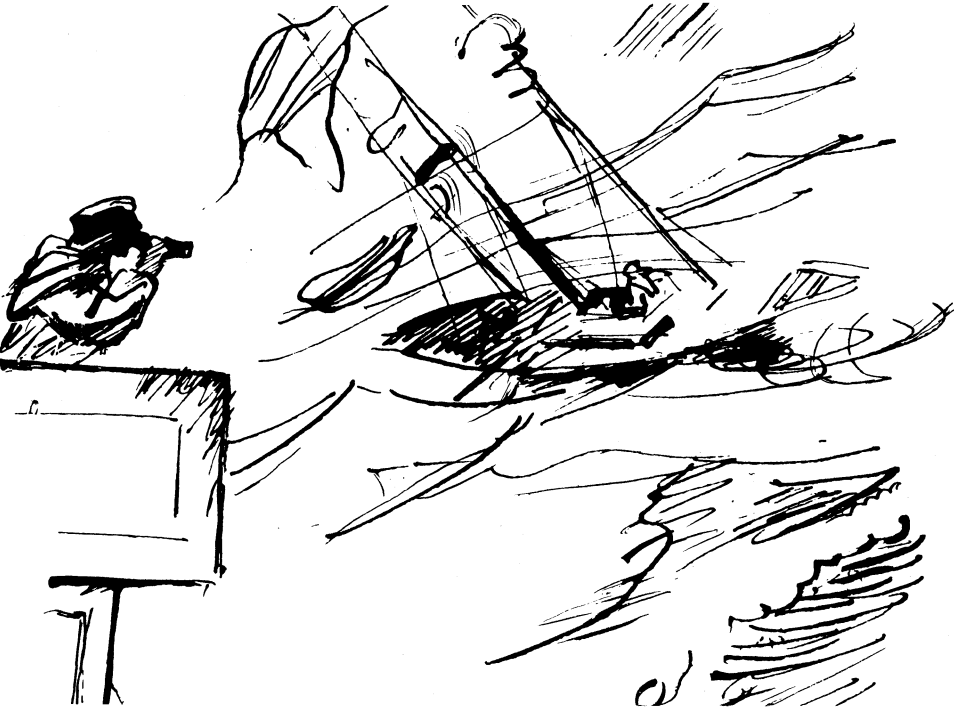
ло, — дочь, тут зарегистрирована покупка скота, ну и так далее. При этом получалось, что разобравшись в рисунке могут только члены семьи, а, скажем, соседу это уже не под силу; зато у него есть свои знаки...

И правда, никто из басуто в других деревнях не смог прочитать запись, которую Липтон тщательно перерисовал со стены.

Было это в начале нашего столетия. Сообщение Липтона, опубликованное в сугубо специальном журнале, издававшемся в Южной Африке, осталось почти незамеченным. С тех пор басуто создали свою — на основе латинской — письменность и, нужно сказать, стали одним из наиболее грамотных народов Южной Африки. Все необходимые записи в Лесото — государстве басуто — теперь делают по-английски и на сисуто, так что необходимость записывать на стенах хижин все, что случается в семье и в деревне, отпала. Однако сама традиция украшать стены домов орнаментом сохранилась. Но орнамент в наши дни, к сожалению, уже не меняется, а значение его забылось.

Если ученым удастся выявить его закономерности, расшифровать смысл, то тогда, быть может, откроются перед ними события давно минувших дней, когда не было в стране басуто бумаги...

С. ФАН

«МАРКО ПОЛО» ТЕРПИТ БЕДСТВИЕ

...**П**осле месячного плава-
ния в южных широтах
Индийского океана
научно-исследовательское судно
«Ю. М. Шокальский» возвраща-
лось в свой порт — Владивосток.
Погода не баловала. Разразивший-
ся у экватора юго-восточный ве-
тер поднимал волны на семь-вос-
емь метров. Шторм усиливался.
И в это время перед нами среди
кипящего океана возникла шхуна
с опущенными парусами. Мы с
трудом прочитали ее имя — «Мар-
ко Поло». Смотреть со стороны
на крошечное суденышко, скры-
вающееся в пенных гребнях волн,
было жутко. Волнами его бросало
словно щепку. Две красные раке-
ты с борта шхуны подтвердили
очевидное: люди нуждались в
помощи.

Но какая им нужна была по-
мощь? Попытка связаться по ра-
дио не имела успеха. Радиостан-
ция у терпящих бедствие, как
потом выяснилось, была неисправ-
на. Наш капитан Геннадий Ни-
колаевич Чубуков предположил,
что шхуна потеряла управление и
люди на ней не знают своего точ-
ного местонахождения. Когда уда-
лось сообщить им координаты —
огромными цифрами, написанными
на доске, на мачте шхуны был
поднят сигнал: «Я намерен оста-
вить судно». Три измученных че-

ловека, чудом удерживаясь на па-
лубе, пытаются перекричать ветер
и явно беспокоятся, чтобы мы не
ушли. Капитан принял решение
взять «Марко Поло» на буксир,
вывести его из зоны шторма, а
потом оказать возможную помощь.
Но завести на шхуну буксир в
шторм — дело нелегкое. Было
предпринято несколько попыток.
Один раз наше судно прошло на-
столько близко от шхуны, что ее
двадцатиметровые мачты при силь-
ном крене едва не коснулись на-
ших кранбалок. Наконец, матросам
удалось забросить на шхуну ср-
азу три выброски¹.

Люди на шхуне мертвой хват-
кой держались за натянутые вет-
ром, как струны, леера и снасти,
боясь сделать шаг к выброске,
упавшей на палубу. Чувствова-
лось, что силы у них иссякли.
На наши жесты и крики — тя-
нуть проводник — не реагирова-
ли. Затем один из них — види-
мо, тот, что покрепче, — подо-
брав выброску, непонятно зачем
спустил крошечный спасательный
плотик за борт, прыгнул в него
и отвалил от шхуны, но вдруг
упустил спасательный конец.
На плотике весел нет. Сняв шле-
панцы, человек пытался грести
ими к нашему судну. Плотик то

¹ Выброска — пеньковая или кап-
роновая веревка с деревянным грузи-
ком на конце. С помощью выброски
подается швартовый трос.

показывался, то скрывался среди
мечущихся волн. Его начало вет-
ром относить все дальше и даль-
ше от обоих судов. Положение
осложнялось наступающей темно-
той. Надо срочно спасти челове-
ка на плотике. Маневрируя, наше
судно приблизилось к нему. Бро-
сили выброску... мимо; повтори-
ли — точно в плотик. Начали
осторожно подтягивать плот к
борту. Наконец матросы подняли
на палубу обессиленного, почти
ничего не соображающего челове-
ка. Снимать со шхуны остальных
сейчас было рискованно — стало
совсем темно. Вдобавок лопнул
заведенный на шхуну трос. До у-
тра оба судна дрейфовали рядом.

Чашка горячего кофе, рюмоч-
ка коньяка быстро привели в чув-
ство Норберта Сватоса, немца из
ФРГ, моториста «Марко По-
ло». Он рассказал нам, что это
частная шхуна, совершающая пе-
реход из Бангкока в Америку;
что уже шесть дней назад у них
поломался руль, отказала рация,
и малоопытный экипаж на не-
управляемом судне, увлекаемом
сильным течением и ветром, не
мог определить свое местополо-
жение.

Из рассказа Норберта выясни-
ли, что руль можно починить.
С наступлением утра, несмотря на
усилившийся шторм, работы по
спасению возобновились. Ветер
превратился из сильного, но ров-
ного в шквалистый — до десяти
баллов, высота волн достигла де-
сяти метров. Состояние людей на
шхуне, видимо, ухудшилось, так
как они, вместо того чтобы вы-
бирать заброшенную к ним вы-
броску, привязали к ней спаса-
тельные круги, надели их на се-
бя, намереваясь покинуть шхуну.
Наконец, знаками удалось убедить
их в опасности этой затеи. Изму-
ченные, они с трудом втащили
буксир на палубу и набросали
трос на ненадежные кнехты. Боль-
ше у них не хватило сил ни на
что, да и, кроме того, их каждую
минуту могло смыть за борт.

Заведенный буксир был уже
маленькой победой. Но, видимо,
далась эта победа нелегко: два
истощенных человека ушли с па-
лубы в каюту и в течение всего
дня больше не показывались.

Весь день мы шли на восток,
с опаской следя за ненадежным
креплением буксира на шхуне.
Тянувшееся за нами суденышко так
бросало с борта на борт, что, ка-
залось, оно вот-вот перевернется.
Многие из нас не выдерживали
этой картины — уходили с палу-
бы. Казалось, шхуна вместе с
людьми обречена на гибель и
только чудом еще не опрокину-
лась.

Рисунок Г. ФИЛИППОВСКОГО

К вечеру капитана охватило беспокойство: люди на шхуне целый день не подают признаков жизни, не откликаются на гудки. Но с наступлением темноты мы увидели, как на мачте «Марко Поло» вклячился огонек. Мы немного успокоились. Состояние погоды пока не предвещало ничего хорошего. Мы были в зоне медленно смещающегося циклона, и, чтобы быстрее выйти из района штормовой погоды, было принято решение изменить курс. В течение ночи и следующего дня мы продолжали вести шхуну на буксире. Шторм начал стихать. Но к вечеру не выдержал и лопнул буксир. Оба судна снова в дрейфе, но ветер несколько ослабел. Ночь, темнота. Нужно снова заводить концы. Отдохнувшего у нас Норберта переправили с буксирным тросом на шхуну. Через несколько часов буксир был надежно закреплен, но в это время волны перевернули и оторвали от шхуны маленький надувной плот.

Всем стало ясно, что нашим матросам предстоит еще одна бессонная ночь: надо спустить плот, переправить его на шхуну, а затем — вместе с экипажем — обратно на наше судно. Риск для спасаемых был велик: малейшая оплошность могла стоить им жизни. Всей операцией руководил сам капитан. Развернули на паубе спасательный плот, тщательно его осмотрели, проверили проводник (переправочный конец) и после того на растяжках начали спускать его за борт...

Но, как говорят, если бутерброд падает, то обязательно маслом вниз. Так и у нас, при спуске первой же волной плот был опрокинут и оказался на плаву дном вверх. Но боцман Баранов и плотник Старченко удачно переправили концы, и очередная волна помогла плоту стать на «киль». Теперь можно переправлять его на шхуну. Плот переправлен. Около часа наши «пассажиры» готовили к буксировке шхуну, грузили свой багаж и собирались в последний, полный опасности рейс. Капитан подал команду: «Выбирать проводник!» Плот подплывает к борту, слышны четкие команды капитана.

У борта плот совершал пятиметровые рывки вверх и вниз. Двое из экипажа шхуны были совсем обессилены. Подняться по штормтрапу они не могли. Первым, обвязанного страховым концом, подняли двадцатидвухлетнего студента из Англии — Роберта Доака. Как потом выяснилось, студент пустился в путешествие за тридцать земель от дома с двумя долларами в кармане...

Вторым подняли капитана шхуны. Он выглядел совсем стариком. Без поддержки матросов он едва ли сделал бы хоть шаг по паубе. Увидев капитана судна, он спросил, может ли он чувствовать себя в безопасности от шторма на «Шокальском»? Получив утвердительный ответ, он произнес только одно слово: «О'кэй!» Была ли это шутка, чтобы разрядить напряжение, или все еще страх за свою судьбу?

Владелец шхуны оказался американским гражданином. Восемнадцать лет проработал Урбан Вагнер инженером-химиком в одном из отделений компании «ESSO» в Юго-Восточной Азии. Теперь он был на пенсии и, купив на сбережения шхуну, с двумя случайными молодыми попутчиками совершал на ней переход через Индийский океан к берегам Африки, чтобы следовать далее в Америку.

Третьим поднимался по штормтрапу уже знакомый нам Норберт Сватос. Едва он успел оставить плот и ухватиться за штормтрап, его захлестнула очередная волна. И тут буквально в двух метрах от Норберта появилась шестиметровая акула. Стоявшие у борта на мгновение замерли. Матросы, чтобы не испытывать судьбу, быстро вместе с трапом подняли Норберта на судно.

Медицинская помощь, горячий душ, пища привели в чувство наших гостей. На вопрос капитана, что делать со шхуной, хозяин ответил: «Вы один заслужили право распоряжаться ею».

Много хлопот доставила буксировка «Марко Поло» на расстояние более двух тысяч миль до Сингапура. Дважды переправлялись на шхуну группы во главе со старшим механиком Поддубным и старшим штурманом Виноградовым, чтобы проверить состояние буксира и привести шхуну в порядок: они отремонтировали рулевое управление, машину и шкиперскую оснастку.

Через два дня установилась штилевая солнечная погода. Мистер Вагнер, переживая роковой циклон, возмущенно восклицал: «Это несправедливо! Это не по правилам! Я знаю, что последний шторм был здесь сорок лет назад...» Когда же ему стало известно, что он находится на исследовательском судне погоды, то посыпался бесчисленные вопросы о причинах появления шторма в этих широтах. Видно, он сильно жалел о прерванном путешествии и переживал очевидную потерю своего суденышка. Уже в пути, в Сингапуре, он получил достаточно полную, по его словам, информа-

цию о погоде и был уверен, что в этих широтах и в это время года (стоял август) ему не грозит ничего подобного. И действительно, наши исследования в Индийском океане, которые проводятся уже несколько лет подряд, подтверждают такое мнение. Но это не значит, что в экваториальной зоне не бывает сильных ветров.

Здесь, как правило, достаточно узкой фронтальной зоны с контрастами температур в 2—3 градуса, чтобы в ней возник сильный шторм. Так было и в нашем случае.

Однако для мистера Вагнера все это было не очень доходчиво. Он снова задавал один и тот же вопрос: «А может быть, этому циклону уже дали название?» По его мнению, циклон с именем вполне мог бы оправдать возвращение шхуны в Сингапур. Ну что ж! По предложению наших синоптиков циклон назвали «Марко Поло». «О'кэй! Это вполне подходит, — сказал мистер Вагнер. — «Марко Поло» заслужил, чтобы его имя осталось в анналах истории науки о погоде».

Приближался Сингапур, и мы все с нетерпением ожидали решения вопроса о шхуне. За время почти двухнедельного плавания на борту «Шокальского» наши гости посвежели и повеселели. Роберт Доак думал уже о том, как он доберется до Англии, где скоро начнется учебный год; Норберт Сватос — о продолжении путешествия через Таиланд домой. Мистер Вагнер, казалось, совсем примирился со своей потерей и, по его словам, торопил время в надежде поскорее добраться в свой Хьюстон в штате Техас.

Накануне прибытия в Сингапур капитан Чубуков объявил решение Приморского управления гидрометеослужбы о бескорыстном возвращении шхуны ее владельцу. Мистер Вагнер не сразу поверил в сказанное и переспросил: «Может быть, я неправильно вас понял? Вы возвращаете мне шхуну, действительно не требуя от меня уплаты за вашу задержку, за горючее, за буксировку, за все, за все?..»

Мистер Вагнер был потрясен. За две мили до Сингапура капитан приказал отдать буксир на шхуне, и мистер Вагнер самостоятельно вошел в порт.

Это было конец его первого неудавшегося путешествия. «Второго, — сказал он, — не будет. *That's all!*» — «Довольно!»

Н. ДУРАСОВ

Борт судна «Ю. М. Шокальский».

Н. К. РЕРИХ с сыновьями — Юрием (слева) и Святославом (справа).

Ю. РЕРИХ:

пустыня покоряет сердце

В наступлении марта 1927 года для экспедиции началась страдная пора. Нужно было выбрать маршрут, укомплектовать экспедицию рабочими и обеспечить караванными животными. Также предстояло частично обновить снаряжение, отремонтировать и реконструировать палатки и пополнить запасы продовольствия.

Еще не все области Внутренней Азии были изучены, нужно было искать новые районы, исследовать их и запечатлеть в картинах. Китай исключался из-за ожесточенной внутренней борьбы, охватившей эту огромную страну. Оставался Тибет — страна снегов — Тибет, который в прошлом привлекал внимание блестящей плеяды исследователей.

Сначала невозможно было сказать, в каком направлении мы сможем пройти по Тибету, чтобы добраться до периферии Южной Азии. Центральный Тибет с его большими городами-монастырями казался идеальным местом для исследования древностей. Большая часть печатных дворов находилась недалеко от Лхасы и Шигацзе, и мы надеялись приобрести там интересную коллекцию гравюр и рукописей. Было принято решение направиться к Цент-

ральному Тибету и уже там выбрать дальнейший путь. Оказавшись в Центральном Тибете, мы могли либо продолжать путешествие по юго-восточному району страны и переправиться в провинцию Юнань в Китае и оттуда во Французский Индокитай, либо через крайне непривлекательную, покрытую лесом местность, пересекаемую многочисленными реками, Британскую Бирму.

...Чтобы обеспечить безопасное продвижение экспедиции через запретную часть Тибета, нужно было получить соответствующее разрешение от тибетского правительства.

В феврале 1927 года тибетский представитель в Улан-Баторе направил запрос по телеграфу в Лхасу. Из тибетского консульства был послан специально чиновник. К концу марта он возвратился с доброй вестью, что правительство Лхасы дало санкцию на выдачу паспортов членам экспедиции.

Много дней пришлось потратить на то, чтобы получить сведения о населенных пунктах маршрута, о переходах, о состоянии водных ресурсов в пустыне и транспортных возможностях. Единственная экспедиция, проходившая по некоторым участкам этого маршрута, была организована генералом П. К. Козловым в 1899—1901 годах. Юго-запад Гоби оста-

Окончание. Начало в № 3.

ся одним из наименее изученных районов пустыни Монголии и Центральной Азии.

Из существующих карт этого района мы могли получить весьма смутное представление об этой стране. Кроме того, те немногие монголы, ламы и тибетские торговцы, которые находились в Улан-Баторе и знали этот путь, различным населенным пунктам давали разные названия, и было совершенно невозможно вычислить маршрут по существующим картам. Единственные пункты маршрута которые можно было нанести на карту, были монастырь Юм-бэйсе, оазис Шара-Хулусун, Аньси и Ших-паоченг в горах Нань-Шаня — обычные южные конечные стоянки караванного пути.

Мы решили идти к Юм-бэйсе и намеревались от Улан-Батора добираться до Юм-бэйсе на машинах.

...Хорошо осведомленные лица советовали нам выехать в начале апреля, до того как пески в пустыне оттают и станут рыхлыми.

Караванный сезон для верблюдов начинается во второй половине августа и продолжается всю зиму до апреля или мая. Этот период приходится на самое холодное время года, и число обмороженных людей или с обезображенными обмороженными лицами, ушами и конечностями совершенно ужасающее. Мне однажды довелось в самый разгар зимы

У озера Зайсан закончился первый этап экспедиции — закончился отъездом Н. Рериха в Москву. Спустя некоторое время в Улан-Удэ начинается второй ее этап.

Экспедиция, конечно же, не увенчалась бы таким успехом, если бы ближайшим помощником Николая Константиновича не был его старший сын — востоковед Юрий Николаевич Рерих, один из крупнейших знатоков истории и культуры народов Востока.

После окончания экспедиции Ю. Н. Рерих издал капитальную монографию «По тропам Центральной Азии». В предисловии к оxfordскому изданию монографии крупный французский востоковед Луи Марин писал, что книга Ю. Н. Рериха является вкладом первого порядка в мировое востоковедение.

Предлагаем вниманию читателей отрывки из этой книги, рассказывающие о втором этапе экспедиции.

видеть большой караван тибетцев и монголов, идущих из Тибета. Они вышли из Сининга в сентябре и на протяжении четырех месяцев прокладывали себе дорогу по не защищенной от ветра пустыне Гоби. Многие из них заболели воспалением легких и умерли всего в нескольких переходах к югу от Улан-Батора. Даже эти люди, закаленные и привыкшие к трудным условиям караванных путешествий, не могли вынести таких испытаний. Те, кто выжил, отморозили себе носы и щеки, и длинные полоски потемневшей кожи свисали с их лиц. Ужасно распухшие и почерневшие ноги и руки, со зловонными ранами, с признаками прогрессирующей гангрены, были убедительным доказательством их страданий. И, несмотря на это, люди были бодрь и даже считали, что путешествие прошло очень успешно, потому что караван прошел невредимым район к северу от Канзу, наводненный грабителями. Эти торговцы готовы вынести любые лишения во имя того, чтобы их товары и караванные животные дошли целыми и невредимыми.

Кроме того, путешествия в пустыне для них, вероятно, имеют особую притягательную силу, поскольку они снова и снова бросают вызов опасностям суровых зим Гоби и проходят сотни миль.

чтобы продать несколько штук тибетских материй или благовонных палочек. Это нельзя объяснить только соображениями личной выгоды, ибо торговля между Монголией и Тибетом никогда не достигала широкого размаха. Объяснение этому стремлению в пустыню следует искать в самой природе пустыни, которая проявляет непостижимое, почти сверхъестественное воздействие на каждого, кто хоть раз побывал в ее необозримых просторах. Море неотступно влечет к себе моряка, но пустыня покоряет сердце караванщика, который вновь и вновь возвращается в ее незабываемые бесконечные просторы.

За месяц нам удалось набрать достаточное количество людей, которые могли бы быть и обслуживающим персоналом экспедиции, и боевой силой в случае нападения шайки бандитов. Каждый должен был знать, как ему надо действовать в случае нападения, как ухаживать за конем и обращаться с оружием.

Большая часть людей раньше были охотниками и меткими стрелками, и многие из них были хорошими всадниками — очень важное качество в условиях экспедиции, исключающее стертые спины и избивающее животных от страданий. Помимо военной подготовки и упражнений в стрельбе, людей обучали ставить и разбирать палатки. Они должны были хорошо знать эти обязанности, чтобы разбить быстро лагерь после длительного, тяжелого перехода.

...Срок нашего пребывания в Улан-Баторе быстро истекал, и дата отъезда, назначенная на 15 апреля, уже приближалась. 14 апреля ворота базы экспедиции широко распахнулись, и машины вошли во двор.

ЮГО-ЗАПАДНАЯ ГОБИ

30 апреля 1927 года. ...Перед заходом солнца мы спустились с возвышенности и остановились на северной стороне равнины, покрытой гравием и густо поросшей кустарником саксаула. Начали разбивать лагерь, как вдруг холодный порыв ветра, за которым последовал отдаленный шум в горах, где-то к северо-востоку от стоянки, возвестил о приближении монгольского урагана. Спустя несколько мгновений ураган бушевал над лагерем. К счастью, он длился недолго — поднимая тучи песка, ураган пронесся по равнине на юго-запад. Ночь прошла спокойно: мы приняли все меры предосторожности и насколько было возможно покрепче закрепили палатки. Для путников такие ураганы и песчаные бури всегда великое бедствие. От них совершенно невозможно защититься. Ураган ломает опору палатки, разрывает и разбрасывает ее, заносит толстыми слоями песка настил палатки и постель.

На следующий день мы снова продолжали путь по сухому руслу реки, стекавшей когда-то с гор в южную часть равнины. Дни становились заметно жарче, и у верблюдов начала выпадать клочьями шерсть. После восьмичасового перехода по покрытой гравием равнине мы остановились на ночевку в пустыне, у колодца с солоноватой и неприятной на вкус водой. Повсюду вокруг возвышались невысокие дюны. Далеко на юге виднелись горы Шара-Хулусун — таинственное место, которое всем нам очень хотелось увидеть. Наши проводники говорили, что Шара-Хулусун — узкое, покрытое лесом ущелье с небольшой горной речушкой на дне его. Рассказывалось много всяких историй об этом одиноком оазисе, расположенном в самом сердце пустыни Гоби.

...Пятого мая мы решили выехать очень рано, чтобы добраться до оазиса Шара-Хулусун и дать возможность нашим верблюдам как можно дольше по-

пастись в кустарниках оазиса. День выдался исключительно жарким. Два часа верблюжья тропа вела нас по широким островкам спекшегося песка и пыли. Поверхность равнины была пересечена невысокой грядой известковых гор и дюн. Мы продвигались очень медленно, так как почва на низинах была топкой и верблюды часто проваливались в песок.

Оставив позади песчаную грядку, мы выехали на широкую долину, постепенно поднимающуюся к юго-западу. Около шести миль тропа шла по сухому руслу реки с многочисленными нагромождениями нанесенных с соседних обрывов обломков песчаника. Затем она вышла опять на гравиевую равнину, плавно поднимающуюся по направлению к горам Шара-Хулсун, уже четко вырисовывающимся на фоне неба. Валунь, обломки горных пород и сухие стволы деревьев преграждали путь.

Около четырех часов дня, когда люди и животные совершенно изнемогали от непривычной жары, мы увидели несколько темных точек у подножия гор и у входа в узкое ущелье, скрытое за длинным уступом горы. Кто-то из караванной колонны закричал: «Деревья!» Мы не могли поверить своим глазам, так как большинство из нас были твердо убеждены, что в лучшем случае мы увидим только жалкие кустарники можжевельника. Но вдали были настоящие деревья: пустынный тополь, растущий по берегам реки. Все почувствовали прилив сил при мысли, что можно отдохнуть под сенью деревьев и разбить лагерь на зеленых луговинах.

Мы разбили лагерь в роще на берегу речушки, а караванных животных погнали вверх по течению реки в густые заросли кустарника.

Расположенное недалеко от монгольской границы ущелье всегда было излюбленным убежищем грабителей. За месяц до прихода экспедиции большой верблюжий караван по пути в Кучинг был ограблен здесь и один из погонщиков убит. Проводники монголы советовали нам быть настороже и ночью выставить караул.

Было уже довольно поздно, около девяти часов, и совершенно темно, как вдруг один из наших монголов, погонщиков верблюдов, охранявший животных в ущелье, ворвался в лагерь с тревожной вестью, что в ущелье он видел вооруженных всадников. Во что бы то ни стало нужно было узнать, кто эти люди. В тот момент, когда мы решали, что предпринять, раздался громкий ружейный выстрел, и эхо его прокатилось по ущелью. За первым выстрелом последовал второй. Наш часовой на другом берегу дал сигнал тревоги, и все бросились к оружию. Часовой заметил в темноте двух вооруженных всадников, один на белом коне выехал из кустов и выстрелил. Какие цели у всадников? Было ясно одно, что они нападают на наш лагерь.

Прошло несколько долгих напряженных минут: стрельба стихла, но по доносившемуся шуму мы заключили, что большая группа людей и животных передвигается по ущелью и приближается к лагерю. Трудно было удержать наших: им хотелось стрелять в каждое темное пятно, появляющееся вдали. Нужно было срочно установить, кто были нападающие и где они. Я принял решение отправиться с группой разведчиков под прикрытием стрелков. Тибетец вызвался идти в разведку и исчез в кустах.

После продолжительного отсутствия тибетец вернулся. Он рассказал, что перед нами большой караван из Коко-хото, направляющийся в Кучинг и Урумчи. Когда тибетец подошел к их лагерю, все люди, сидящие у костра, вскочили, погасили костер и приняли его в полном молчании. Затем они начали умолять пощадить их, так как уверились, что пришедший был из большой шайки бандитов, разбившейся в ущелье. Они даже обещали ему

большое вознаграждение деньгами или товарами. Караванщики были чрезвычайно напуганы, и тибетцу стоило большого труда объяснить им, что мы научная экспедиция.

Суббота, 7 мая. День обещает быть жарким. Над горизонтом нависли тучи. Повсюду песок: дюны простираются далеко на юг. Мы начали готовиться в путь около полудня. Монголы-погонщики поят верблюдов, подгоняют седла и смазывают мазью кровавые раны на боках животных. Шерсть скатывается под седлом, и от постоянного трения стирается кожа. Раны увеличиваются и становятся открытыми, и тогда лечение почти невозможно. Около двух часов дня весь караван в три колонны начинает марш по направлению к югу. Пройдя пояс дюн, простирающийся до края горного хребта Гоби, караван идет по необъятной, покрытой гравием равнине. Черная поверхность каменной пустыни сверкает таинственными опаловыми оттенками. В раскаленном воздухе дрожат миражи — озера, острова с берегами, поросшими зеленью.

Впереди три дня пути по безводной пустыне, и люди и животные каравана уныло идут по едва заметной тропе. Сохранить силу верблюдов — главная забота во время долгих переходов по пустыням. В противном случае грозит великая опасность. Мы проходим через узкое ущелье, заваленное огромными валунами, затем низкий песчаный хрящ изрезанных гор, известных под названием Хан-инуру, который, как и большая часть горных цепей юго-западной части Гоби, простирается с северо-запада на юго-восток. По обеим сторонам тропы круто поднимаются гранитные утесы, чередующиеся с темными, почти черными массами базальта. Вершины гор увенчаны фантастическими образованиями выветренных горных пород, принимающих формы неприступных замков или крепостей, охраняющих караванный путь.

И снова черный гравий Гоби. Верблюды движутся мерным шагом, уныло покачивая головами, как будто ищут конца пути по каменной пустыне.

Мы пытаемся пройти как можно больше. Как величествен бывает рассвет и закат в пустыне! Вдруг закат начинает сверкать темно-пурпурными красками, и необъятная равнина искрится ослепительным багровым светом. Еще несколько секунд интенсивного яркого блеска, затем краски постепенно исчезают, и огромное пространство пустыни погружается в темно-лиловую тьму. Появляются звезды на удивительно темном небе. В атмосфере, почти полностью лишенной влажности, звезды кажутся необычайно яркими, словно тысячи ламп, горящих вокруг невидимого алтаря. К одиннадцати часам восходит луна и мягким голубоватым светом освещает пустыню — мертвое сердце Азии, — покрытую гнетущим черным камнем. К полуночи караван останавливается, разбиваются палатки, и верблюдов привязывают недалеко от лагеря.

ЦАЙДАМ

13 сентября 1927 года. Произошло ожидаемое столкновение. День был пасмурный, и тяжелые тучи нависли над горами. Караванная тропа шла по правому берегу реки Нейджи. Между плывущими облаками, туманом и возвышающимися горными вершинами время от времени можно было видеть снежные пики и ледники горного хребта Марко Поло. В этот день колонна экспедиции шла обычным порядком: впереди колонны — небольшой головной отряд под командой европейца, затем руководитель экспедиции с остальными членами и несколькими монголами, за ними следовали мулы, груженные легкой поклажей. На некотором расстоянии за мула-

ми шла колонна верблюдов с тяжелым багажом. Колонну верблюдов охраняли несколько вооруженных всадников под командой одного из европейцев. Как только мы достигли северного склона перевала Элис-дабан, то увидели, что по тропе, левее нашего маршрута, стремительно скачат всадники. Кто они? Может быть, они пытаются выйти во фланг? Много вопросов промелькнуло в уме, но размышлять было некогда. На огромной скорости всадники неслись к экспедиции, и гулкий топот копыт их лошадей зазвенел в воздухе. Все они были вооружены современными винтовками, саблями, и у некоторых были пики. Наш проводник, монгол, бледный и перепуганный, отчаянно жестикулируя, бросился назад к реке с криком «Аранган! Аранган!» («Бандиты!»). Он был единственный из присутствующих, покинувший свой пост; все остальные проявили большую смелость и стойкость духа. Столкновение казалось неизбежным. Руководитель экспедиции приказал нам занять боевую позицию на вершине холма. Головной отряд, прикрывавший колонну, оттянулся к главным силам. Все заняли свои позиции. Было слышно, как заряжают винтовки. «На расстоянии трехсот ярдов мы будем стрелять!» — прокричал полковник, командовавший боевой частью экспедиции. И вражеские всадники дрогнули.

Еще несколько мгновений, и они остановились беспорядочной массой. Мы видели, что сабли вкладывались в ножи. Несколько человек спешили и начали между собой какую-то оживленную перебранку. Наша непоколебимость показала бандитам, что они имеют дело с хорошо вооруженным караваном и что их нападение на нас на открытой местности приведет к большим потерям. Поэтому они остановились и направили в наш лагерь несколько человек для переговоров. Мы вышли вперед, а в качестве меры предосторожности наши всадники окружили отряд. Никогда в своей жизни мы не видели таких бесчеловечных, грубых лиц. Большинство из них оказались молодыми людьми, вооруженными саблями и современными винтовками. Старик с седой бородой был предводителем шайки. Они пришли с повинной. Превосходство нашего огнестрельного оружия заставило их изменить первоначальное решение.

После непродолжительной остановки мы снова отправились в путь.

ВЕЛИКОЕ ТИБЕТСКОЕ НАГОРЬЕ

6 октября 1927 года. Экспедиция отправилась в путь очень рано, с тем чтобы до полудня добраться до Шенг-ди, где можно было у местных кочевников закупить запасы продовольствия. Долина реки, по которой проходил наш караван, стала шире, и на прилегающих склонах гор виднелись стоянки кочевников с отарами овец и стадами домашних яков. Пройдя семь миль по удобной дороге, внезапно мы увидели группу людей, стоящих на тропе. Оказалось, что это были полицейские, которые имели строгое предписание остановить экспедицию и послать сообщение верховному комиссару Хора, находящемуся в Чуна-ке. Большинство — неопытные молодые люди без оружия. Вместо сабли у одного из них был за поясом рог антилопы. Начальник отряда изо всех сил старался показать свои добрые намерения: он высовывал язык и показывал большой палец, упрашивая нас задержаться всего только на один день в Шенг-ди, чтобы дать ему время отправить рапорт о нашем прибытии верховному комиссару.

Мы решили остановиться, так как намерены были вступить в страну спокойно, считаясь с требованиями полицейских сторожевых охранений.

Все местное население пришло в наш лагерь, молодые люди с длинными взлохмаченными волосами, ниспадающими со лба, одетые в овчины, отороченные полосками черной материи, в высоких тибетских сапогах, изготовленных из грубой домотканой материи и кожи. У некоторых лица были намазаны черной пастой, чтобы защитить кожу от зимнего ветра. Начальник отряда, успевший надеть на себя новую овчину, пришел в наш лагерь и начал составлять рапорт.

28 октября. Тяжелые тучи нависли, утро холодное и туманное. Чуна-ке представляет собой унылую картину: всюду снег и мрачные черные тибетские палатки. Кочевники покинули Чуна-ке, и невозможно стало доставать в достаточном количестве топливо и корм для животных. Отправили письмо, адресованное лично Далай-ламе.

На следующий день опять — 20 градусов. Юго-западный ветер, временами идет снег. Ночью несколько волков подбирались к нашему лагерю, но собаки всякий раз отгоняли их. Мы попросили разрешения стрелять по волкам, но начальник нам отказал, так как в Тибете стрелять в животных строго запрещается.

Стаи голодных собак бродили в окрестности, время от времени они нападали на людей. Целые стаи грифов кружили над лагерем. Их наглость была столь велика, что они утаскивали продукты из палатки, где находилась кухня, и даже уносили чашки. Огромные птицы пожирали туши животных, оставленных проходящими караванами.

...31 октября. Термометр показывает — 25 градусов по Цельсию. Нашим изголодавшимся караванным животным в день скармливаем только один фунт зерна, травы нет совсем. Верблюды катастрофически теряют силы. Ночью голодные животные бродят по лагерю. Мы заметили характерную особенность у лошадей и у мулов. Перед смертью они неизменно пытались войти в палатки, как бы отыскивая более защищенное место. Утром мы находили их мертвыми.

...7 ноября. Мороз усилился, и термометр показывает — 40 градусов. Несколько человек страдают от сильной простуды, которая, по свидетельству врача, легко может перейти в воспаление легких, если нам придется еще оставаться здесь. Монголы с трудом передвигаются, распухли лица, руки и ноги.

...16 ноября. Профессор Н. Рерих заболел и должен оставаться в постели.

...24 ноября. Самое холодное утро, которое мы пережили у Ворот Тибета, — 45 градусов. Стаи голодных собак становятся серьезной угрозой — они напали на наших людей, вышедших из лагеря. В этот же день растерзали три овцы. Ночью было невозможно спать от их бесперывного воя и лая. Они подбирались к палаткам и таскали продовольствие. Местное население говорит, что необычный снегопад — наказание, посланное за непонятное поведение правительства Тибета по отношению к экспедиции.

...28 ноября. Пришел начальник и принес письмо от верховного комиссара. После обычных вежливых фраз верховный комиссар просит извинить его за то, что он не отправил письмо Далай-ламе. Он возвратил письмо... Было ясно, что верховный комиссар избавляется от ответственности и не в состоянии дать исчерпывающий ответ от имени правительства. Мы немедленно отправили посыльного с сообщением о намерении отправиться сразу в Нагчу для переговоров относительно нашего дальнейшего пути в Индию.

...7 декабря. Из Нагчу прибыл солдат и привез наше письмо обратно нераспечатанным.

на стр. 42 ►

Меч Гесэра.

Слово о Рерихе

У подножия Гималаев, в Кулу, стоит камень, обломок первозданной скалы, на котором высечена надпись: «Тело Махариши Николая Рериха, великого друга Индии, было предано сожжению на сем месте 30 магхар 2004 года Викрам эры, отвечающего 15 декабря 1947 года...»

На родине Рериха в пахучих зарослях можжевельника, под покровом сумрачных елей и сосен прячутся груды таких же, как этот камень, диких могильных камней. Они получили в народе название «жалньники». «Жалньники» — так и называется одна из крупных ранних археологических работ Рериха.

В этом слове слышится древняя как мир жалоба на утрачу близких людей. Жалость об ушедших в страну, откуда нет возврата. О ней звенят печальные звуки пастушьей свирели, жалейки. Вот откуда, быть может, та задумчивая грусть и тишина, которые струятся от картин раннего Рериха, вещего певца языческой старины Русской земли, последнего ее Бояна.

И в творчестве Рериха-археолога, автора работ, посвященных древностям Новгородской и Псковской земли, с такой же эстетической богатой силой звучат мотивы героического прошлого русского народа, гордости за наше великое культурное наследие, за вечные памятники нашей культуры. И гордости и гнева — «Застрелили Пушкина и Лермонтова, отлучили от церкви Толстого, препятствовали Ломоносову и Менделееву войти в Академию наук. Можно написать ужасающий синодик... всяких поношений и разрушений», — пишет он Булгакову в январе 1937 года. Этими чувствами, этой борьбой за все русское, народное, фольклорное наполнено творчество художника. И его «Гонец», и «Варяжское море» с крылатыми, как лебеди, ладьями на синем море, «Покорение Казани», «Сеча при Керженце», «Князь Игорь» и многое, многое другое, не исключая

грандиозных по размаху церковных росписей и мозаик. Именно не исключая этих росписей и мозаик, потому что и в них вместо официального казенного православия царит иной дух народного эпоса и сказочного полета фантазии.

И вот уже в полной зрелости своего таланта, на вершине лет художник начинает новый путь. На этот раз не в Рим и не в Париж, не в Швейцарию, а в иные и далекие страны — на Восток.

Об этом новом этапе в творчестве Рериха, отмеченном грандиозными открытиями в познании духовного мира и художественной культуры Востока, новыми вкладками в мировоззрение самого мастера, написано много статей и книг.

Так много, что все это даже как бы отодвигает и заслоняет первый северный этап. На самом же деле одно не может быть понято и раскрыто полностью без другого. Между ними пролегал не пропасть, а сохраняется незримая, но ощутимая связь.

Эта связь — в гуманизме мировоззрения Рериха как художника, мыслителя и при этом не созерцателя, не отшельника, а человека действия.

С самого начала, с детства он живо и непосредственно откликался на все, что откладывалось в его душе. Здесь был наряду с Древней Русью драгоценный вклад Запада — древней Скандинавии с ее мужественными сагами, валькириями и викингими, витаями в кованых латах, чудовищными великанами страны льдов, с «Тристаном и Изольдой» Вагнера, «Сестрой Беатрисой» и «Принцессой Малейн» Метерлинка. Но столь же рано его воображение захватили красочные образы далекой Индии, Японии и даже легендарной Атлантиды. Так появляется стройная девушка Девасари Абунту, опирающаяся на изукрашенную колонну древнего храма, а около нее голубые, янтарно-желтые и синие птицы, сродни Сирину и Алконосту русского эпоса. И уже создан был «Индийский путь» — прообраз реального пути, по которому много лет спустя поведет он свой караван через пустыни, горы и степи Центральной Азии навстречу стране чудес.

Мощь пещер.

Теперь, как и прежде, Рерих остается верен археологии: он ищет следы великих переселений народов, на его пути выселись ряды каменных столбов — менгиров, таких же, как в языческой Скандинавии. По шершавой коре валунов выбиты были камнем загадочные изображения, оставленные почитателями сил природы в далекие добуддийские времена: козлы, охотники с луками, колесницы.

Но больше всего художника захватила природа Центральной Азии, такая же первозданная, девственная, как во времена Пржевальского, — с ее дикими лошадьми, яками, куланами.

На тысячи километров расстилались горные хребты, покрытые шапками вечных снегов, бесконечные степи с редкой травой у их подножия, а то и совсем пустые, покрытые черной галькой — черная Гоби, солончаки и снова горы. Суровая природа окружала здесь человека.

Но какие глубокие, чистые и яркие сверкали здесь краски, а вместе с тем необыкновенные для европейского глаза, как причудливы и необычны изломы скал и контуры зубчатых гор! Мне помнится, как при первых лучах солнца огненным взлетом, гигантским факелом вспыхнули вдруг скалы с гнездом драконов-динозавров в пустынной долине Банндзака. И тут нам стало понятно, почему Эндрюс назвал эти причудливые, как средневековый замок, обнажения красного гобийского песчаника «Пылающими скалами». Во сколько же раз больше чудес мог увидеть и увидел здесь глаз такого художника, каким был Рерих!

Так в палитре Рериха, на его полотнах возник целый мир, неизведанный, таинственный и манящий. В этом мире кочевали тысячелетиями со своими верблюдами номады, с черными руками и лицами от рождения, не знавшие мыла, питавшиеся у своих костров сырым мясом, жившие в черных палатках из заячьей шерсти. Из скалистых убежищ на мирные караваны внезапно налетали хищные разбойники, почти такие же дикие, как грифы-стервятники и волки пустыни. И так же контрастно, как черная Гоби и вечные снега Гималаев, противостояли друг другу пусты-

ня кочевников и очаги оседлости — монастыри. Каждый из этих монастырей был, как тысячу лет раньше, в средневековой Европе, местом, где историки, философы печатали и писали от руки книги, где трудились мастера живописи и скульптуры.

Каждый из них был музеем древней, но все еще живой культуры Востока.

Рерих с удивлением и восторгом наблюдал, как в искусстве Востока, в его мифологии и философии повторяются знакомые по сокровищам Европы мотивы и художественные образы, начиная с Троицы-Тримурти и вплоть до чаши священного огня — чаши Грааля.

Сердце художника целиком, без остатка, пленил фантастический и прекрасный мир древнего искусства Индии, Тибета и Монголии, с его то грозными, то пленительными образами, с его фантастически-богатыми сюжетами, созданными сотнями поколений мастеров.

Так родилась поражающая своей необычной красотой серия полотен, где на фоне Гималаев и Гоби-Алтая мчится виттель с силами зла — Эзсер, шествуют бодисатвы в пышных одеяниях, где Будда опускается на дно океана за скрытой в нем Истиной.

И если перевести все это с языка красок на обычный наш язык, то это и был вызов расизму, идеологии колониализаторов. И вспоминаются слова С. Коненкова: «Нравственные принципы Н. К. Рериха в области охраны культурного наследия человечества стали нормами международного права».

Рерих шел навстречу Востоку и видел то, о чем писал до него другой русский исследователь культуры народов Центральной Азии — Г. Н. Потанин, видел, что культуры Запада и Востока тысячелетиями, начиная со времен скифов и их звериного стиля, проникали друг в друга. Обменивались ценностями и создавали новые, невиданные сплавы.

Академик А. ОКЛАДНИКОВ

В снегах Тибета.

▼ со стр. 39

КОЧЕВНИКИ ХОР-ПА. ОТКРЫТИЕ «ЗВЕРИНОГО СТИЛЯ»

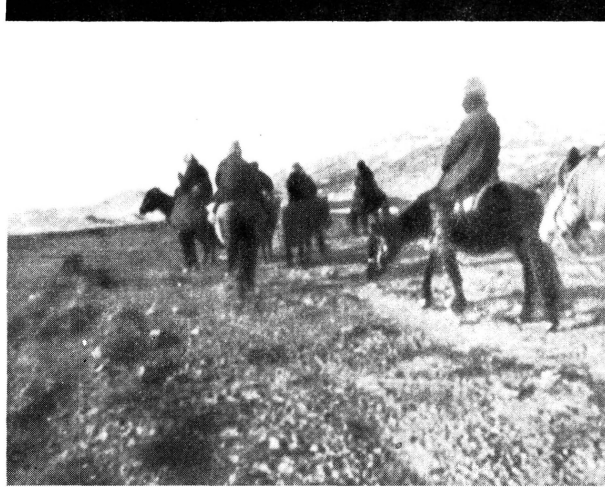
Декабрь 1927 — январь 1928 года. Обширная горная область Тибета к северу от Нагчу известна под названием Хор, и кочевники, населяющие этот район, называются хоры (хор-па).

В тибетских исторических летописях название «хор» обыкновенно обозначает племена монгольского или центральноазиатского происхождения, которые с VIII по IX век нашей эры постоянно совершали набеги на Тибет и в особенности на северо-восточную границу его.

В современном тибетском разговорном языке слово «хор» обозначает «кочевник смешанного происхождения», который обитает в районе между областью, населенной племенами панагов и голоков, и областью Великого Озера. Пять племен хоров, живущих на северных и южных склонах горного хребта Цанг Ла, представляют собой пять отдельных родов. Самый крупный род насчитывает около тысячи юрт с населением приблизительно от четырех с половиной до пяти тысяч человек, меньшие роды имеют около четырехсот юрт.

Единственное занятие населения — скотоводство.

Путь к оазису.

Скотоводство всегда было типичным занятием хоров, но разведение скота осуществляется на таком примитивном уровне, что породы крупного рогатого скота и лошадей быстро вырождаются. Хоры не запасают сена на зиму, считая, что это приносит вред божествам земли. Всю зиму стада бродят под открытым небом.

Большую часть работы по дому выполняют женщины: доят коров, сбивают масло и делают тибетский сыр, дубят кожи и прядут шерсть для грубых тибетских тканей. Мужчины в летние месяцы уходят с караванами и возвращаются поздней осенью, до того как снег засыпает перевалы, с запасом ячменя и «цзампа» на зиму. Когда мужчины дома, они стерегут стада яков и овец — отнюдь не легкая обязанность на таких высотах.

Одним из самых значительных достижений экспедиции было открытие «звериного стиля» в искусстве кочевников Северного Тибета.

Характерной особенностью «звериного стиля» является наличие декоративных мотивов, в основу которых положено изображение животных; при этом фигуры животных размещаются так, что создаются необычайно красивые декоративные композиции. Некоторые из этих мотивов очень стилизованы, и истоки их развития коренятся в глубине веков. Художники, создававшие этот стиль, превосходно видели природу, очень хорошо знали повадки и характерные особенности изображаемых животных. Этот стиль распространился на огромной территории и стал типичным для всех кочевников Азии. Центр прекрасной культуры кочевников, которая оказала сильное влияние на искусство его более цивилизованных соседей, находился в горах Алтая — районе, изобилующем золотом, рудами, покрытым растительностью, нередко изображаемой на предметах «звериного стиля».

Трудно сказать, связан ли «звериный стиль» с каким-либо определенным этническим типом людей. Я склонен считать, что он возник у кочевников и охотничьих племен разных этнических групп, но живущих в среде, имеющей много общего, ибо только так мы сможем объяснить широкое распространение «звериного стиля» от границ Южной России до границ Китая и от сибирской тайги до величественных вершин Транс-Гималаев в Тибете.

Тибет всегда был открыт для кочевников с северо-востока. Именно оттуда пришли предки современных тибетцев. Высокогорное плато Кукунор, поднятое в среднем на высоту около десяти тысяч футов, и окружающая горная страна имели достаточно пастбищ для кочевых племен. Именно с этого огромного пространства пришли древние тибетцы, вытесненные могучим потоком каких-то других племен, и вынуждены были искать новые пастбища, наводняя долины и плоскогорья Тибета.

В исторические времена племена Тибета имели широкие связи с иранскими и палеоазиатскими племенами, кочующими по необозримым просторам, простирающимся до границ Китая. Современные исследования установили, что иранские племена являлись как бы переносчиками «звериного стиля». В эпоху Хань (206 год до нашей эры — 220 год нашей эры) было введено в употребление иранское военное снаряжение в Китае, а с ним пришла туда и богатая декоративность в «неозверином стиле», названном так в отличие от скифского звериного стиля южных степей России.

Значительные находки тканей и металлических предметов в «неозверином стиле» были обнаружены генералом П. К. Козловым в горах Ноин-ула на севере от Улан-Батора, но ничего не было известно о существовании этого искусства в Тибете. Из находок экспедиции Н. К. Рериха, сделанных во время

вынужденной пятимесячной стоянки, следует, что именно этот стиль был «в моде» в Держе — районе, производящем металлические изделия, имеющем свои художественные традиции. Этот стиль также культивируется у хоров. Кожаные сумки для кремня, пояса, серебряные и бронзовые коробочки для талисманов и металлические пластинки выполнены в тибетском «зверином стиле».

Интересно сравнить две находки. Одна из Держе, северо-восточный Тибет, другая была обнаружена экспедицией Козлова в могильниках в горах Ноин-ула, Монголия.

Пряжка чеканной работы (железо, покрытое серебром) из Держе изображает льва с головой, повернутой влево, в сторону зрителя. Грива животного взлохмачена и стоит дыбом. Все линии тела напряжены. Он сидит на задних лапах, с поднятым вверх хвостом, как будто бы прислушивается к шороху, готовый прыгнуть. На фоне изображены два стилизованных дерева. Волнистые линии внизу — стилизованные горы.

Среди предметов, обнаруженных экспедицией Козлова в могильниках Ноин-ула в Монголии, тоже есть пряжка чеканной работы. На ней изображен стоящий буйвол или зубр с наклоненной и повернутой влево головой.

Сравнивая эти две пряжки, легко заметить большое композиционное сходство. В обоих случаях животное повернуто левым боком к зрителю и смотрит прямо на него. Однако изображена шкура животных. И там и здесь два стилизованных дерева служат фоном. Деревья на первой пряжке раскинули ветви над головой льва. Эти деревья из более теплого климата, а две сосны на находке Козлова говорят о ее северном происхождении.

Думаю, что эти два предмета отображают «звериный» мотив, бытующий в искусстве кочевников Внутренней Азии, но пряжка со львом происходит из южных частей этой области, а пряжка с зубром была создана на северной границе ее.

Металлические украшения, изображающие фигуры животных и птиц, можно часто видеть на поясах, которые носят тибетские кочевники. Экспедиция приобрела несколько таких поясов.

...4 января. Ночь холодная, термометр показывает — 30 градусов по Цельсию. К утру мороз усилился, и мы мерзли в наших летних палатках. В половине седьмого взошло солнце, и немного потеплело.

В полдень прибыли правители Нагчу. Мы все собрались в палатке. Они чинно вошли в палатку в сопровождении многочисленных слуг. Узнав о цели экспедиции, хан-по воскликнул, что ему очень приятно слышать об этом, но так как Тибет религиозная страна, не имеющая никакого отношения к внешнему миру, то правительство страны не разрешает иностранцам посещать Внутренний Тибет.

На следующий день губернаторы пришли снова. Они сообщили, что нам не могут разрешить пройти по Дам-Ла около Гяанг-зе, но что их правительство готово договориться о том, чтобы нам разрешили путь в Сиким через Намру, Наг-тшанг и Зага-дзонг. Нам оставалось только согласиться.

...19 января. Все поднялись чуть свет. День обещает быть хорошим. Распределив багаж между людьми, которые привели животных для экспедиции, мы отправились в путь. Итак, кончилась наша пятимесячная стоянка на земле хоров.

В заключение нашей публикации мы приводим отрывки из книги Н. К. РЕРИХА «АЛТАЙ — ГИМЛАЙ», которые можно озаглавить:

ОБРАЩЕНИЕ К БУДУЩИМ ПУТЕШЕСТВЕННИКАМ

Спрашиваете, как мы обходимся без театров? У нас театр ежедневный, только без подмостков, а в жизни. То китайский театр — с легендами о небывалых народах. То злобевший балет кашмирских купцов — шайтанов. То угрожающий монолог полицейского. То драма разбиваемой волнами лодки. То процессия коней. То тихие вечерние песни. То фуриозо града и землетрясения. И не нужно вешать ветшающие холсты, не надо марать лиц, когда весь мир участвует в мистерии эволюции. Когда обновленные понятия входят в жизнь повелительно в новообразованиях вселенской красоты.

И если через оболочку вещей каждого дня вам удастся рассмотреть вершины космоса — какой новый, чудесный, неисчерпаемый аспект примет мир для освобожденного глаза! Древняя медицина утверждает, что смех очень полезен для очистки цитовидных желез. Как же должна быть полезна улыбка для мозга! И дрожащее заклятие страха превратится в смелый клич радости.

Вам, молодым друзьям, напоминаю: запаситесь одеждой и на жару, а главное — на холод. Холод наступает быстро и пронзительно. Неожиданно перестаете чувствовать конечности. Всегда имейте под рукой аптечку: главное внимание — зубы, простуда, желудок. Имейте бинты для порезов и ушибов. В нашем караване уже все это пригодилось. Всякое вино на высотах очень вредно. От головной боли — пирамидон. Не следует кушать много. Очень полезен тибетский чай. Это скорее горячий суп, и хорошо согревает, легок, питателен, а сода, в него входящая, сохраняет губы от болезненных трещин.

Не перекормите собак и лошадей. Иначе начнется кровотечение, и животное придется приканчивать. Весь путь усеян следами крови. Следует проверить, были ли кони уже на высотах. Многие неиспытанные кони погибают немедленно. И стираются на трудных переходах все социальные различия, все остаются именно людьми, равно работающими, равно близкими к опасностям. Молодые друзья, вам нужно знать условия караванной жизни в «пустынях», только на этих путях вы научитесь бороться со стихиями, где каждый неверный шаг — уже верная смерть. Там вы забудете числа дней и часы, там звезды заблестят вам небесными рунами. Основа всех учений — бесстрашие. Не в кисло-сладких летних пригородных лагерях, а на суровых высотах научитесь быстроте мысли и находчивости действия. Не только на лекциях в тепле натопленной аудитории, но на студеных глетчерах узнаете мощь работы материи; и вы поймете, что каждый конец есть только начало чего-то, еще более значительного и прекрасного.

Опять пронзительный вихрь. Пламя темнеет. Крылья палаток шумно трепещут, хотят летать.

Публикацию подготовили: **И. БОГДАНОВА-РЕРИХ, В. ВАСИЛЬЧИК, М. ДРОЗДОВА.**
Комментарии и научная редакция доктора искусствоведения лауреата премии имени Дж. Неру **С. ТЮЛЯЕВА**

4 марта 1928 года все участники экспедиции будут помнить как день окончания пленения в него-степриимных нагорьях Тибета.

Перевела с английского М. ДРОЗДОВА

Известно, что каждый скандинав считает себя викингом. Но вот каков он, сегодняшний викинг?

Прежде всего нам, пожалуй, следует ознакомиться с предметом нашего исследования. Прошу.

Если взять шведского, норвежского и датского викинга и посадить их за хорошо сервированный стол (излюбленное место пребывания нынешнего викинга), то разница между ними будет очевидной. Швед голубоглаз, худощав и очень высок, он выше остальных — настолько выше, что ему иногда предлагают сесть, хотя он уже давным-давно уселся. Он курит сигареты с фильтром, носит в нагрудном кармане белый шелковый платочек, а в петлице — значок

Датский писатель-юморист В. Брейнхолст уже знаком нашему читателю: в № 11 за 1969 год печаталась его заметка «Мы, скандинавы...». В этом номере мы знакомим с новыми изысканиями автора в области «скандинавологии».

члена общества трезвенников «До дна».

Датчанин голубоглаз, невысок и кругл — он круглее всех. Это последнее объясняется тем, что Дания — сельскохозяйственная страна, а любимое занятие датчанина — еда. Он курит толстые сигары, набивая ими нагрудные карманы, отчего они делают похожими на газыри, и в создавшейся ситуации сразу же предложит сигару шведу и норвежцу. Оба они откажутся: швед — из-за того, что считает преступлением переводить на дым такую хорошую сигару, когда на столе нет кофе и коньяка, норвежец — потому, что втайне побаивается розыгрыша, зная, что датчанин не упустит случая продемонстрировать высокий уровень датского юмора, и сигара может загореться бенгальским огнем.

Голубоглазый норвежец предан самому солидному и мужественному виду курения — трубке. Его рост — вполне приемлемый ком-

промисс между ростом шведа и датчанина. Из трех скандинавов отличить норвежца довольно легко: во-первых, он сам тут же скажет, что из троих именно он является норвежцем. Во-вторых, его можно узнать по значку в петлице: значок представляет собой либо норвежский флаг на фоне эмблемы лыжного клуба, либо эмблему лыжного клуба на фоне норвежского флага.

Говорить нынешний викинг предпочитает по-английски, вернее — на таком английском, который англичанину будет понятен не больше, чем монгольский. В то же время шведский язык считается одним из самых красивых в мире. Торжественная месса, фанфары, колокола Миланского собора — вот что такое шведский. Норвежский язык сразу же наводит на мысль о том, что Норвегия — горная страна. Когда норвежец начинает говорить, то кажется, что он привык беседовать на расстоянии: он, скажем, в долине, а его

собеседник — на вершине горы. Норвежцы сами очень недовольны своим языком, особенно тем, что письменный норвежский не отличись от датского, и поэтому они изобрели совершенно новый язык — «новонорвежский». Этот язык уже не понимают ни датчане, ни шведы. Неудобство «новонорвежского» и в том, что его не понимают сами норвежцы. О датском языке мы здесь говорить не будем, поскольку он, если верить норвежцам и шведам, вовсе не язык, а катар верхних дыхательных путей. Если вы хотите узнать, как говорят датчане, попробуйте сунуть в зубы сразу две сигары, набрать в рот воды и сказать несколько слов. Получится похоже. Иностранцу обеспечен огромный успех во всех трех странах, если он выучит хотя бы одно скандинавское слово. Швед нежно прижмет его к груди и прослезится, если чужеземец подпоет ему припев одной из самых популярных шведских песен: «До дна, до дна, тра-ля-ля-ля».

Датчанин любит потешать людей, а еще больше — потешаться сам; ему кажется страшно смешным подбить иностранца произнести несколько слов по-датски. День, когда ему вдруг встретится иностранец, способный выговорить датское слово, будет самым черным днем в жизни датчанина.

Если заставить шведа, норвежца и датчанина говорить друг о друге, то выяснится, что современный викинг представляет собой, так сказать, пестрое явление.

Если попытаться выведать у норвежца, что он думает о шведах и датчанах, то он ответит что-

нибудь вроде: «Я слышал, в Финляндии живет очень странный народ». Если, однако, вы будете настаивать, то сможете добиться еще чего-нибудь. Например: «Они же не виноваты, что они не норвежцы». И уже под конец, после долгих раздумий, произнесет: «Швед — совсем неплохой человек, когда трезвый». Немного еще подумав, он добавит: «А датчанин страшно занятый, когда выпьет».

Датчанин значительно легче проведет самоанализ. Он весел, покладист остроумен, обладает чувством юмора, услужлив, гостеприимен, еще раз остроумен, любит детей, животных и себя самого. Сколько-нибудь твердого мнения о своих скандинавских братьях у датчанина нет. «Мы здесь, в Скандинавии, все как одна большая семья», — говорит он, и на его лице написано, что он в восторге от больших семей при стесненных жилищных условиях.

Если анализировать свой характер станет швед, эта затея очень скоро превратится в сложнейшее мероприятие, потому что швед себе совершенно не нравиться. С горячей убежденностью он заявит вам, что он архискучный, то есть не просто скучный, но скучный в самом сильном значении этого слова, просто смертельно скучный, церемонный, сдержанный и замкнутый. Во время этой горячей пессимистической исповеди каждую минуту ждешь, что швед выйдет из себя не в переносном, а в прямом смысле — покинет свою оболочку, бросит на пол и примется топтать ее, а потом с негодованием отбросит пинком ноги в сторону. Если вы пойдете ему навстречу и согла-

ситесь, что он, может быть, и в самом деле чуть-чуть слишком хорошо воспитан, то нанесете этим удар в солнечное сплетение. Швед не успокоится до тех пор, пока не убедит вас, что это — злостный наговор, придуманный датчанами и норвежцами, потому что из всех скандинавов только он, швед, черт возьми, знает, как вести себя в порядочном обществе. О своих скандинавских собратьях швед выскажется очень неохотно: «Что они за люди, я вам сказать не смогу».

Даже в таком коротком рассказе о современном викинге нельзя обойти молчанием его подругу. В Скандинавии есть еще мужчины, которые смотрят на женщину просто как на кухонное оборудование (правда, очень нужное). Это, считают они, неотъемлемое право истинного викинга. К их великому сожалению, женщина играет все большую роль в самых различных областях жизни: есть женщины — адвокаты, инженеры, священники и даже кондукторы трамвая.

Викингу остается утешаться тем, что женщине все-таки платят на 15—20 процентов меньше, чем ему за ту же работу. Утешительны и такие данные опроса: 50 процентов скандинавских мужей наотрез отказываются помогать своим женам мыть посуду. Ревнителю традиций в этой связи утверждают, что, если процент снизится хотя бы на немного, то в разговорах о мужчинах Скандинавии уже не будет употребляться гордое слово «викинг».

Перевел с датского
Ю. ПОСПЕЛОВ

Рисунок В. ЧИЖИКОВА

ВОЗВРАЩЕНИЕ К КАМНЮ?

У ацтеков, отличавшихся своеобразным отношением к драгоценностям, более всего ценилась яшма, и только за ней следовали медь, серебро и золото. Яшму использовали и шумеры; изделия из нее находили в гробницах фараонов; о яшме трогательно писал А. Е. Ферсман, описывая мертвый камень так, словно видел в нем что-то происходящее, движущееся, но заметное только ему, — «все чище, светлее, прозрачнее делается тон камня», вот «выступает прекрасная головка», «извиваются... какие-то неясные чудови-

ща...». Этот камень вмещает в себя любую человеческую фантазию, каждый, кто держал в руках кусок яшмы, может описывать самые странные свои видения, ссылаясь на то, что видит их в рисунке камня, — все это выгладит достоверностью и не может быть опровергнуто. И только странной случайностью можно назвать то, что в странах Востока и на Памире камень не оценили по достоинству. Возможно, памирские гранат и лазурит просто заслонили собой яшму.

Но не совсем. Еще сейчас жители Дарваза помнят знаменитых дарвазских усто — мастеров каменных дел. А недавние находки

геологов могут воскресить памирскую яшму как поделочный камень. Разведаны запасы лалов и лазурита, за яшмой же не надо даже уходить в землю, она на поверхности. С перевала Абурабат до месторождения яшмы всего несколько километров. Причем дорога пролегает к ней прямо по водораздельному хребту, и, по отзывам геологов, здесь может пройти даже бульдозер...

Древняя традиция любви к украшениям, общая для большинства народов Памира, может вернуть камню жизнь. Так что памирская яшма ждет своих усто.

ЗАГАДКИ ПРОЕНТЫ ОТКРЫТИЯ

Тысячи деревьев пали под пилами, чтобы дать бумагу для волнующих публикаций о «снежном человеке», «чудовище Лох-Несса», «летающих тарелочках» и тому подобных явлениях. И много уже минуло лет, но почта с регулярностью прибоя приносит вопросы, как обстоит дело с изучением всех этих тайн.

Не всем понятна позиция науки, которая не торопится признавать подобные явления реально существующими. Ведь столько было наблюдений, так много очевидцев, почему же среди ученых преобладает скептицизм?

Конечно, даже среди исследователей встречаются люди, чье мнение в подобных случаях, если отбросить терминологическую вуаль, сводится к известной фразе: «Этого не может быть, потому что этого не может быть никогда». Но науке, понятно, такой консерватизм несвойствен, иначе бы она просто не могла развиваться. Столь же далека от науки, однако, другая крайность — принятие чего-то на веру, признание чего-то в качестве истины, когда не выполнено одно существенное правило научного метода — правило воспроизводимости и однозначности результата.

Отказ от этого правила сразу спутал бы оценки, что истинно, а что ложно. Ведь если за критерий принять количество свидетельств, «масовость наблюдений», то нам пришлось бы признать реальность существования чертей и при-

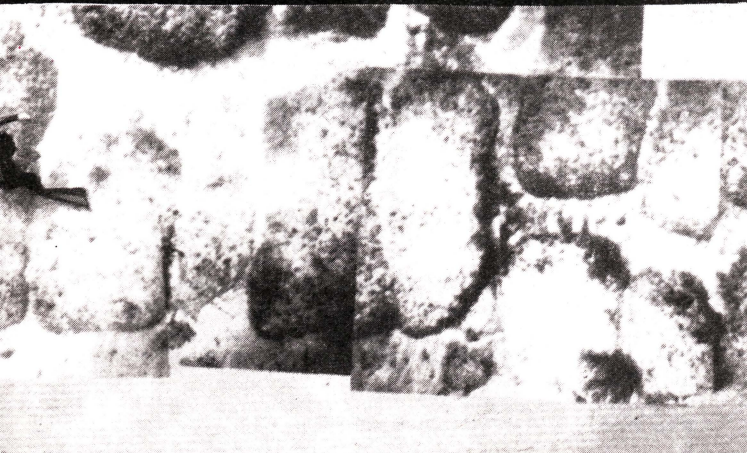

**КУДА ВЕДУТ
СЛЕДЫ
«БОЛЬШЕНОГА»?**

АНАТОМИЯ СЕНСАЦИЙ

АТЛАНТИДА: НЕ СТАНЕТ ЛИ ЛЕГЕНДА БЫЛЬЮ?

зраков, ибо «факт» их существования установлен многими «очевидцами». Не решает проблему и вопрос авторитета ученого, ибо тогда, логично, мы должны абсолютно верить, скажем, нобелевскому лауреату и куда меньше доверять малоизвестному исследователю. Поэтому критерий один: то, что исследователь получил в лаборатории или обнаружил в природе, тогда становится признанным фактом, когда результат по той же самой методике может быть повторен любым другим исследователем. Конечно, в природе бывают уникальные случаи, когда наблюдение повторить нельзя. Тем жестче требования к доказательности однажды полученного результата. Не должно быть ни малейших сомнений, что наблюдение произведено безукоризненно, со всей ответственностью и на строго научном уровне; полученные доказательства, в свою очередь, должны быть неуязвимы для критики. В противном случае это еще не твердо установленный факт; это лишь сигнал о том, что «здесь, возможно, что-то есть!». Конечно, действительность сложнее и разнообразнее любой, в том числе и этой схемы. Но в целом ее рамки незыблемы.

Обращаясь к статье о «снежном человеке» в Малайзии, легко заметить, что, во-первых, это сообщение, по существу, ничем не отличается от тех, которые появлялись десять-пятнадцать лет назад. Во-вторых, снова нет доказательства, убедительного для любого непредвзятого специалиста (позиция самого автора в оценке итога экспедиции очень верна). Фотографии следа, сделанные в разных концах Земли, насчитываются уже сотнями. Более того, в 1967 году в глухом уголке Калифорнии объектив киноаппарата запечатлел само загадочное существо... Канадский исследователь Р. Дахинлен представил это свидетельство многим американским, английским, а недавно и советским специалистам. (Об этом он рассказывал в «Кают-компании» «Вокруг света».) «Орешек», однако, оказался нелегким. За небольшим исключением, специалисты не отвергли пленку, что называется, с порога. Но до окончательного вывода, что именно запечатлел киноаппарат, еще далеко. Исследования кинокадров продолжаются, и осторожность подхода, скрупулезность анализа тут вполне объяснимы — ведь были же прямые, рассчитанные на сенсацию подделки! Эта «скомпрометированность темы» изрядно мешает спокойному, объективному изучению накопленного материала, тем более что «закрывать» всегда легче, чем «открыть», особенно в ситуации, когда о «снежном человеке» уже сложилось не слишком благоприятное мнение (что делать, в науке эмоции тоже играют не последнюю роль!).

Кроме всего прочего, есть вещи, весьма существенные для исследователя, о которых специалист может и не подозревать. В шотландском озере Лох-Несс обитает некое чудовище (или несколько чудовищ). «А почему бы и нет? — скажем мы. — Разве до сих пор не находят крупных животных, которые ранее не были известны науке? То же самое и в Лох-Нессе». — «Нет, — говорит понимающий зоолог. — Существование даже нескольких представителей неизвестного вида в одном-единственном озере граничит с чудом». И он прав, потому что если особой всего несколько, то неизбежны внутриродственные скрещивания, что согласно законам

генетики ведет к быстрому вырождению и гибели группы. Это не единственное возражение, есть и другие, более специфичные, но не менее существенные. Поэтому существование «чудовища», тем более древнего, в одном или нескольких экземплярах — гипотеза с позиций науки весьма сомнительная.

Что же касается «летающих тарелочек», иначе «неопознанных летающих объектов» (НЛО), то о них наука высказалась недавно вполне определенно. Как советские, так и американские компетентные ученые, проанализировав все сообщения, пришли к выводу, что все такого рода свидетельства недостоверны и НЛО не существует. Это, конечно, не значит, что в атмосфере в принципе не может быть малоизученных, а то и вовсе неизвестных природных явлений. Ведь трудно ожидать, что в воздухе, на земле, в воде все уже настолько изучено, что ни сейчас, ни через десять, ни через сто лет там не откроется ничего существенно нового. Но это уже другая тема.

Статью об Атлантиде мы постарались подробно прокомментировать по ходу текста, ибо это в своем роде примечательная статья. Подход автора к материалу, его подача, пренебрежение к точности, быстрота выводов — все очень типично. К сожалению, когда речь идет о «снежном человеке», Атлантиде или следах космических пришельцев,

тон сплошь и рядом задают именно такого рода эффектные, размашистые, но весьма легковесные и даже существенно неточные статьи. (Статья американского археолога далеко не худший образец.) Неспециалист часто беззащитен перед их сенсационным блеском, так как многое в них вынужден принимать на веру. Одновременно они изрядно компрометируют саму, порой действительно важную, тему, саму, быть может, здравую в своей основе гипотезу.

Ибо даже те гипотезы, которые лишь с натяжкой можно назвать научными, иногда приносят ощутимую пользу. Шлиман, к немалому ужасу некоторых своих коллег, принялся искать Трою «по указаниям» «Илиады». Нашел он не гомеровскую Трою, но его находка стала событием в археологии. Публикации о Тунгусском метеорите с изложением научно-фантастической гипотезы взрыва космического корабля побудили двинуться в тайгу самостоятельные экспедиции, которые собрали хороший научный материал. Помнить о такого рода последствиях необходимо. Природа удивительна, разнообразна, неисчерпаема и еще далеко не познана даже на Земле. Поэтому нет смысла с порога отвергать ни того же «снежного человека», ни миф об Атлантиде. В конце концов это тоже не лучший метод.

Д. БИЛЕНКИН

КУДА ВЕДУТ СЛЕДЫ «БОЛЬШЕНОГА»?

Поверить в это было трудно.
— Чьи большие следы? — переспросили мы.
— Гигантских людей, — повторил вождь деревни.

— Гигантских людей?
— Ну да, Оранг Далам.

Большие следы. Гигантские люди... Что за бред! Никаких сомнений — перед нами еще один рецидив местных суеверий. Уже два дня мы слушаем байки аборигенов о хитрюгах слонах и тиграх-людоедах, теперь нам подкинули новенькое — про гигантов джунглей.

Меня и фотографа Курта Рольфа зазвал на рыбалку в низовьях реки Эндау старый знакомец Тунку Бакар, племянник султана Джохора. Предвкушая будущую добычу, мы согласились с радостью, но всем нашим мечтам пришел конец, едва начались муссонные дожди и уровень рек стал подниматься на глазах. И вот третий день мы сидим в деревне, курим местные злые сигары и слушаем, как Тунку переводит нам бесконечные небылицы.

— Так где, вы говорите, — спросил Курт, — видели эти следы?

— Далеко вверх по реке, — был ответ вождя. — За двенадцатым порогом. Оранг Далам живет на высоком плато Кинчин, а в сухой сезон спускается к реке.

Честно говоря, мы тогда не поверили старику. Мы знали, что племена, живущие здесь, в джунглях, и недалеко ушедшие от каменного века, замешивают свои легенды и рассказы на доброй порции безудержной фантазии. Тем интереснее эти рассказы слушать — время летело незаметно.

Вернувшись в Сингапур, я по уши влез в дела и скорее всего начисто забыл бы о больших следах и гигантах джунглей, не встретив я однажды за ужином одного своего приятеля, местного китайца.

Хэ Фат проявил вежливый интерес к моему рассказу о рыбалке, ухмыльнулся, когда я заговорил о проделках слонов и тигров, но стоило мне упомянуть о «большеного», как выражение его лица изменилось.

— Местные байки?.. — хмыкнул он. — Нет, это гораздо серьезнее.

— Вы хотите сказать, что на самом деле верите в существование каких-то гигантов? — не скрыв иронии, спросил я.

Он не ответил прямо. Он сказал уклончиво: — Во время движения за независимость в Малайе — тогда в джунглях было много народа — в газетах часто появлялись сообщения о странных существах.

«А что, если разговоры старого вождя, — подумалось мне, — и в самом деле не были лишь разгово-

рами?...» В общем, тем же вечером я позвонил Курту, а уже на следующий день мы начали раскопки в архивах сингапурской «Стрейтс таймс». Работа шла медленно. Движение длилось с конца войны по 1953 год. Дойдя до декабря пятьдесят третьего, мы уже готовы были сдать, но тут увидели то, что искали.

Случилось все на рождество. Молодая китайка Вонг И-мэй с плантации в Южном Перке надрезала каучуковое дерево, когда почувствовала на своем плече чью-то руку. Обернувшись, она увидела страшную фигуру — это была женщина, тело ее было покрыто шерстью, видневшаяся кожа казалась светлой, волосы — длинные и черные. Единственный предмет одежды — набедренная повязка из древесной коры. И еще: от нее пахло «как от зверя».

Существо ухмыльнулось, обнажив длинные, жутковатые клыки. И-мэй в панике бросилась к дому, но даже в таком состоянии успела на бегу заметить еще двух подобных той женщине существ, которые, как ей показалось, были мужчинами. Она увидела их в тени деревьев у реки, у обоих были длинные усы, свисавшие до пояса.

Хозяин плантации, шотландец по имени Браун, тут же связался с ближайшим отделением полиции. При осмотре плантации полицейские заметили трех волосатых существ, похожих на тех, которых описала И-мэй. Все три нырнули в воду и, вынырнув у же у другого берега, быстро скрылись в джунглях.

Если бы сообщения о волосатых существах, явившихся из джунглей, было получено только от перепуганной китайки, его можно было бы смело отнести на счет неведомых науке монстров, населяющих воображение женщины. Но о каком воображении может идти речь, если те же самые существа были замечены и полицейскими?

Происшествия на этом не закончились. На следующий день рабочий-индеец с той же плантации попал в объятия двух волосатых рук, когда он, присев на корточки рядом с каучуковым деревом, собрался сделать надрез. В ужасе индеец вырвался из объятий и со всех ног кинулся к дому. До дома он, однако, не добежал: на полдороге, вспомнив происшедшее, индеец потерял сознание, а когда очнулся, увидел над собой все ту же троицу, которую, судя по выражению лиц, происшедшее немало развеселило.

Конечно, мы вправе сказать, что несчастный индус еще до встречи был напуган рассказами И-мэй, так что сама встреча могла ему пригрезиться. Но ведь и в этот раз на плантацию были вызваны полицейские, которые опять-таки заметили волосатую троицу.

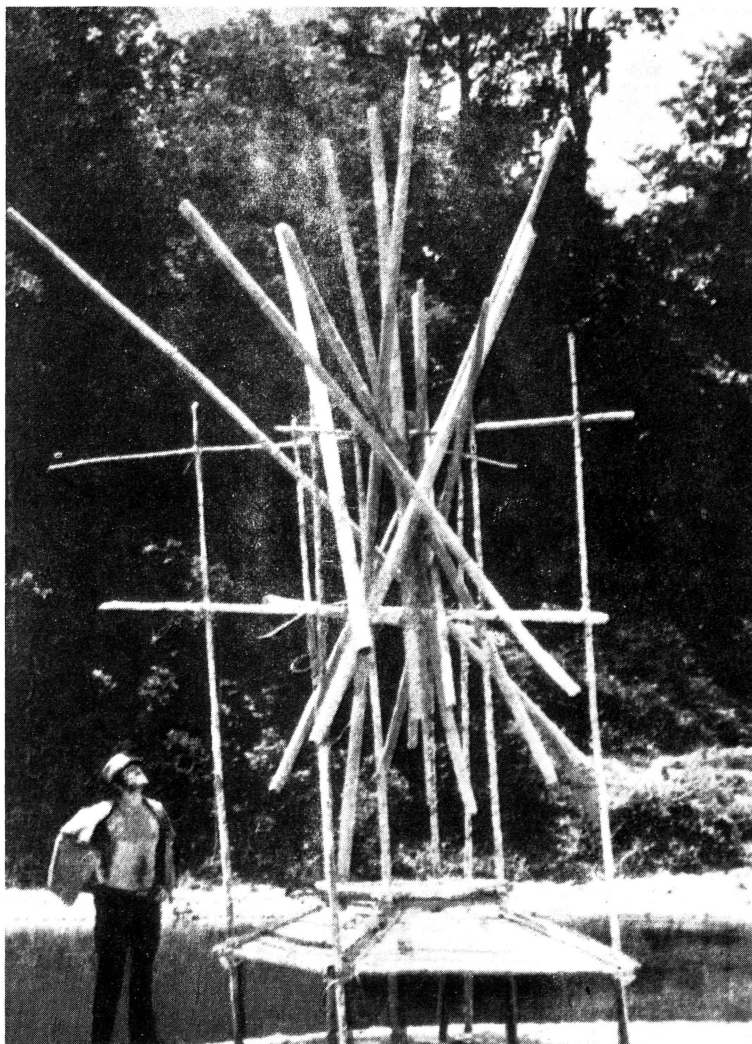
Газеты Малайи, сообщая об этом случае, поместили и комментарии, подписанные среди прочего федеральным департаментом музеев и изучения жизни аборигенов. Авторитеты департамента высказывали мнение, что научное знакомство с таким существом «могло бы стать одним из важнейших антропологических открытий со времен Дарвина».

В газетных сообщениях указывалось также, что это уже не первая встреча с подобными существами в Малайе. Тогда мы с Куртом решили копнуть поглубже и перенесли наши розыски в сингапурскую библиотеку. Мы опять угодили в «яблочко»: два английских антрополога — Скит и Блекден — в своей работе «Языческие народности на территории Малайзии» писали, что аборигены не раз встречались с таинственными существами, которых они называли «Оранг Далам», или «Внутренние люди».

Кадр из фильма Роджера Патерсона, обошедший весь мир. Это «смазанное» изображение таинственного «калifornийского большеного» до сих пор вызывает споры ученых.

На нижнем снимке — тотем, сооруженный на берегу Эндау. В переводе на язык слов тотем означает, что вся территория выше по течению, где, по слухам, обитает малайский «большеного», теперь объявлена табу.

В 1871 году англичанин А. Д. Фредериксон в своих воспоминаниях оставил следующую запись: «Любопытная разновидность волосатого человека, не подпадающая под дарвинское «происхождение видов», была доставлена на берег для дальнейшей отправки в адрес некоего калькуттского общества. Вот как выглядит этот индивидуум». Далее следовал рисунок-набросок прямиостоящей фигуры, нечто среднее между человеком и обезьяной.

Самая поразительная информация, среди попавшихся нам на глаза, поступила из района озера Чини, помечена она была 1959 годом. Однажды ночью горный инженер Артур Поттер, спавший в вытасенной на берег лодке, был разбужен шумом. Открыв глаза, он, к своему немалому изумлению, увидел, как крыша лодки — а она находилась на высоте почти двух с половиной метров — приподнялась. Поттер включил фонарик и прямо над собой увидел неподвижно устремленный на него красный глаз. Размером глаз был не меньше как с теннисный мяч.

Поначалу Поттер подумал, что то была гигантская змея. Однако на следующее утро он обнаружил сорокапятисантиметровые отпечатки ног, тянувшиеся по грязи вдоль берега. Он прошел по ним метров шестьдесят, пока следы не исчезли в джунглях.

В общем, сообщений о существовании в джунглях волосатых созданий было предостаточно; весь вопрос в том, имел ли слышанный нами на реке Эндау рассказ старого вождя прямое отношение к архивным свидетельствам? И второе: действительно ли жители деревни видели большие следы всего лишь за неделю до нашего приезда?

В штабе расквартированных здесь британских войск мы познакомились с детальной картой района Эндау. Обнаружили деревню, в которой побывали, и проследили течение реки вплоть до того места, где она разветвляется на два притока. Мы пересчитали пороги — двенадцать. Выше последнего порога на карте стояла пометка — «неполные данные». Почему же неполные?

— Это просто объяснить, — сказал нам английский офицер. — Виной тому облака. Карты составляют методом аэрофотосъемок, этот же высокогорный район чуть не все время закрыт облаками. Вполне возможно, там что-то вроде плато.

Вождь был прав. Двенадцать порогов. Плато Кинчин.

Мы взглянули на карту еще раз. Дальше на север, за нехоженными джунглями, лежало озеро Чини, где, по нашим сведениям, в последний раз был замечен красноглазый гигант.

Итак, мы с Куртом продвинулись в наших домашних исследованиях ровно настолько, насколько это было можно. Теперь для того, чтобы выяснить, была ли во всех этих сообщениях и рассказах хоть крупица истины, оставался лишь один путь — организовать экспедицию и самим отправиться в джунгли.

Экспедиция оказалась делом не простым. Прежде всего из-за того, что джунгли были по-настоящему «белым пятном». Если мы хотим добраться до цели, нам нужны добровольцы из числа все знающих и все умеющих, нам нужна отличная организация и лучшее снаряжение. Река, несомненно, коварна, пороги не изучены. Можно быть уверенным в том, что в реке встретишь и крокодилов и змей, в джунглях — тоже наверняка — к встрече с нами готовы слоны, пантеры, носороги и тигры. По последним по-

лученным нами сведениям, тигр-людоед добрался до своей двадцать седьмой жертвы.

На подготовку ушел год. Курт в Сингапуре, я в Штатах продолжали сбор информации. Наконец, Курт зажег зеленый свет. Он отыскал одного евразийца, знающего местные языки и дорогу. Нашелся в одной из деревень и старик, однажды побывавший на Кинчине. Дело завертелось. Как только кончились муссоны, я был в Сингапуре.

Евразийца звали Кенни Нельсон. Если есть такой человек, который способен в одиночку выжить в джунглях, то это именно Кенни. К тому же он был знаком с Эндау, а всех жителей по ее берегам знал по именам. Мало того, Кенни жаждал отправиться в путешествие, его всегда влекли к себе тайны верховьев Эндау.

Кенни, возглавив группу аборигенов, ушел вперед. Он должен был ждать нас у порогов, но дела у него сразу пошли не блестяще. Едва прибыв на место, он обнаружил, что жители деревень объявили реку табу. Рядом с первым порогом на песчаном берегу они установили сооруженный из бамбука тотем. Это означало, что над нашей группой, если она вздумает двинуться дальше, нависнет проклятье. Старик, тот, что был знаком с Кинчином, отказался продолжать путь. Слава богу, его молодые помощники — Ачин и Буджонг — остались нам верны. Оба они были искуснейшими лодочниками и отлично знали джунгли. С ними, казалось, нас ничто уже не могло остановить. Но вот беда, у Кенни в запасе была еще одна плохая новость.

Собираясь в экспедицию, мы предполагали, что Тунку Бакар отправится с нами. Ему, племяннику султана Джохора, нетрудно было получить разрешение на пользование оружием во внутренних районах. Оно нам, естественно, было крайне необходимо. Но Бакар неожиданно попал в больницу. Теперь, чтобы получить разрешение, нам предстояло ждать несколько месяцев; причем, каков будет результат нашего запроса, никто не мог сказать заранее. Кенни предложил взять пару ружей взаймы у деревенских жителей, но после табу об этом нечего было и мечтать.

Поворачивать было, однако, поздно. С ружьями или без мы должны выполнить намеченное.

Ниже порогов Эндау широка, грязна и по берегам болотиста. В тех местах, если вы не видите крокодила в воде, то знайте, он следит за вами из камышей. Выше порогов река прозрачна и крокодилов здесь меньше, так что мы могли передвигаться по воде сравнительно спокойно.

Чем дальше углублялись мы в джунгли, тем поразительнее становилась природа. Лес скрывал землю под тройным пологом — самые высокие деревья и самые длинные лианы уходили высь на десятки футов. Невидимые птицы распевали на недосыгаемых для глаз ветвях, а игривые обезьяны скачивались вниз по веткам, как по гигантской лестнице. Джунгли были первобытно чисты и загадочны. Невольно мы старались не нарушить эту тишину и даже не ступать по влажному песку — достаточно следа, чтобы испортить нетронутый мир.

И все же к песчаным отмелям мы подходили каждый раз, как только они встречались: ведь мы пришли за следами, а они могли сохраниться скорее всего здесь. Кончалась отмель, и мы снова лезли в воду — плыть или даже идти, погрузившись по плечи в воду, все было лучше, чем прорываться сквозь таинственно-мрачные джунгли. Едва ты

только вступаешь в сумрак джунглей, как тут же на тебя дождем сыплются какие-то ливявки. Если не сделать привала и не прижечь их хотя бы сигаретой, то будь уверен, у тебя появится вполне убедительный повод вспомнить о чертовых пивяках через несколько дней — проклятые ранки начинают гноиться. Так что река во всех случаях лучше.

А берега были истоптаны как тротуары: олени, кабаны, черепахи, вараны, слоны, тигры, леопарды, носороги — кто только не оставил своего следа! Тигриние следы встречались чаще всего; самые крупные из них были с мужскую ладонь.

...Уже темнело, когда мы наткнулись на широкую песчаную отмель. Прежде чем разбить лагерь, мы с Куртом отправились на разведку. Опять следы: свежие слоновьи и тигриние. Курт шел впереди. Неожиданно он поднял руку, приказывая мне остановиться. Сам он стоял неподвижно, не отрывая взгляд от земли. Там, на слежавшемся, влажном песке, явственно отпечатались следы человека, но не обычные, а огромные — сантиметров сорок в длину и двадцать в ширину. Человек вышел из джунглей и вошел в воду.

Мы позвали остальных. Буджонг, едва взглянув на след, сказал: «Оранг Далам» — и вернулся назад к лодке. Он сказал это спокойно, однако с той самой минуты и Буджонг и Ачин стали настаивать, чтобы мы разбили лагерь на противоположном, более узком берегу. «На этом слишком жарко», — утверждали они. Мы так и сделали, но не раньше, чем Курт сфотографировал следы.

Вечер прошел в напряженной обстановке: похоже, это место реки пользовалось у обитателей джунглей особой любовью — слоны, тигры и вот теперь какие-то непонятные человеческие следы. Что за следы, в самом деле? Ачин отказался об этом говорить. Мало того, когда нам удалось разговаривать с Буджонга, Ачин поспешно ретировался в дальний конец лагеря, уселся там в темноте и закрыл голову руками.

Год назад Буджонг охотился с вождем племени. Тогда-то они и встретились со следами человека-зверя, Оранг Далама. Самого существа ни один из охотников не заметил, зато раньше его видели другие жители деревни — например, отец вождя. Самое удивительное в рассказе Буджонга было, однако, то, что его описание «большенога» совпало с теми описаниями, которые мы с Куртом раскопали в библиотеке.

Рост человека-зверя колебался от метра восьмидесяти до трех метров. Все очевидцы были согласны в том, что существо волосато, хотя и не мохнато. У мужских особей волосами были покрыты голова, грудь, руки и ноги. Глаза — красные или, по крайней мере, налитые кровью. Все соглашались также с тем, что от существа исходил сильный «обезьяний» запах.

Каким образом эти существа столь долго оставались незамеченными человеком? Мне этот вопрос казался решающим и опрокидывающим все свидетельства. Иначе, однако, думали наши друзья: Буджонг сказал, например, что человеку не так-то легко выследить даже слона или носорога, тигры же запросто обманывают человека, с легкостью выходя на след того, кто крадется по их собственным следам. Почему же, спрашивается, существо, которое можно определить как сверхживотное или под человека, превосходящее по умственному развитию среднее животное, — почему оно не способно хитроумно держаться вне поля зрения человека? И еще — насколько вообще изучены джунгли? Человек знаком

с реками и считанными звериными тропами, но что представляет собой остальное огромное пространство? Тут нужен поиск, и более глубокий, чем наш.

На следующее утро мы спрятали весь наш резервный запас пищи вместе с лодкой в джунглях и быстрым маршем тронулись дальше. Мы знали, что в этих местах если кто и был, то давно. Буджонг подтвердил, что последним у развилки реки был он с отцом. Во всяком случае, здесь начиналась территория, где ни разу не ступала нога белого человека. Карты теперь стали вовсе бесполезны.

Наконец, еще один поворот — и перед нами развилка. Два потока, уходящие вправо и влево, образуют здесь Эндау. У этой развилки мы разбили свой лагерь. На следующий день выбрали правый рукав. Идти стало еще труднее. Там, где река пропилила в камнях глубокое русло, нам приходилось плыть, на быстринах же — вылезать из воды и продираться сквозь прибрежные джунгли. И все же за день мы одолели еще десять порогов. Джунгли в этих местах подходили близко к реке, так что песчаные отмели становились все уже, а следов, соответственно, все меньше. Мы решили остановиться — запасы на исходе, а ведь для нас главное — добраться до Кинчина. Самое мудрое — вернуться на базу.

Путь вверх по притоку, занявший у нас три дня, при возвращении сократился до одного. Теперь, пополнив запасы продовольствия, мы расстались с рекой и устремились вверх, к Кинчину. Однако приключению в джунглях не суждено было стать долгим.

К полудню мы выдохлись окончательно. Никакой горы или возвышенности мы сквозь деревья не могли рассмотреть, хотя Буджонг и утверждал, что теперь-то Кинчин рядом. Мы остановились на отдых и, разместившись кто как мог, принялись отдира́ть пивяков.

Вот тут-то где-то на верхушках деревьев и раздались взволнованные крики гиббонов. Мы прислушались: на какое-то мгновение установилась тишина, и вдаль послышался неясный рев. Гиббоны совсем смолкли. И вот рев — более сильный и более близкий — вновь донесся из глубины джунглей. «Хари мау, — прошептал Буджонг, — тигр».

Когда рев раздался в третий раз, я вспомнил, что слышал нечто подобное в обеденный час в зоопарке. Буджонг и Ачин стали бледными как полотно. Наконец, Буджонг обернулся к нам и показал глазами на реку. Слов не понадобилось: мы тут же кинулись за ним. Мчались во весь дух, соревнуясь со стаей гиббонов, летевших к реке по веткам деревьев, и не остановились, пока не очутились по пояс в воде.

Мы не решились продолжить поход на плато безоружными, тем более что никакие на свете доказательства не могли переубедить Буджонга и Ачина в том, что этот тигр — не людоед.

Но ведь мы получили в конце концов то, что хотели: своими глазами увидели следы малайского человека-зверя. Наши поиски не закончились на реке Эндау, они там только начались. Есть и другие реки, есть и другие джунгли... Быть может, через несколько лет разговоры о гигантском загадочном существе в Малайзии уже не покажутся никому странными. Кто знает? Ведь говорили же целых триста лет о гигантском человеке-обезьяне, обитающем в самом сердце Африки! Сто лет назад была открыта горилла — и миф приказал долго жить...

ГАРОЛЬД СТЕФЕНС

АТЛАНТИДА: НЕ СТАНЕТ ЛИ ЛЕГЕНДА БЫЛЬЮ?

В редакцию пришел свежий номер американского журнала «Аргоси». Журнал этот имеет одну особенность: в каждом выпуске он публикует сенсацию. Этот номер не исключение — сенсация есть, да еще какая: «Атлантида открыта!» Право, такую новость грешно было бы утаивать от читателя...

У журнала «Аргоси» есть и вторая особенность: довольно часто громкие сенсации оказываются обыкновенным барабанным боем — оглушительным,

но неубедительным. Тут все зависит от того, умеете ли вы читать подобного рода статьи...

Статья, написанная редактором «Аргоси» по подводной археологии, — научно-популярная. Вполне естественно, в ней отсутствуют сугубо научные данные — данные, подтверждающие те или иные сообщаемые факты. Нам потому остается условиться принимать на веру любой фант, если он не противоречит сегодняшнему уровню исторической науки. Попробуем, однако, проанализировать, насколько безупречна логика доказательств.

За последние несколько лет древнейшие памятники «утерянной цивилизации» стали подниматься со дна Карибского моря, как грибы после теплового летнего дождя. На дне было найдено более дюжины каменных домов, один из которых похож на огромную пирамиду; гигантская каменная дамба — громадная каменная стена длиной в несколько тысяч футов; сотни круглых, напоминающих колеса, камней диаметром от 60 сантиметров до 1,5 метра и с отверстием в центре; множество обломков обработанного мрамора; отдельные части мраморных скульптур и древние керамические изображения человеческих лиц. Все это — близ островов Бимини и Андрос. В общем-то эти находки убедительно свидетельствуют о существовании «доисторического» континента, затонувшего в Атлантике около 12 тысяч лет назад. К сожалению, они большей частью уже засыпаны передвигающимися песками морского дна.

Прежде чем приступить к детальному рассказу о последних находках, вероятно, следует познакомиться с предшествующими

открытиями. Это тем более важно, что речь идет о возможности существования Атлантиды...

Летом 1956 года отец и сын, занимавшиеся подводной охотой в Карибском море около острова Бимини, сообщили о том, что на глубине 18 метров они нашли ряд торчащих из песка больших декоративных мраморных колонн. К сожалению, последующие попытки обнаружить эти колонны оказались бесплодными: их скрыл слой передвигающегося морского песка.

В августе 1964 года два французских морских офицера, капитан Жорж Ут и лейтенант Жерар де Фробервиль, рассказали, что у северного берега Пуэрто-Рико при погружении на исследовательской подводной лодке «Архимед» на глубину восьми километров они обнаружили вырубленную в большой скале на покато морском дне лестницу, судя по всему, сделанную человеком.

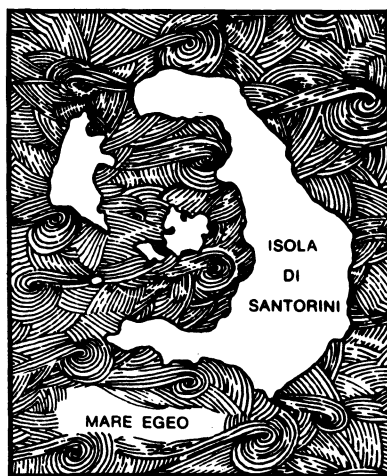
Атлантида, как известно, является гипотетическим континентом в Атлантическом океане, существовавшим во времена зарождения цивилизации на Земле. Но ведь и существование Трои,

как и легенды о короле Артуре и его рыцарях круглого стола тоже, в конце концов, относились к предполагаемым — до тех пор, пока археологические изыскания не доказали обратного.

Отложения на дне Карибского моря, считают многие американские исследователи, в своем роде уникальны и не случайно вызывают огромный интерес ученых в течение многих лет. Они не типичны для всего бассейна океана, а представляются как бы переходными между океаническими и континентальными отложениями, так что вполне можно предположить, что эти отложения — часть опустившегося в море материка.

Около 12 тысяч лет назад — а именно это время Платон указывает как время исчезновения Атлантиды — уровень океана, говорит современная наука, был на 150 метров ниже. Вполне возможно, его повышение было вызвано таянием последних ледников на Европейском континенте.

У ученых имеются весьма веские доказательства и того, что именно в этот период произошли и другие значительные изменения. Так, под городом Мехико археологи обнаружили следы культу-

ры, развитие которой внезапно прерывается именно 12 тысяч лет назад. На берегах озера Титикака, на высоте почти 4 тысячи метров, находятся необъяснимым образом попавшие туда руины Тиуанако — большого города, построенного из каменных блоков, некоторые из которых достигают веса в 200 тонн. Этот город был неожиданно и полностью оставлен жителями 12 тысяч лет назад.

Прежде чем перейти к находкам, которые могут пролить свет на существование Атлантиды, я бы хотел сказать еще об одном обстоятельстве. Гольфстрим проходит вблизи района островов Бимини и Андрос, и скорость его при этом около трех узлов в час. Так что песок на морском дне постоянно перемещался: он то покрывает, то обнажает возможные подводные сооружения. Если песок морского дна будет вымыт, тогда глазу откроется то, что вот уже тысячи лет было сокрыто...

Итак, автор начинает с фактов (которые мы не подвергаем сомнению), и, надо сказать, фактов убедительных — в сравнительно небольшом регионе обнаружены, если верить описаниям, следы древней архитектуры. Поначалу, правда, нам не сообщается главное — время сооружения этих построек. Вместо четкой датировки — хотя бы предположительной, основанной на сравнении с уже открытыми древнейшими постройками Нового Света, — автор дает «намекающее» отступление об Атлантиде. Мысль тут предельно проста: автор, не связывая себя излишней щепетильностью по отношению к логике, механически соединяет воедино пока что совершенно несоединимые вещи: находки у островов Бимини и Андрос с легендарной Атлантидой.

Нехитрой подстановкой он Атлантиду из страны мифической делает континентом гипотетическим, то есть легендарное упоминание становится пусть спорным, но уже научным фактом! Метод такой операции довольно прост и не раз испробован в подобном роде «сенсационных» статьях. Условно его можно назвать методом «а почему бы нет?». В самом деле, читатель прекрасно знает, что когда-то Троя действительно считалась лишь гомеровским вымыслом — а оказалась реальностью; да и король Артур прямо из средневековых баллад шагнул в историческую науку (оставим в стороне то, что реальное существование короля Артура пока еще весьма и весьма проблематично). Так почему бы, спрашивается, и Атлантиде не стать Троей XX века? (Пользуясь подобным методом, на-

ходки у Багамских островов можно с таким же успехом связать и с космическими пришельцами. Попробуйте подставить вместо Атлантиды марсиан — потребуется лишь слегка изменить первую фразу...)

Только теперь, когда багамские находки оказались связаны с Атлантидой (превращенной из легендарной в историческую), автор переходит к датировке подводных построек. Датировка идет по вышеназванному принципу «а почему бы нет?». Автору надо, чтобы его «Трое» было никак не меньше 12 тысяч лет. Так как сразу говорить, что подводным сооружениям 12 тысяч лет, слишком легкомысленно — все-таки они еще под водой, — надо доказать, что в принципе такой давности постройки существовать здесь могут. И автор как бесспорный факт приводит примеры: развалины города на берегу высокогорного озера Титикака и остатки древнего города близ Мехико (по видимому, автор имеет в виду Теотиуакан).

Но...

Во-первых, эти города принадлежат к совершенно разным цивилизациям. Во-вторых, они возникли и были разрушены в... I тысячелетии нашей эры. Спустя почти одиннадцать тысячелетий после того времени, которое так необходимо автору статьи!

Неужели автор позволил себе открытый и явный подлог? Не совсем. Наряду с сотней исследований, посвященных, например, Теотиуакану, есть один-единственный «труд», который относит руины города к X тысячелетию до нашей эры (и, к слову, приписывает честь создания этого города, как вы сами понимаете, космическим пришельцам). Увы, эту «датировку» ни один исследователь не признает достойной даже возражения. Вполне возможно, аналогичная «работа» существует и по истории города на берегу Титикака.

Итак, существование Атлантиды у Багамских островов методом «а почему бы нет?» доказано. Атлантида существовала 12 тысяч лет назад? А почему бы нет, раз существовала Троя. Найдки у островов Бимини и Андрос относятся к тому же времени? А почему бы нет, раз есть реально существующие на континенте руины, которые погибли внезапно именно 12 тысяч лет назад.

На этом статью автор мог бы и закончить. Но у почти научно-популярного жанра есть свои законы, которые требуют продолжения разговора...

Перейдем теперь к последним находкам. В 1967 году знаменитый подводный исследователь Дмитрий Рибикоф, пролетая все над теми же островами Бимини и Андрос, заметил под водой на глубине пяти-шести метров прямоугольное сооружение длиной около четверти мили. Рибикоф — а за его плечами более чем 20-летний археологический опыт — утверждал, что это сооружение не может быть ничем иным, как творением человеческого рук.

Летом 1968 года пилот Роберт Браш, совершавший полет между Майами и Нассау, сообщил ученым о том, что им замечено какое-то затонувшее сооружение на мелководье у северной оконечности острова Андрос, недалеко от того места, где Рибикоф год назад заметил большой прямоугольный объект. Рибикоф, получив новую информацию, снова вернулся на острова. Согласно его исследованиям, размеры сооружения оказались таковы: 18 метров на 300 со стенами в 90 сантиметров толщины. Рибикоф и археолог Мейсон выдвинули также утверждение, что это сооружение, безусловно, дело человеческих рук. Они также добавили, что известняковые блоки, из которых выложены стены, уложены с таким мастерством и точностью, которых вряд ли могли достигнуть как последние коренные жители этого района, так и индейцы племени лукайян, обитавшие здесь во время плаваний Колумба. Тем более что индейцы этого племени при строительных работах никогда не пользовались камнем.

Примерно в миле от этого сооружения Мейсон и Рибикоф обнаружили еще две затонувшие постройки, одна из которых размером 27 на 15 метров, другая 22,5 на 30 метров. Всего они, как, впрочем, и другие исследователи (в том числе и я), обнаружили свыше 12 различных подводных сооружений в одном и том же районе; сооружения эти, по моему мнению, могли служить жилищем для людей.

2 сентября 1968 года во время поисковых работ около острова Бимини Мейсон и коллеги побывали на его северном берегу. Их отвезли туда рыбаки, которые рассказали ученым о ранее замеченных на глубине пяти с лишним метров множестве странных квадратных камней. Внимательные ученые привлекли две длинные параллельные стены из прямоугольных и многогранных плоских камней различной длины и толщины, судя по всему, обработанных и аккуратно выложенных человеком. Нетрудно было определить, что камни находились под водой многие века — их поверхность, сглаженная под действием воды, ныне напоминала нечто похожее на большие булки хлеба. Эти стены возвышались над песчаным морским дном почти на метр, а расположены они были параллельно линии берега — стены протянулись почти на 540 метров. На этот раз, преж-

Две карты, расширяющие географию Атлантиды: одни исследователи помещают ее на остров Санторин, что в Эгейском море, другие — в пучину Атлантики...

де чем через несколько месяцев они были вновь занесены песком, Мейсону и Рибикофу удалось сфотографировать их.

В конце февраля 1968 года местный рыбац доставил членов Морского археологического исследовательского общества в другой район, расположенный между берегом и прежде найденными стенами, теперь засыпанными морским песком. На глубине четырех с половиной метров экспедиция удалось обнаружить опять же нечто похожее на стену длиной около ста метров и шириной в девять метров. Эта стена, как и та, о которой мы говорили, была выложена блоками. Один из таких блоков был извлечен и подвергнут тщательному анализу с помощью химической обработки. Исследования показали, что строительный материал изготовлен в период от 6 до 12 тысяч лет назад!

Как только я услышал об этих последних находках, я тут же предположил, чтобы редакция журнала «Аргоси» в августе 1969 года организовала свою собственную экспедицию на остров Бимини. Вместе со мной в этой экспедиции приняли участие Рибикоф и Анди Пруно, великолепный рисовальщик и фотограф. По прибытии, однако, на место мы узнали, что за три недели до нашего приезда двое каких-то ныряльщиков нашли и, как рассказывали, подняли на поверхность две огромные статуи и часть мраморной колонны, которые затем увезли на яхте в США.

После этого случая власти Бимини издали приказ, запрещающий кому-либо заниматься какими бы то ни было раскопками.

Надо добавить, что тогда же мы узнали еще о двух интересных находках. Пилот «Пан-Америкен» сообщил нам, что он заметил большую стену недалеко от Бимини на глубине 18 метров. Эта стена, по его словам, имела посередине арку.

Правда, археологи из «Норт америкен корпорейшн», получившей исключительное право на исследование Бимини и прибрежных вод, утверждают, что эти стены никоим образом не могут быть делом человеческих рук, а колонны попали на морское дно в результате кораблекрушения.

Вернемся теперь к законам жанра, о которых мы упоминали. Законы эти несложны.

Во-первых, сенсацию надо поддерживать. Иными словами — расширять, углублять и придавать ей мно-

гогранность. Во-вторых, когда все «доказано», необходимо немножко посомневаться, так чтобы заиграла всеми красками беспристрастность.

И вот сенсация обрастает новыми деталями, вплоть до детективно-кладоскательских. Новые стены, новые колонны, загадочные прямоугольные объекты... О датировке уже можно не беспокоиться. Все, о чем говорится, как-то само собой, естественно отодвигается в X тысячелетие до нашей эры. Тактично и ненавязчиво. Правда, археологи утверждают, что колонны попали на дно случайно, в результате кораблекрушения, а стены «никоим образом не могут быть делом человеческих рук»; но разве теперь не ясно, что все это консерватизм педантов эт науки, которые к тому же никого из инакомыслящих не допускают к исследованиям?

Читатель помнит, верно, о нашем уговоре — не подвергать сомнению конкретные факты, сообщаемые автором статьи. Точно так же на веру мы принимаем и его информацию о собственных открытиях. Тем более что автор уже не утверждает, что возраст их равен 12 тысячам лет. Он лишь утверждает, что его эксперты относят их к доколумбову времени, к средиземноморской цивилизации.

Но тут вот что любопытно. Для сенсации одной Атлантиды оказалось мало. Как вы убедитесь, тут очень кстати оказались и таинственные связи Америки и Старого Света в античную эпоху, и обнаружение таинственной подводной дороги — весь набор тайн, вот уже несколько столетий сопутствующий археологии Америки.

И все же мне удалось погрузиться в заветные воды.

Нам повезло: сама природа помогла нашим раскопкам — дно было абсолютно чисто от песка. Стена оказалась... не стеной. Массивные каменные блоки толщиной 90—120 сантиметров лежали на твердом дне, и если уж были похожи на что-либо, то скорее всего напоминали дорогу или мостовую, каких я много видел, к примеру, на Юкатане.

Пожалуй, наиболее важным итогом работы экспедиции мне представляется такой факт: ни один из каменных блоков не был прикреплен к морскому дну, что, несомненно, доказывает — сооружение явно искусственного происхождения.

Несколько недель назад я совершил краткую поездку в район острова Андрос. Производя исследование рядом с одной из построек, я выкопал руками яму глубиной метра в два, однако так и не добрался до основания стены. Мне удалось откопать глиняное изображение человеческого лица, обработанный кусок мрамора и свыше дюжины керамических черепков, ни один из которых, похоже, не имеет аналога в Новом Свете. Многие эксперты, ознакомившиеся с фотографиями этих находок, полагают, что они средиземноморского происхожде-

ния и, безусловно, относятся к доколумбовой эпохе.

Тайны все еще окружают находки, сделанные вокруг островов Бимини и Андрос. Но совершенно ясно одно: если все эти находки и не связаны с Атлантидой, то они свидетельствуют о существовании другой древнейшей цивилизации Старого Света и, будучи опознанными, безусловно, помогут узнать, кто же первым открыл Новый Свет.

РОБЕРТ МАРКС

Итак, Атлантиды как не было, так и нет. Что же есть? Можно ли выделить хоть какое-нибудь рациональное зерно из только что прочитанной статьи? Безусловно, и даже не одно.

Первое. Когда вы читаете статью, где слово «Атлантида» употреблено не в переносном смысле, не в смысле, что найден древний город, опустившийся под воду, а в прямом, — будьте осторожны. Когда вам называют сногшибательные даты, проверьте по доступным источникам, возможно ли такое в принципе. В нашем примере это невозможно, ибо 12 тысяч лет назад по всей территории Нового Света жили лишь охотники и собиратели диких злаков и растений, не знавшие даже, что такое земледелие. Охотники же городов с колоннами не строили. Конечно, все можно свалить на марсиан, но это уже из другой оперы...

Второе. Научный поиск и даже поиск любительский трудно переоценить. Всякое новое слово — даже самое тихое — истинной наукой приветствуется. Беда только, если исследователь, еще не выйдя на «рабочее место», надевает на глаза шоры, если он заранее говорит: именно здесь и именно в эту пятнадцатую я открою именно Атлантиду.

Вся сумма научной информации, преподнесенная автором, в том случае, если она соответствует истине, чрезвычайно интересна сама по себе, без привязки к Атлантиде. Ее можно сформулировать следующим образом: «У островов Бимини и Андрос целый ряд случайных наблюдателей и некоторые археологи неоднократно замечали под водой какие-то странные образования. Некоторые исследователи считают, что они явно искусственного происхождения, другие оспаривают это. Исследования продолжаются».

К этому можно добавить, что в любом случае — дело ли это рук человека или это природные образования — исследования представляют интерес для истории или геологии.

ХЛЕБНИКОВ И ДРУГИЕ

Массивные ворота — такими некогда заперлись зёмки — с грохотом раскрылись перед нами. Мы вошли в туннель. Те же ворота, прогрохотав, отрезали нас от солнечного света. В лицо дул тугой прохладный ветер. Но вот раздался грохот — на этот раз внутренней двери, и поток воздуха словно срезало ножом.

Я вслушался в тишину, и мне показалось, что я слышу далекую капель. И вдруг темнота исчезла. Вспыхнули разноцветные прожекторы, и в их лучах разгорелись свисающие с потолка ледяные гроздьи. Мы в самом центре Бриллиантового грота.

Стоя у рубильника, Дорофеев, мой проводник, смотрит, какое впечатление произвел на меня этот маленький спектакль. Но я настолько потрясен, что ощущаю себя где-то в детстве, и, протянув руку к одной из друз, срываю и машинально кладу в рот ледяную гроздь. И только тут понимаю, какой непозволительный поступок совершаю, — ведь центр грота специально огражден от туристов.

— Ничего, ничего, — успокаивает меня Евгений Павлович, — здесь холодно — друзья нарастут. А вот в следующем гроте, Полярном, мы даже просим туристов не останавливаться. Ледяной колонне там сто двадцать лет. И кристаллы свешиваются тонкие, как листья. Они боятся даже дыхания человека.

Мороз дает себя знать — комбинезон стал совсем деревянным. Проход сужается, мы зажигаем свечи. Я вдруг представил, как мы выйдем со стороны — представители тайной секты, идущие на тайное же сборище. От моего огарка по стенам ходят длинные тени. И вдруг — что это? Там, где только что был проводник, показывается кошмарное животное. Я замер, а оно, присев, готовится к прыжку. Бред какой-то!..

Но тут загорается свет... Так вот он каков — грот Данте, застывшая картина ада! Каменное чудовище. Ледяные каскады. Немые огненные потоки. Кажется, все это замерло, чтобы через мгновение зловеще зашевелиться и рухнуть.

Дорофеев вспоминает, как однажды, еще до революции, сюда пришел известный театральный антрепренер. Пораженный мрачной красотой грота, он закричал:

— Нет, эту пещеру так остав-

лять нельзя!.. Чудовище нужно эксплуатировать! Я организую здесь мистерии. Мы заработаем миллионы!

Но он не «организовал» мистерий. Хранитель Кунгурской пещеры Тимофей Алексеевич Хлебников не дал этого сделать.

Что же это такое, кунгурское диво, — храм, музей, место обитания наших предков? Увы, ни то, ни другое, ни третье. Мы стояли в Крестовом гроте. Какой-то фанатик нарисовал здесь на стене крест и молился перед ним. Но тьма и холод выжили даже его. Не жил здесь и древний человек — его останки так и не удалось найти. Легенда утверждает, правда, что именно в Кунгурской пещере зимовал со своим войском Ермак. Но доказательств этому нет. Конечно, пещера — надежное укрытие. Но холод и мрак сделали ее необитаемой.

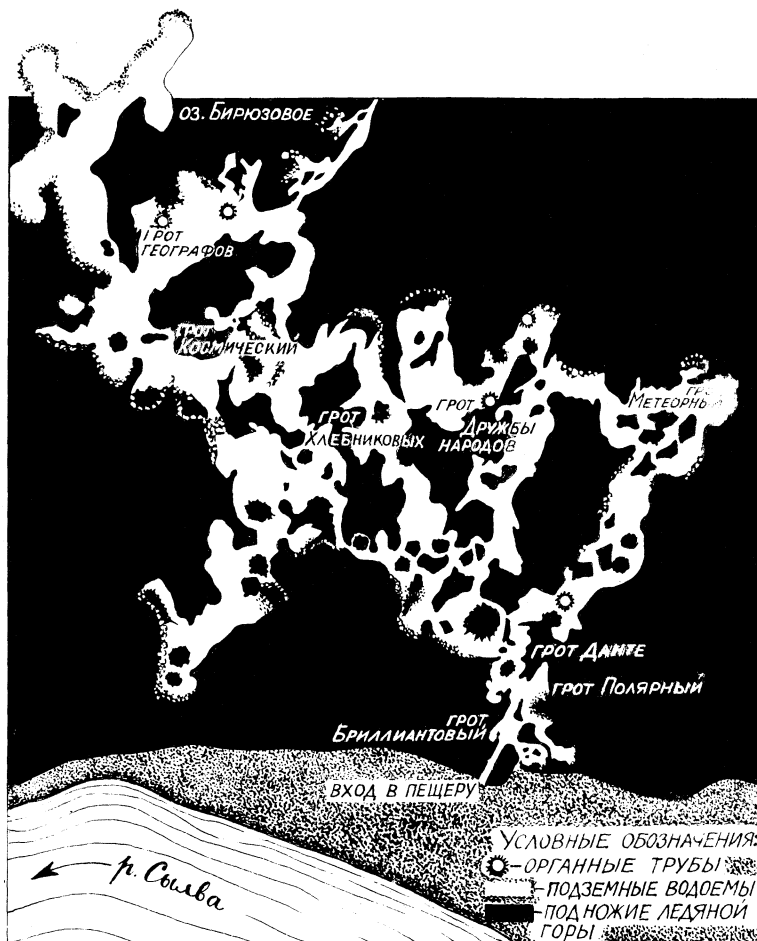
Не назовешь пещеру и музеем. Видимо, у дива вообще не может быть названия.

Так рассуждая, мы почти незаметно перешли из зимы в лето.

Стучит капель. Над нами темный, ночной купол Метеора, далекий огонек — словно след падающей звезды. Дальше, в Эфирном, частые капли напоминают дождь. И вдруг свод над нами поднимается куда-то ввысь, словно мы оказались под открытым небом. Но, странное дело, такое же сероватое небо и под ногами. Только ощутив холод сквозь резиновые сапоги, понимаешь, что ступил в почти невидимые воды подземного озера. Даже мощный прожектор не в силах высветить всю громаду Титанического грота.

Это здесь, в этом гроте, академик Наливкин поклонился хранителю, а по сути, и первооткрывателю уральской пещеры Тимофею Алексеевичу Хлебникову. С этим человеком связана вся новейшая история подземного города, его судьба и превращение в место паломничества.

«Близ города Кунгура у реки Сылвы есть пещера великая под землею в известном камне... Внут-

ри она суть такие места простран-ные, якобы великие палаты... а дру-гие узкие и едва проходимые». Не знаю, видел ли это описание кунгурского дива, сделанное извест-ным ученым В. Н. Татищевым, Тимофей Хлебников. Мог и прочит-ать. Дед его, путешественник Ки-рилл Хлебников, собрал уникаль-ную библиотеку, которая стала ос-новной нынешнего городского музея. Но действительно достоверно то, что Тимофей еще мальчишкой бежал за реку смотреть, как дышит гора, выпуская морозные клубы па-ра, — совсем как человек. А од-нажды обнаружил надпись на сте-не: «Мария Меншикова».

Дед рассказал, что Мария, дочь попавшего в опалу Меншикова, она же невеста Петра II, видимо, по-бывала здесь по пути в ссылку. Возможно, придя сюда, она пыта-лась представить себе глушь тех краев, куда ее ссылали...

Ходили тогда и легенды о стран-ном звере (не мамонт ли?), кото-рый будто бы прокопал и саму пещеру. И опять дед мог вспо-минать Татищева. Тот, побывав в Кунгуре, исследовал пещеру и до-казал: мамонт здесь ни при чем. Пещеру создали не великаны, а пигмеи — капли воды. Татищев писал: «После я разыскал о тех рвах, которые, как говорят, делает животное, шагая под землей, и ви-дел их в различных местах... Бес-спорно, это подземные ходы и про-ходы, выдолбленные под землей падением подземных вод».

Наверняка беседы деда с внуком касались не только родных краев. Кирилл Хлебников, член Русско-Американской компании, начав го-ворить о Кунгурской пещере, ко-нечно же, вспоминал и о гигант-ской Мамонтовой, и об огромных карстовых полостях на Балканах. Во всяком случае, молодого Хле-бникова потянуло за океан. Он тоже поступает в Русско-Американскую компанию. Начались годы скита-ний.

Только в 1914 году Хлебников вернулся в Кунгур и заарендовал пещеру у местных крестьян на две-надцать лет. Однако собственных средств на приведение ее в поряд-ок не хватало. Начал в пещере гипсовый промысел. Но был он че-ловек непрактичный и вскоре вы-летел в трубу. Обратился за по-мощью к купцам. Прикинув все, «отцы города» превратили ледяные дворцы в склады для мяса. Еле Хлебников отбил у них пещеру.

Началась мировая война, за ней — революция. Кунгур пере-ходит из рук в руки. И каждая власть нет-нет да заглянет на Ле-дяную гору: то ли взглянуть на диво, то ли посмотреть на «пе-щерного человека» Хлебникова.

И все же пещера посещалась обидно мало, а Тимофей Хлеб-ников просто не мог ждать наступ-ления для нее лучших времен. Он вместе с местными жителями начи-нает оборудовать входы, благоу-страивать подземные залы. Издавал альбомы с видами пещеры, рисо-вал и расклеивал плакаты.

Я читал его выступление на съезде геологов. Ни один редак-тор так до конца и не сумел при-чесать его такой «ненаучный» язык. Кажется, он ждал, что геоло-ги, отбросив все дела, прямо со съезда пойдут оборудовать Кунгур-скую пещеру. И, я представлял, как с улыбкой слушали его ученые, а потом кланялись ему в переры-вах. Он был энтузиастом и заслу-живал уважения. Но уважать еще не означает соглашаться. «Пещер-ного человека» считали всего лишь чудачком. Он так горячо пропаган-дировал пещеру, что этот пере-хлест и отталкивал. А ведь пещера была не только дивом — она бы-ла ходом в недра, лабораторией для познания тайн Уральских гор. Первым это понял выпускник МГУ Вячеслав Лукин, нынешний хранитель пещеры.

— Итак, о чем же вам расска-зать? — Лукин внимательно смот-рит, чуть улыбаясь. — Ну да ра-зумеется, всех интересует, большая ли пещера? Очень большая. Вот, рассказывают, попала туда раз со-бака. А вышла в тридцати кило-метрах отсюда. Голая — шкура блестит, как лайковая перчатка: ви-димо, шерсть всю оставила в уз-ких лазах. Да, скажу вам, очень странная собака: потом ее встре-чали в Каповой пещере, в Мамон-товой тоже.

Что же, — продолжал Лу-кин, — легенда есть легенда: кто хочет, тот в нее верит. А по-моему, люди в пещере никогда подолгу не оставались. Служила она скла-дами. Забывали наши предки ло-сей зимой, тащили их по насту и хоронили в пещере до лета. На Севере и до сих пор так поступа-ют. Я изучал там пещеры; только мне их неохотно показывали, даже скрывали их: как же — семейные хранилища.

Вот иногда рассуждают: может ли от красоты быть польза? Или полезная вещь — должна ли она быть красивой? Я такого противо-поставления не приемлю. Ведь если с такой меркой подойти к Кунгурской пещере, то людей туда просто пускать не стоит. А краси-во ли то, что никто не видит? Нет, в этом пусть разбираются филосо-фы. А я сразу понял: такой ход в недра просто необходим.

Думаете, преувеличиваю? У нас

здесь весь район на «минах», то есть на пустогах, стоит. Слово-то какое взрывное — «мины». Шел поезд раз по дороге в Кишерть, вдруг машинист видит — впереди рельсов нет, и поезд его вроде уже не идет — плывет. Дал задний ход. Рассказал все на станции, ему сперва не поверили. Оказалось — провал, дорога ушла под землю.

А то еще случай был. Недалеко здесь, в городе Чусовом. Сидели там в камере милиции несколько дебоширов и выпивох. Вдруг они все как застучат в стену и начи-нают уверять дежурного, что было им ночью видение, слышали под-земный гул. Провалится, мол, скоро здесь пол, а им же зачем за столь малую провинность пропа-дать? Начальник — местный, знал о провалах. Отпустил их. А наутро смотрит: где камера была — яма, все ушло под землю.

Вы только не подумайте, что я вам байки рассказываю — все это имеет прямое отношение к пещере. В городе без нашей рекомендации ничего не строят — ведь под го-родом сплошной карст. Но, разу-меется, нашими советами пользуют-ся и весь Урал. Когда проектиро-вали плотину на Каме, мы здесь, в научном стационаре при пещере, специальные исследования вели. В мировой практике бывало, что плотина оказывалась на карсте или водохранилище теряло воду: ухо-дила та по подземным ходам...

Мне было интересно, как отно-сится к своему предшественнику — Хлебникову — Лукин. Я спросил и снова увидел и почтение, и чуть снисходительную улыбку.

— Хороший был старик, — ска-зал Вячеслав Семенович. — Боль-шое дело сделал. Но — романтик... Чудак? Пожалуй. Он ведь в мест-ном хоре пел, ночевал порой там же, в клубе... А в общем — свя-той был человек.

В том, что после войны он вер-нется в Кунгур, Вячеслав Семено-вич не сомневался. Если, конечно, ему посчастливится и он останется жив...

Но с фронта его отозвали совер-шенно неожиданно. Очень нужна была нефть, а она имеет «склон-ность» залегать в подземных кар-стовых полостях. Лукина отправи-ли на Дальний Восток. Вернулся в Кунгур он только после войны.

С тяжелым сердцем обходил Лу-кин свои владения. В холодную зи-му 41-го года на Ледяной горе вы-рубали лес. Затем ее распашали, на склонах пасли скот. Забиты зем-лей «органические трубы»¹, взорваны скалы, закрыт вход, через который

¹ Вертикальные цилиндрические по-лости природного образования, по которым циркулирует воздух.

внутри пещеры устремлялся холодный воздух, — нарушен весь режим ее жизни. Но самое плохое: подземные дворцы утратили свой ледяной наряд. Стационар фактически не существовал, не оплачены счета, нечем платить зарплату. Впервые Лукина охватило отчаяние.

Глухой ночью он дошел до станции и прыгнул в проходящий литерный поезд. Пробрался в вагон, где ехал шеф Уральского филиала Академии наук СССР академик И. П. Бардин.

— Иван Петрович, выручайте — гибнет Кунгурская пещера...

Здесь же, в вагоне, Бардин написал счета, выдал средства — взял стационар к себе, в систему Академии наук.

А через день Лукин объявил рабочим, что отныне они сотрудники академии. Исправили «органические трубы» — и вся пещера зазвучала в своем привычном, природном режиме. А через несколько лет возродился ее ледяной наряд.

Перед отъездом я еще раз спустился в пещеру. Остановился в самом тихом гроте — там работает сейсмическая станция «Кунгур»: приборы регистрируют притяжение Луны, слушают гул далеких землетрясений... Молча постоял в гроте Данте. Пещера настраивала на торжественный лад.

Конечно, неизвестно, где и когда обернутся золотом или нефтью исследования карстовых впадин. Быть может, изучение режима подземных вод в Кунгуре позволит напоить из скважин Магнитогорск, который испытывает недостаток в воде, или предсказать землетрясение на Камчатке, или построить туннель глинбудь на Кавказе...

Исследования Лукина и сейчас оборачиваются пользой. Так, он доказал, что холод в пещере не сохранился с ледниковой эпохи, а вещь наживная: его накапливают сами горные породы, аккумулируя приносимый ветром мороз. А отсюда следует, что режимом пещеры можно управлять: пробить новые «органические трубы», усилить циркуляцию воздуха и заморозить новые гроты. А значит, можно будет увеличить и поток туристов. Однако и здесь имеется предел, который тоже подсчитал Лукин.

Вячеслав Семенович показал мне чертежи: искусственный подземный холодильник, где мороз, как в пещере, аккумулируется горными породами.

— Сама пещера станет больше, — сказал он. — Мы уже исследуем ходы за озером. А дальние гроты врачи предлагают отвести под лечебницу: уже доказано, что воздух пещеры целебен...

Фото В. ПАВЛЕНКО

ской возвышенности, что на водоразделе Ладоги и Онеги. Здесь единственное в мире месторождение малиновых кварцитов; гудящее под колесами шоссе алеет, как разостланное на десятки километров полотнище кумача. На обочинах в сырой тьме елей, в зеленом костре орешников польхают скалы, алеют валуны, угольками тлеют малые камни. Этот материал так и просится в руки мастера. Недаром вепсы давно славятся как шлифовщики камня; были среди них и резчики — «словорубы».

Вепсская деревня — это гул тесового настила под ногами, высокие дома с челом в седине древней резьбы, это морозный блеск железной поковки на дверях — колец с гранеными стукальцами, жиковин, накладных замков.

Вепсы невысоки ростом, светловолосы и голубоглазы; старики ласковы и любопытны, как дети, а застенчивые ребятишки ловят каждое слово, когда дед или бабушка говорят о таинственном, как сказка, легендарном прошлом.

Вепсский язык сродни карельскому — особенно южным его говорам. Предания, былички рассказаны мне по-русски так, как говорят в русских деревнях Прионежья. Особенности этого говора сохранены и в рассказах, написанных по мотивам вепсского фольклора.

ВЕПСКИЕ ОРНАМЕНТЫ

ВИКТОР ПУЛЬКИН

Рисунки автора

Так ведь мы самая чужь и есть! — Белоголовый дедушка повернул кран самовара. Пенясь, шибко побежал кипяток.

...За неизменным северным чаем записывал я предания в Заонежье и Поморье, Пудожском крае и Каргополье, легенды о «чуди белоглазой» — то о робких подземных жителях, то о свирепых воинственных великанах... С чужью, по преданию, встретился князь Вячеслав Белозерский, легендарный основатель Каргополя. Поморы рассказывали мне о недавних якобы нападениях чуди, вооруженной луками и стрелами с костяными наконечниками. А ласковый старичонка подвигает стакан крепко заваренного чая: «Мы вепсы — чужь. Малины с молоком хочешь?»

...Дорога в глубь страны вепсов, потомков легендарного и летописного народа — чуди, стелется все вверх по уступам огромной пирамиды Шокшин-

О ЧЕМ КЛИЧУТ ЖУРАВЛИ

Когда высоко в небе журавли кричат «клинг-клинг!», грустно людям: почему? Бабушка наша забыла счет своим годам, но про журавлей знала.

— Деды наших дедов пахали землю помягче этой, солнце над ними было поласковой. Хорошо родилась рожь на песчаных запольях, греча на пожогах, горох да бобы на глинистых местах. Летом — уследи! — кувшинки поднимутся на воду: пора сеять ячмень на раскорчеванных лесных нивках. Шесть недель прошло — запирай ячмень в закрома. А там и кузнечик застрекотал — рожь поспела; овес усы отрастил — осень близко.

Совсем доспел в то давнее лето ячмень. Но увидел однажды мужик — примяты колосья; рассердился: «Я лес корчевал, нивья пахал... Словлю вора!» Пошел с сыном.

Заря вечерняя сокрылась. Сумерки. Рыба повернулась к озеру головой, к берегу хвостом. Полночь.

Тут плесканье крыльев раздалось, щелканье клювов. Пала на ниву станица журавлей. Притих мужик с мальчишкой, затаился. Стали журавли по полю гулять, стали ячмень клевать; пляшут — хоровод водят. Нагулялись, наклевались — головы под крыло, спят! У мужика страх прошел — кидает сыну конец веревки: «Держи крепко!» Отец привязал одного журавля за ногу, другого... А седьмой-то, старый вожак, не спал! Только мужик привязал его — крыльями схлопнул, клювом щелкнул! Проснулись, взмахнули крыльями журавли... Кинулся мужик к сыну, да куда там! Крепко держал мальчик веревку. Глядит паренек — горемычная голова: леса все темней, пожни — меньше. Быстрее и быстрее машут крыльями журавли — несут мальчика в подсиверную сторону.

Вот завиднелось желтое моршковое болото, заалело клюквенное. Пали птицы наземь, зашагали меж кочек на длинных ногах. Отвязал паренек веревку; топор у него за поясом, нож — в ножнах. На nonешней Сороковой горе было его жительство. Рукодельный парень, хоть и маленькой еще. (Ячмень со всходов, ребенок сызмала виден: какой родится, такой и будет.) Выстроил избу: топором дерево срубил, веревкой обмотает, выволочит. От тех колосьев, что вырвал, за родную землю держась, что на чужбину принес, поле завел; на другой год вдвое больше засеял. Мальчишкой был — борода взошла, вот што! Борода от забот растет, не от году-возрасту.

...Лебеди потянулись на юг: зима скоро. И зиму скоротал. Вот раз пошел паренёк к реке — умыться. Глядит, а к берегу валец прибило, каким бабы белые колотят, когда полошут, — хумбар по-нашему. Откуда ему взяться? Длинненькой: не то хумбар, не то весельшко — айр.

Пошел парень по реке; к самому Онего пришел. Видит: у берега пряхица под резной лопаской, будто легкий челнок под парусом, покачивается. А на берегу девушка лен у воды треплет. Одежка на ней легкая, серебристая. По одежке — алые узоры. А на парне — сорочка нежных беличьих мехов, поверх — медвежья шкура. Он девушке на плечи медвежий плащ накинул. Она ему — рубаху льняную алыми узорами вышила. (Свадебный обычай не оттуда ли идет?)

И стали они жить рука в руку, душа в душу.

...Когда кличут журавли — «клинг-клинг!», — задумываются, сутулятся, старики: память о старопрежней родине приходит к человеку в старости. «Раньше, — сказывают, — вепсы жили не здесь, а там!» — и плещут рукой на юго-восток, за Онего...¹

ВЕЛЛЬ

Было, дивный сын родился у молодых; родился — и на ноги встал, как лосенок. Льяняную рубаху мать вышила ему узорами: цветами и травами, птицами и зверями.

Отец пел сыну охотничьи суровые песни, мать свои — ласковые. Сын знал голоса птиц, растений, лесных духов, но молчал: не было у него языка, такой родился.

Есть летом день, когда зацветает Лесной Цветок. Пошел в лес отец — так далеко, чтобы охотничьим чутким ухом не услышать пенья петухов! Ночью с

¹ В этом предании, возможно, сохранилась память о передвижении вепсов с север, а также о генетической связи современных вепсов с древней летописной вьсю, которая обитала в районе Белоозера. (Последнее положение выдвинуто и теоретически доказано советскими этнографами Н. И. Богдановым и В. В. Пименовым.)

заклинаньями искал Лесной Цветок; нашел, вырыл корень. Только поднес сын волшебный корень ко рту — заговорил, запел мальчишка; удивился отец: не родник ли поет в ночи? Не Онего ли плещет? Поднял голову: не журавли, не лебеди ли кличут? Саадка, с голосами леса схожа речь сына.

«Как это зовут? Как то?..» — указывали отец и мать на ромашку в поле, на звезду в небе, на лосося в стремнине.

Все называл сын, всему давал имя: звонкие ковал слова!

Он имя отцу дал: Бард¹ — с малолетства носил отец бороду. Матери имя дал: Айри — по малому весельшку нашел ее Бард.

Он братьев учил, сестер. Песни, сказки придумывал, чтобы люди не забыли сладость языка, помня начало своего народа. Чтобы чисто говорили, как в сказках говорят, как поют в песнях.

Его спросили: «Как называть тебя?» Он сказал: «Велль»².

Потом он вырезал из ели звонкий короб, натянул струны и сказал: «Это кантеле. Лучше мне ничего не придумать. Остальное придумают и дадут вам другие». И он, усталый от множества дел, умер.

Стоят на очелье наличников фигурки из дерева. Кто они? Может быть, Бард, Айри и, наверно, Велль.

ОХОТНИЧЬИ РАССКАЗЫ

...Высокий дом на краже. Под горкой, у речки, — баня. Амбар в нарядной резьбе; крохотная часовенка с предместьем. Обычная вепсская усадьба. Во дворе я заметил и принялся зарисовывать старой работы детскую коляску — «lapsentelegeine» — с точеной оградкой кузова. Белоголовый малыш гулял рядом.

Молодой вепс быстро вышел на крыльцо с дувстволкой, глянул на небо, поднял ружье одной рукой, не целясь, выстрелил. По ветвям березы про шумел большой серый коршун.

— Терве! — поздоровался со мной стрелок. — Вишь, над цыплятами кружил! А за мальца ты напрасно испугался. Наши ребята выстрелов не боятся...

Да, вепсы — настоящий лесной народ. У карелов, у русских северян бытуют предания о силачах, удачливых охотниках. А нет ли таких рассказов у вепсов? Я спрашивал — и старики вспоминали охотничьи обряды, приметы. В деревне Горнее Шелтозеро я познакомился с Иваном Дмитриевичем Федосеевым — особенно много услышано от него.

ОНДРЕЙ СИЛУ ОКАЗЫВАЛ

В деревне Сюръге жил у отца-матери Ондрей. Вот уж стеснительный — девушка красная. При нем лишнего слова не скажи. На крещенский праздник разыгрались ребята, толкнули его — не ворохнулся. Стоит смеется. Стали с разбегу мужичинья толкать — стоит как в землю врыт, глазами хлопает, сам удивляется. Он силы своей меры не знал.

Было: с Ошты до Вознесенья ехал богач. Тройкой гордился, конями чванился: «Берегись, зашибу!..» Ондрей проходил мимо: «Буде хочешь — сдержу».

Богач вожжи опустил, лошадей кнутом подхлестнул, ногу из-под полсти выпустил, концом салага по снегу чертит: «Охо-хо! Держи!» Остервенел: бьет по кореннику и раз, и другой... Держит тройку

¹ Бард — борода.

² Велль — брат (вепсск.).

Ондрей, в дорогу по колено врос. Рассыпались сани — у Ондreja в руках спинка санная осталась. Ондрей роспись рассматривает. Тут из сугроба крик: «Охти мне!..» Запуталась курица в отрепьях! Пришлось тащить купца из сугроба. Тоже подвиг немалый: купчина-то многопудовой!

...Ондрей — славутиный охотник, на медведя ходил с рогатиной. (Вепская рогатина — копые с граненым наконечником. У шейки копыя — поперечина. С таким копыем еще на нашей памяти старики ходили.) Ондрей медведя не колол, он шкуру жалел. Он перед зверем повинится: «Прости-ко, батюшко!» — да обоймет его, копые перехватит за медвежьим хребтом, принажмет — из зверя и дух воен... Вот што, парены!

Ондрей, случился, лося убил. Не совсем убил: насмерть ранил. Лось далеко бежал. Ондрей шел за ним на лыжах. Ондрей — такой: поест — и уйдет на много суток в лес. С собой еды не берет. Спит в лесу: нодью зажжет да и спит. (Нодья — костер: два бревна берут, подтесывают их, кладут одно на другое; щепки между бревнами оставляют. Смольем запалят — целую ночь живет меж бревнами огонь. Охотник на хвое спит. Старики, которые охотники, похвалялись: «Мы-де любим живой огонь, не запертый. Нам-де в избе маятно, душно, тошно.»)

И Ондрей так: день бежит, ночь спит, потом опять бежит; лежки лосиные кровавые видит; за Кушлегой пошли незнаемые леса, чужие места. Стал Ондрей лося настигать. За ближним ельником лось пал. Вышел на полянку Ондрей, а уж около лося барская охота — шум, гам!.. Ружьёца-то у них — замочки резные, кафтаны шитые; у поясов рога золоченые. Ондрей — зигунишко старенький, ружьишко веревкой перевязано — не заробел: «Мой лось!» Барин посмеяться желает: «Твой — дак бери! А буде всего не возьмешь, так, значит, не твой!»

Ондрей ляжки лосиные отрубил — в кошель заплечной поклял. Тушу — на плечи. Ему только на лыжи встать...

Барин, челядь аж задубенели. Стоят, рты отворены. Очнулись — кинулись догонять Ондreja, пороху на полку ружей сыплют, псов натравливают... Как же, догонишь! Да и опасаются, не шибко бегут. Сила такая в человеке!..

...Ондрей домой пришел — за стол сел. Ему же-на калиток дает. Его мера была — «Съем, сколько в охалку влезет!» А ручищи — сам понимаешь! Соседи на порог: «Сказывают, лося добыл?..» — «На повети лежит...» Даром мясо давал, все село кормил.

ОХОТНИЧЬИ ПРЕМУДРОСТИ

На охоте Ондрей все делал по старопрежним обычаям.

Ружье Ондрей весной омывал горячей сорочьей

кровью. На иванов день он, говорят, находил цветы папоротника; понимал Ондрей язык зверей, птиц...

На белку Ондрей капканы вбивал в ствол дерева, наживлял грибами сушеными. На куницу надо в капкан сорочье гнездо сунуть. На выдру капкан в воду спускали. Но хитрее всего ставил Ондрей капканы в снег. Подсмотрели старики из-за горелой лесины: он ямку лопаткой выроет, капкан поставит, насторожит; снегом присыплет, а поверх другим концом лопатки следы наставит. Красная лиса думает: «Тут-де безопасной мне, зверю, ход! Другие-то бежали — и ничего! И я пробегу!» Да и упадет: «Охти, — заверещит, — перехитрил Ондрей!»

Зверь ранит — ведь всякое бывало, — Ондрей глину размешает на простокваше, между двух ольховых листьев положит, к ране привяжет — выздоровеет кряду!

Расцветает в лесу дивная трава — Петров Крест. Ондрей отыщет — к грузилу привяжет. Самые крупные лососи — его...

Никогда не говорил Ондрей скверных слов. Он то в лесу, то на озере, то на пашне; заругайся там — заболеешь от воды, от земли, от леса: это — строго.

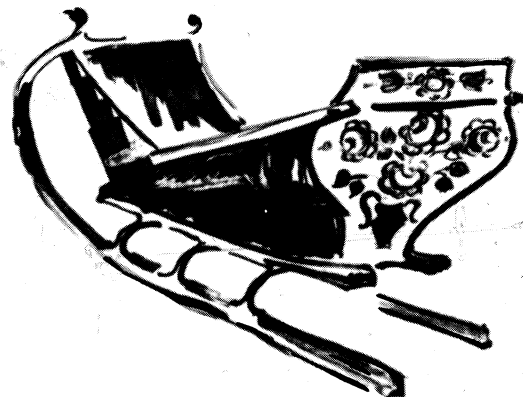
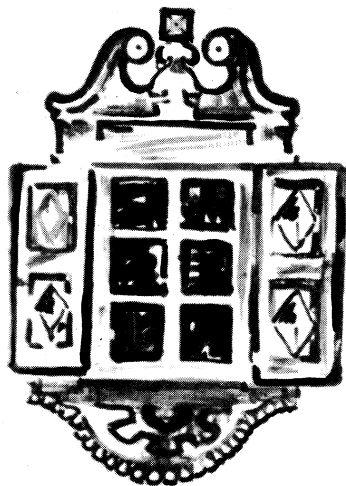
Ондрей загодя знал, какого зверя много будет. К примеру, шишек много на соснах — жди множества белок. (Это и мы знаем. Сей год шишек урожая, я в Петрозаводск поехал, договор заключил — стану белок промышлять.)

ОНДРЕЕВА ПУГОВИЦА

Шел Ондрей, видел: под ногами, под толстым льдом, метались куницы; с осени высокая вода была, морозы ударили; встал между деревьями лед, подо льдом высокие хоромы. Воздух туда попадал через трухлявые пни. Ондрей шел, слышал: куницы радовались: «Хорошо-то как! Живы будем! Все лето белки плыли с Пудожского берега — войной! А здесь им нас не достать! Пусть себе порскают, их Ондрей добудет. Они — пудожские, его знают не ведают...» (Куницы с белками из-за дупел ратаят!)

Тут Ондреева собака белку облаяла. Выстрелил — не попал. Он и в другой раз выстрелил, и в третий... Видит — дело нечисто: пули, не долетая, падают. Один только заряд остался! А белка — вот она: дразнится, зубки скалит, будто улыбаются, шишками кидается: «Ха-ха-ха, глянь-ко, дедушко, на неудалого стрелка! Того не знает, что тебя простая пуля не берет, только медная, серебряная либо золотая!»

А Ондрей — он звериный язык зна-ал... Догадался — леший невидимой рукой белку обороняет.

Медную пуговицу расплющил, в ствол шомполом загал: «Погоди уж!» Выстрелил. Пошел по лесу стон, гул... Белка назем пала; по лесу старичонко — бела шляпа, черны поля — побежал, рукой трясет. «Я не шутки шучу! — Ондрей говорит (а сам жалеет — знакомый лесовик!). — Ничего, залижут тебе зайцы лапу-ту...»

МЕРА ОНДРЕЕВОЙ СИЛЫ

Мужики сидят на кряжике; промеж них — разговор.

«Нету меры Ондреевой силы!» — «Есть мера!» — «Нету!»

Поспорили. Сговорились Ондрею силу испытать.

Нагрузил один мужик полон воз снопов; нивья в низинке, рига на кряжике; лошадь не тянет. Ондрей зовут: «Помоги!»

Ондрей силы не жалел: со всей охотой плечом к возу приналег. А сосед вожжи на конец оглобель намотал — коню некуда деваться, конь назад пятится.

«Худ конишко у тебя. Ох, худ, что делать, ав-вой!»

«Коня выпряги, сзади толкай; я за оглобли возьмусь».

Мужики за ольхами сидят, опять спорят:

«Нету меры Ондреевой силы!» — «А знатю его мера есть...»

Видят уж, чего мужик спомыслил: он сзади встал, в спицы колес тележных черенок вил вставил. Ондрей до земли склонился, кровавый пот роняет; за телегой борозды, как за сохой. Колеса не вертятся, землю пашут. Взошел с возом на кряж Ондрей; повернулся, домой побрел, на лавку пал. Мужики согласились:

«Нет меры Ондреевой силы! Нет меры доброте его и кротости. А и нет меры мужицкому нашему неразумию...»

ВЕЛИКАЯ ТОРА

Надреснутые долбленные лодки-однодеревки («рухты!» — назвал их мне старичонка с коромыслом; сказал — как кашлянул; торопился, расплескивая воду); в зеленые холмы вросли столетние, цвета старого серебра избы; вокруг золотые, в перелесках, поля. Сюда, в Горнее Шелтозеро, я шел по знойным, пахнущим переспелой земляникой и молодой малиной полям.

— Чаю пить! — торжественно пригласил меня дед — тот, что пробегал с коромыслом.

Я закрыл этюдник. На огромном семейном столе в просторной избе разводил пары крохотный самоварчик. В дедовых глазах — детская радость.

— Вижу, человек идет. И за водой! Мой самовар скорее всякого другого в деревне поспевает! Литровый. Это моя Шултаполай! — хвастался самоваром разговорчивый дедушка. — По-русски сказать — Шутливая Пелагея... шутница.

Крохотный самоварчик в этот день кипел не переставая; я протоптал кратчайший путь — по крапи-

ве — на колодец; в избу постепенно набежало старого и молодого народу, тесно обсели по лавкам стол. Это здесь слышано было про незапамятную старину, бородатого мальчика Барда и про обыкновенную жизнь хозяина, девяностолетнего Георгия Федоровича Зайцева.

В холодных росистых сумерках, торопясь по теплой пыли полевого проселка обратно в Шелтозеро, я вспоминал рассказы старого вепса, останавливаясь, записывал, шел дальше. Вот один из этих рассказов:

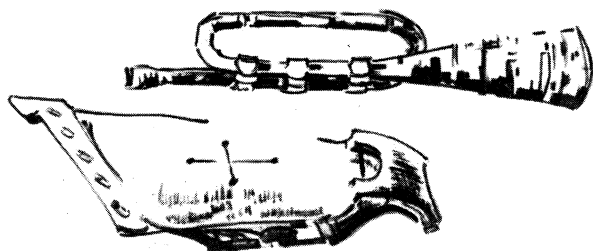
— Дак ведь раньше-то в бога веровали!

Бы, говорят, у нас в Горнем крестьянин Калина. Сильно верующий! Ежели рыба в вершу попадетса, хлеб родится хороший — иконам от него почет. Велит полотенцами их обвешать, на верьяные веточки ленты повяжет. «За добро, — скажет, — добром плачу! Но ежели что!..» И правда. Чуть неувязка — сейчас иконы на улицу выволочит, почнет их прутьем сечи, да с приговором: «Лихое — лихому! По собаке корм! Не знаешь чести — вот тебе палок двести!» Аж запыхается, замается от усердия веры! В страхе держал Калина святых — и жил справно. Ему ли с попом-то не сладить, хотя бы и с Ожегой!

Ожега был попище здоровенный; в Шелтозере службу правил. Пожнями, лесовыми нивьями Калина с Ожегой — соседи.

Калина ночью косил. Жена сено сушить осталась, мужик домой пошел. Днем думает: «Дай схожу ельник повырублю; маловата пожня!» Идет — слышит: жеребьячье ржанье по лесу: «Го-го-го!..» Он шагу прибавил — видит: попище Ожега за бабой Калинкиной по стерне топает, медный крест по волосатому пузу хлопает, патлы по ветру... Баба тоже хороша! Ей бы «караул!» кричать, а она: «Хи-хи-хи!» Известно, баба без мужа — репная нивка без изгороди... Взял Калина лесину осинову, выстал перед Ожегой: «Сгинь, пропади, нечистая сила!» — «Да что ты! Да я п-пастырь!» — «Видел я, как ты пас... по-лешачьему ухал! Сгинь — перекресту!» И «перекрестил» попа лесиной. «Сгинул» Ожега в кусты, в ольшаник, в малинник. Домой приволокся — в кровищи. Ему: «Что да как, ох да ах!» — «Медведь напал!» — говорит. Но зло затаил...

Во святую троицу народу на литургии в церкви множество. У правого клироса мужики и парни в нарядных кафтанах, в нашейных патках (вот мода была!), пестрыми кушаками домодельными подпоясаны. У левого клироса — бабы: на вышитых рубашках сарафаны, на сарафанах — кумачные передники, головы под кокошниками. Девки тут же; у них взгляд смелей; передников нет, коса на груди. У них воля своя — любятся попом Ожегой, румяным, в золотой ризе; и на всю церковь возглашает поп в ектеньях, гулко, как в бочку: «Миром господу помолимся!.. Все-е, кроме Калинки!»

Встрепенулся Калина: «Тебе бы за это, не говоря худо го слова, — в рожу: за волоса да в небеса! Ну, да собака и на свой хвост брешет! Пойдем, мужики; боле мы сюда не уходи!»

Собирается Калина Горнешелтозерский аж в сам Новгород Великий — путь туда издавна ведом славным вепским каменотесам. В берестяном коше-ле — клевцы, клинья. Будет делать Калинка жернова новгородцам. Станет ходить по церквам и монастырям, по теремам и черным избам. Доберется и до наибольшего попа — митрополита: дело есть!

...Весной привез Калинка из Новгорода грамоту: разрешено-де строить церковь — выставку Шелтозерско-Бережного погоста — нынешнего Горнего Шелтозера. Где место храму? Запрягли жеребца, в постромки — бревно; гикнули... Помчался неезженной жеребец, на крижик вымахнул — стал, заржал, гривой всколыбнул, копытом топнул: тут! Только обмерили место для клетки, положили под углы по камню, под камни — по деньге да петушьей косточке; только стали от угла до угла промерять веревочкой — не наперекосяк ли? — бабы заголосили. Поднял Калина голову: идет поп Ожега! Крест за спину закинут; в руках шельга; ряса подоткнута. Топочет, как волк кованой. За ним причт движется; дьякон, дьячок, пономарь — молчат; а просвирня волочится, дак она нестерпимо даже орет — своих подбадривает.

Конешно, наши горнешелтозерские ребята топыры от греха — в крапиву. Просвирня думала — испугались; она пуще заголосила. Наши бабы ей отвечают, конешно, стараются тоже.

Тут Калина выступает с мирным предложением: «Что ругаться — не пора ли подраться? Не все горлом — ино и колом!»

Перво — два сильных, могучих богатыря сцепились — Калина да Ожега. Ожега силен — тяжел, Калина легок — увертлив. Ожега медвежьем обычаем пошел: воздух лапами молотит, глаза от злости закрыл! Да наткнулся Ожега на кулак, перевалил его Калина со щеки на щеку, постриг попа без ножниц, испек ему пирог во весь бок, завернул салазки... Такой другой драки и старики не упомя-та. Великая тора!¹

А там уж мужики наши дьячку косицу оторвали — и чаю пить пошли. Дьякон по дороге к Шелтозеру пыль вздымал. За ним сторяча старичонко ветхой (моих лет) кинулся, клюкой, знаешь, помашивает, лаптями загребает. Дьякон глянул — погоня за ним, а сколько мужиков — не видит! Пыль, дак... Он сапожищи скинул — легко бежать — радуется: мужики, мол, пока сапоги делают — отстанут. «Вот уж хитрой я!» — дьякон-то, собой довольной, ржет. А дедушка сел на обочину — переобувается, ворчит: «Вот-де, коли догнал бы!»

...Уж просвирня у кумы своей в Горнем вторую дюжину кружек чаю пила — все Калина с Ожегой ратился. Поп изловчился — уж было сбил да поволок, ажно брызги в потолок... Наши мужики, как чаю попили, набежали, Ожегу повалили, отмолотили, по дороге к мельнице бросили. На другой день шелтозерски приехали — подобрали. Деревянная церковь, шатровая, «кораблем»² была выстроена и стояла двести с лишним лет. Названа: церковь Сре-тенья — встречи, значит. (Не Ожеги с Калинкою встречи, конешно... Это только так смеялись.)

Нынешню-то каменную церковь уж недавно выстроили, лет сто двадцать назад. Да нет нонче того усердия в делах веры, нету...

¹ Тора — драка, побоище (вепск.).

² Выстроена «кораблем» — тип шатровой церкви: последовательно с востока на запад прирубаются клетки алтаря, собственно церкви, трапезной, сеней.

Позорительно быстро заснули ребятишки.

Мы, несколько стариков и я, сумерничаем. Быстро наливаются синевой окна. Самое время перевести разговор от обычной нескончаемой беседы стариков о житье-бытье на былички. Здесь, у вепсов, водные, лесные, домовые, эти герои быличек, воплощенные силы природы, духи жилища — существа добрые, иногда простоватые. Они помогают человеку, часто сами нуждаются в помощи. Языческие, пантеистические представления сохранились у вепсов в первозданном древнем обличье, не искаженном представлением христианской эпохи о «нечистой силе».

— А про лешего у вас что-нибудь рассказывают? — осторожно закидываю фольклористскую «удочку».

— У нас его Метс-ижанд зовут! — оживает старейший дедушка.

Отодвигается ситцевый полог кровати, и гроздь белых головок навостряет уши и блестит глазенками. Подсаживаются поближе старики.

ПОЖНЯ РУДАНГА

Пошел мужик себе новую пожню чистить. Рубит да корчует, корчует да рубит. Сам сердитой, недовольной. Легкое ли дело дикий ур расчищать! Пспрашивай у стариков, каково!

Глядь: идет Метс-ижанд! Тыфу, напасть!..

«Сядем, что ли! — леший говорит. — Горе, ох, горе!.. Тойне-поль¹, понимаешь, три дня уж не разродится. Хоть бы жена твоя бабим делом помогла! Ведь у меня трое лешачонков маленьки; что ж, сиротами останутся. Помог бы, сосед!» — «Да ей неколи; я валю дерева, она сучья обруба-ет...» — опасается мужик в оказию попасть. А леший: «Будет у тебя пожня; метки положи, какую тебе пожню надобно».

Ну что станешь делать? Положил, конешно, метки-зарубки на осинах. Говорит жене: «Я домой правлюсь. Ты морошки набери в болоте! Мне-ка морошки тоской хочется...»

Зыркнула баба на мужика — перечить не посме-ла. Умелась за морошкой. Мужик дома сидит — от окна к окну кидается. Ну просто сил нет! Слышит, баба у подоконья разливается, соседкам рассказы-ывает: «И-их, милые мои, разбаловались нонь мужики, разбаловались! Мой-то полудня не доработа-ла, какого-то гультая встрел да и говорит: «Иди по ягоду, а я-де сам большой барин — домой пойду, на печь лягу!» — «Чтоб ты, — думаю, — оттуль свалился!» Ну, иду это. На болото прихожу, там — ма-а-мочки! — баба какая-то плачем-плачет: пора приспела... Родимые мои!.. Я кошель-то в кусты; побабилла ей. «С какой деревни?» — спрашиваю. «Дальняя!» — «Твой-то, — говорю, — тоже небось на печи лежит...» Конечно, поругали уж между собой и ейного мужика. А ребеночек родился — с лица темен, головенка, как копенка, лохматенька. Глянула она: «Весь, — говорит, — в отца! Какой хорошенький!» Встала, ушла. А я и морошки успе-ла набрать — желтенька, крупна; на выбор брала, всю спину обломала».

«Вот это ты, баба, врешь! — муж на крыльцо восходит. — Кошель-то уж полный был, как ты его взяла...» — «А ты откуда знаешь?!»

...Ночью мужик худо спал. Мается, думает: сдержит ли слово Метс-ижанд, нет ли? Пришел — поле чистое между метами, будто никогда леса не бывало; трава высокая. Одна березка осталась; с нее птица глядит.

¹ Тойне-поль — жена лешего (вепск.).

...Давно уж не бывал, не знаю, есть ли береза там нынче, нет ли? Пожня есть. В Матвеевой Сельге спроси пожню Рудангу — всяк покажет, а спроси — все сызнова расскажет!

МЫ — ПУСТОШКИНЫ

— ...На што тебе про старину и знать-то? — удивился крепкорукий, веселый старик Дмитрий Иванович. — Старины не упомню, а вот ежели про свою фамилию рассказать?

Фамилия наша, извиняюсь, Пустошкины. Мне сколько говорили: «Сменяй, неподходящее прозвание! Ты работающий мужик, у тебя все есть!» А я: «Эта фамилия мне от деда; я должен ее сам носить и внучонкам передать. Это мой дед провинился...»

Он уж старый был. Лежал на печи. Бабка к соседям умелась, молодые пали в сани — на ярмарку улетели. Лежит дед, крихтит: «Никуда я не го-ж — стар стал! А кабы со мной была старопрежняя девушка, с какой молодецвал, я бы — ого!..»

Только подумал — на повети сова скричала; с печи кот спрыгнул — весь топорщится. Старый кот, глаза как плоски, лапой морду моет, мурлычет; дед лаптем на kota замахнулся: «Какого лешего гостей намываешь, какие тебе гости!» Только откуда ни возмись — пялятся через порог девки, бабы простоволосы. Они деда волочили, они его вертели, плясали с ним старопрежни кадрили. Повертели — бросили, корытом прикрыли.

Молодые, невестки с сыновьями, вернулись — нет деда! Бабка с посиделок пришла — догадалась, лохань подняла.

«Охти мне! Глупой ты, дедка: вспомнил прежнее, молодое». (Про старопрежнее-то, говорили, можно вспоминать, ежели кому молодому пересказать: про-меж себя старики про старое не говорят, а того больше — сам с собой, шутка ли...)

Стал дедушко задумываться. Все, с кем он жил, померли, дак он и задумывался. Было вышел за порог вечером, а холодно, росно. Дед на нивья пошел; на меже — старуха. От росы трава бела, а она сидит.

«Уйди, бабушка, не сиди здесь. Ночь! Зачем сидишь?» — «Скоро, скоро узнаешь, зачем я сижу!» Девкой обернулась, схлопнула в ладоши, да и улетела. Дед догадался: опять судьба приходила. Он уж и в первой раз видел — была меж простоволосыми бабами одна, с какой он, молодой, гулял: с лица схожа очень. И опять она... Судьба!

Дед побелел; зубы выпали; стал совсем старик: «За мной уж судьба приходила, дак...» Он хозяйству голова был, а тут ото всего отошел, на печи лежал. Тогда-то у нас все и запустошилось. Дождь велик пал, водяная мельница была — поломало, унесло. Дом от молнии занялся. Мы не в этой, в другой деревне жили. Мы сюда пришли. «Которы строятся?» — про нас разговор. «Пустошкины, у которых все запустошилось!»

Побеседовали, чайку попили — и Дмитрий Иванович повел меня в свой сад. Спускаясь по крутой лестнице своего высокого дома, дед рассказывает: — Невестка у меня — ух, бедовая! Как лето — сейчас на юг угребется! Отдыхать желает!

«Что на юге наша больно хорошего?» — спросу. — «Там хоть яблочко поем; тебе привезу. Чемодан!» — «Не вези чемодан яблочко, привези кулек семян!»

— А я уж и сам — какое яблочко повкуснее — семечки берегу. Зато теперь вот!

Дед открыл калитку в целый ботанический сад: здесь выпестованные с семечка яблоня, вишни, сливы; стоят рядышком ближние гости — молодая липа, куст орешника; тысячу черных глаз смотрит пахучий куст смородины; а рядом алеют малина, клубника, в уголке — застенчивая лесная брусника и куманика. Огораживал свой сад Дмитрий Иванович ольховым частоколом — так и колья ольховые принялись, вот диво-то!

— У меня не запустошится. Я думаю, как наперед жить, чтоб от наших мест людей на сторону не тянуло? Теперь и я могу ввукам яблочко дать! Я знаю, когда старое вспомнить, — ежели вот молодой парень интересуется.

ЗАГАДКИ ПРОЕКТЫ ОТКРЫТИЯ

ВУЛКАН РАСКРЫВАЕТ ТАЙНЫ ЗЕМЛИ

В Институте геохимии и аналитической химии имени В. И. Вернадского в лаборатории магматогенных процессов, как рассказал кандидат геолого-минералогических наук А. А. Кадик, можно увидеть... извержение вулкана. Проблема, над которой работают сотрудники лаборатории, — это проблема магмы — сложного силикатного расплава, неисчерпаемого энергетического потенциала в земной коре, первоисточника всех рудных минералов. Для того чтобы точнее знать причины возникновения различных видов магм и связанных с ними полезных ископаемых, проследить взаимосвязь магматических процессов и горообразования, исследователи воссоздают при помощи высоких давлений и больших температур те процессы, которые происходят в глубинных оболочках Земли. Изучая

продукты такого «извержения» — лаву, пепел, газы, песок, ученые получают информацию о вещественном составе глубоких недр, что помогает лучше понять закономерности формирования земной коры, влияние вулканизма на атмосферу и гидросферу, на законы размещения полезных ископаемых и их перспективность.

ГЕОМАГНИТНОЕ ПОЛЕ И БИОЛОГИЯ

За время всей геологической истории Земли ее магнитное поле неоднократно изменяло свое направление. Такие изменения происходили с интервалами от 1 до 100 миллионов лет. В последнее время среди специалистов распространено мнение, что это явление имело существенное влияние на жизнь на Земле.

В ноябре 1970 года сотрудник Ламонтской геологической обсерватории Колумбийского универси-

тета д-р Джеймс Д. Хейс сделал сообщение о результатах, проведенных в этой области исследований. Изучая 28 колонок донного грунта, поднятых в различных глубоководных районах Мирового океана, он установил, что за последние 2,5 миллиона лет вымерло восемь видов радиолярий — одноклеточных морских организмов, широко распространенных почти во всех акваториях. Шесть из этих видов вымерли одновременно и повсеместно, причем это событие произошло немедленно вслед за переменной в направлении магнитного поля Земли.

Одним из возможных объяснений является прямая связь магнитного поля с биологическими процессами; недавние эксперименты показали, что некоторые организмы, например улитки и пчелы, обладают чувствительностью к магнитным полям с интенсивностью, не превышающей геомагнитное поле.

А. ХАЗАНОВ,
кандидат исторических наук

ПОСЛЕ «АРГО»

Август в Сухуми самый жаркий месяц. И в тот полдень напротив лодочного причала, что около устья реки Беслетки, было особенно много народу. Поэтому когда вынырнувший из воды мужчина, захлебываясь от возбуждения и судорожно ловя воздух ртом, закричал: «Ко мне!», купальщики поплыли к нему со всех сторон. Вскоре и они увидели лежащую на дне мраморную плиту, наполовину погребенную в иле и песке. С трудом, коллективными усилиями ее удалось вытащить на берег. Лицевой оказалась нижняя сторона плиты. Она пролежала не менее двух тысяч лет в песке и потому была спасена от разрушительного действия волн. На ней было выбито рельефное изображение. Молодая женщина, задумавшись, сидит в кресле. Рядом, напряженно всмат-

риваясь ей в лицо, на коленях стоит мальчик. Рука сидящей — в его руке, вторая покоится на его плече. Сзади, склонив голову, стоит еще одна женщина. Сидящая в кресле — покойница, найденная плита — часть ее надгробия. Здесь есть все, что сделало бессмертным искусство Эллады. Все уравновешенно и спокойно и вместе с тем трогает до глубины души. Кто была умершая и кем было сооружено надгробие, неизвестно. Об этом должна была повествовать его недостающая часть. Ее искали в море и ищут до сих пор. Пока безрезультатно... Трудно придумать более греческую вещь, чем сухумский барельеф.

В VIII—VI веках до нашей эры Черное море бороздили корабли с переселенцами из Греции. Пройдет еще столетие, и греческие города будут разбросаны на всех его берегах, и великому философу Платону они напомнят лягушек, рассеявшихся вокруг болота.

Переселялись крестьяне, лишившиеся земли, захваченной аристократами, и бедняки, не нашедшие себе работы и пропитания в городах, и ремесленники, терявшие покупателей и заказчиков, потому что труд рабов был дешевле. Родину покидали отважные, которые стремились в далекие чужие страны в поисках лучшей жизни, и предпринимчивые, которых влекла жажда богатства, и побежденные, которые просто спасали свою жизнь.

Во всех греческих городах шла в это время ожесточенная борьба между аристократами и сторонниками демократии. Переворот следовал за переворотом, и каждый из них сопровождался казнями, конфискацией имущества и изгнанием. Сегодня из города вынуждены были бежать демократы, ища за морем спасения от гнева победителей, а завтра наступала очередь аристократов — побежденные, они садились на корабли вместе со своими приверженцами и родичами.

И в поисках убежища, в поисках места, где можно все начать сначала и вновь обрести надежду, где сбудутся мечты о новой и лучшей родине, взоры часто обращались на север, к богатым, но малоизвестным, овеянным дымкой мифов и легенд землям Причерноморья. Рассказывали, что земля там дает отменный урожай, недра богаты металлами, и реки несут столько золота, что местные жители собирают его с помощью косматых шкур.

Уже несколько сот лет купцы, бывшие одновременно пиратами, и пираты, не брезговавшие по обстоятельствам и торговлей, посещали эти края. Были еще живы воспоминания об этих плаваниях, в которых была причудливо и нерасторжимо сплелась с вымыслом. И многие жадно внимали рассказам о Фриксе, прилетевшем в Колхиду на волшебном золотом баране, и Язоне, который в погоне за «золотым руном» приплыл туда с друзьями на корабле «Арго».

Греческие купцы все чаще появлялись в Причерноморье, в том числе и в Восточном, в землях керкетов, ахейцев, гениохов, мосхов и колхов. В обмен на рабов и сырье они везли ремесленные изделия, изысканные сосуды и предметы роскоши. И для удобства торговли во многих пунктах побережья с ведома и содействия варваров (для древних греков варварами были все, чей язык и образ жизни отличался от эллинского), а иногда даже вопреки их желанию, появились сначала временные, а затем и постоянные торговые фактории — эмпории. А затем, когда дорога была разведана и намечена, на смену купцам пришли поселенцы, и эмпории превратились в города. А если варварам это не нравилось — тем хуже для варваров: с ними вели войны и вытесняли с захваченных земель.

В те времена самым крупным, и самым богатым, и самым культурным из всех греческих городов был Милет, расположенный на западном побережье Малой Азии. Здесь процветали литература и наука, жили великие философы и географы. Милетские купцы, «вечные мореходы», как их называли, торговали в Египте, Финикии, Персии и других странах. Прославленные изделия милетских мастеров всюду были желанным товаром.

Но сам Милет раздирался внутренней борьбой. Бедняки и богачи оспаривали друг у друга власть. Побежденные искали спасения в бегстве.

Свыше 60 городов-колоний было создано милетцами. Среди них Фасис в районе нынешнего Поти, и Диоскурия на месте Сухуми, и Питиунт — там, где теперь расположена Пидунда.

Где-то около 1600 года нашей эры небольшая группа эскимосов, жившая на севере Гренландии, из-за ухудшающегося климата утратила всякую связь со своими соплеменниками. Изоляция полярных эскимосов длилась около трехсот лет и была настолько полной, что к началу XX века они стали считать себя единственными людьми на Земле. Когда европейцы впервые наткнулись на их селения, эскимосы были убеждены, что имеют дело с духами, а не с людьми. Ведь им было доподлинно известно, что к югу от них лежали только льды и любая жизнь была невозможна!

И все-таки полярные эскимосы были редким исключением. Ни один народ, ни одно племя на Земле никогда не жили в течение долгого времени в условиях абсолютной изоляции. Какие-то связи с соседями, даже когда их разделяют воды морей, пески пустынь или непроходимые джунгли, какие-то связи, пусть слабые и прерывистые, существовали всегда. Даже австралийцы за много веков до появления европейцев познакомились с помощью индонезийцев с керамикой и металлами и переняли у них ряд полезных изобретений. И чем больше у каждого народа связей с внешним миром, чем шире они и разностороннее, тем быстрее совершается его развитие, потому что культура его обогащается чужими достижениями, потому что ему не приходится тратить силы на изобретение того, что уже было однажды изобретено. Так обстоит дело в принципе. На практике все гораздо сложнее...

Встреча двух народов — это одновременно всегда и встреча двух культур, зачастую весьма несхожих и далеких друг от друга, и отличающихся по степени развитости. Между ними начинается то, что в науке называется «взаимодействием, контактом». Существуют определенные закономерности таких контактов, не менее строгие, чем закономерности физики и химии, только изучены они пока значительно хуже.

Первая закономерность гласит, что контакт всегда бывает двусторонним, но более сильному воздействию подвергается та из культур, которая является более отсталой. Это ясно и без пояснений. Индейцы Америки подарили Европе и картофель, и табак, и канноэ, но гораздо больше, и хорошего и плохого, приобрели от европейцев сами.

Вторая закономерность заключается в том, что чем больше разрыв в уровне развития между различными народами, тем труднее взаимодействие между ними. И наоборот: оно гораздо многограннее и интенсивнее, если такого разрыва нет совсем или он не слишком велик.

Много веков в Крыму в древности жили бок о бок

три народа — скифы, тавры и греки. Самыми отсталыми из них были тавры. Они жили на высоких плато горного Крыма, бедных растительностью и сырьем, отрезанных и от скифских степей, и от греческих городов побережья. Скифы встречались с греками и на поле брани, и на торжищах, на улицах эллинских городов, и в своих становищах. Смотрели на непривычный для них мир, что-то перенимали, что-то отвергали, чему-то учились. Так же поступали кельты в Галлии, нынешней Франции, иберийцы на Пиренеях, фракийцы на Балканах. Тавры сидели в своих горных долинах и мечтали лишь об одном — чтобы их оставили в покое. И, как бы подчеркивая серьезность своих намерений, незамедлительно убивали каждого грека, попавшего к ним в руки, приносили его в жертву своим свирепым богам. Тавры так и не смогли никогда догнать в своем развитии не только греков, но даже скифов.

Годы складывались в десятилетия, а те — в века. Сменялись поколения. Эмпорий превратились в большие торговые города с высокими стенами и хорошо защищенными от пиратов гаванями, в которых теснились корабли с дорогой посудой, оливковым маслом, изысканными винами, драгоценностями. Понт Аксинский — Море Негостеприимное давно стало Понтом Эвксинским — Морем Гостеприимным. И с каждым новым поколением, рождавшимся в греческих городах Колхиды, судьба их все теснее сплеталась с судьбой окружающих племен, и в стенах их все чаще звучала непривычная для эллинского уха гортанная варварская речь, столь разительно отличавшаяся от мелодичных строф Гомера и Пиндара. Семьдесят племен сходились для торговли в Фасис и шестьдесят — в Диоскурию. Купцы везли товары из далекой Бактрии и еще более далекой Индии. Вместе с товарами к варварам проникали новые идеи и образы. Они будили воображение, тревожили мысль, в конечном счете меняли привычный уклад жизни. А варвары несли в города свои вкусы, обычаи и привычки, свои одежды, украшения и оружие и даже своих богов. И в результате рождался еще один неповторимый и оригинальный вариант античной культуры. А Фасис, Диоскурия и Питиунт вместе с Гиэносом, что был на месте нынешнего Очамчире, и безымянными греческими поселениями в районе Батуми, Кобулет и Эшера стали звеном цепи, связавшей на время античную цивилизацию с ее многолюдными городами и изысканными памятниками, с ее писателями, учеными и политическими деятелями, с ее тиранами и демократами, рабовладельцами и рабами и далекие, доселе почти неизвестные кавказские племена, у которых была своя оригинальная культура, неповторимая, как культура любого народа.

О том, что происходило в это время за стенами греческих городов Колхиды, на территории Древней Грузии, греки писали мало, местной же письменности не было вообще, или же до нас она не дошла. Предполагают, что уже в VI веке до нашей эры — может быть, немного позднее, — вскоре после того, как были основаны Фасис и Диоскурия и другие не столь крупные греческие города и поселения, в Колхиде возникает свое государство.

Многое свидетельствует в пользу такого предположения. Свидетельствует высокий уровень земледелия и ремесел, издревле процветавших в Колхиде, чеканка собственной монеты — известно уже несколько тысяч мелких серебряных монет, называемых нумизматами «колхидками». На них изображены то женский профиль, то голова льва или быка. Надписей нет; лишь

изредка на монетах встречаются отдельные греческие буквы. Свидетельствует наличие городов — не греческих, а своих, местных, вдали от моря, там, где греки никогда и не думали селиться. Уже почти сто лет ведутся раскопки у небольшого села Вани, расположенного на цветущих предгорьях левого берега Риона. В результате открыт большой город с мощными стенами, с храмами и мастерскими, с обособленным от остальных районов кварталом знати — город, вероятно, бывший столицей всего царства¹.

Колхида не являлась исключением. Во многих частях Европы вслед за основанием там греческих городов у местных племен возникают собственные государства: в V веке до нашей эры у фракийцев и у синдов, жителей Таманского полуострова, в IV веке — у скифов.

Это не было подражательством, голым слепком иноземного образца. Само соседство с греками, безжалостными рабовладельцами и эксплуататорами, уважавшими силу и всегда готовыми обрушиться на слабого, даже если он соотечественник, а тем более варвар, побуждало к объединению. А кроме того, знать варваров, разбогатевшая на торговле с греками, развращенная греческой роскошью, алчущая греческих богатств, стремилась усилить эксплуатацию соплеменников, потому что греки ничто не давали бесплатно, потому что за любой товар приходилось платить зерном, скотом, рабами. Писал же географ Страбон про варваров, что «последние со времени знакомства с морем сразу сделались хуже; стали разбойничать, убивать иностранцев и, вступая в сношения со многими народами, перенимают от них роскошь и торгашество; хотя это, по-видимому, и способствует смягчению дикости, однако портит нравы и на место простодушия... вводит коварство».

Так исподволь росли местные силы, которые, в конце концов, решат судьбу греческих колоний и скорейшему созреванию которых, сами того не желая, невольно и нехотая греки и способствовали. Способствовали в чем?

Третью закономерность культурных контактов можно сформулировать приблизительно так: легче всего оказывать влияние на материальную культуру народа, труднее на его духовную культуру, еще труднее на его общественные институты и учреждения — на все то, что в науке называется социальной организацией.

Кельты заимствовали у греков гончарный круг, вращающийся токарный станок, кирпичные сооружения, ручную мельницу.

Скифы заимствовали у греков технику каменного строительства, искусство сооружения стен вокруг городов, жернова.

Колхи, а вслед за ними и остальная Грузия, переняли у греков искусство изготовления амфор и кровельной черепицы, и более совершенный ткацкий станок, и мельницу, и ряд строительных приемов.

Образованные и знатные кельты, скифы, фракийцы, иллирийцы, меды, сарматы, колхи и другие недавние «варвары» говорили и писали по-гречески и называли своих детей греческими именами, и боги их приобрели отдельные черты греческих богов и стали изображаться в человеческом облике.

И поэтому не случайно, что государственным языком в Колхидском царстве был греческий, а в Вани — его вероятной столице — найден греческий бронзовый стиль для письма на восковых табличках, с ост-

рием для процарапывания букв на одном конце и лопаточкой для стирания на другом. А у входа в акрополь Вани, перед воротами, стояла не дошедшая до нас скульптура божества —покровителя города, а рядом на стене по-гречески, но с ошибкой было надарано обращение к нему: «Молю, о Владычица!»

Но царства и фракийцев, и скифов, и колхов не походили по своему устройству на греческие города-государства. В них господствовали другие обычаи и установления, и иные законы, малопонятные и непривычные для граждан греческих полисов, предписывали подданным этих царств, как они должны сочетаться браком, платить налоги и подчиняться властям.

Древние греки, как бы далеко от родины ни забросила их судьба, как бы тесно ни переплелась их жизнь с негреками, всегда стремились остаться эллинами, сохранить в чистоте свой язык и культуру. А между тем они жили в окружении племен и народов, что во много раз численно преобладали, становились все сильнее по мере того, как сами греки слабели, многому учились у самих греков.

Маленькая группа людей, оторвавшихся от родины, оказавшихся в иноплеменной среде, может долго сохранять свою самобытность, порой очень долго, особенно если ее культура выше, чем местная культура. Долго, но не бесконечно. И по мере того как культурный разрыв ликвидируется, ей остается или погибнуть, или слиться с основным населением. Это еще одна — четвертая — закономерность. Исключения встречаются, но очень редко. К тому же они, как известно, только подтверждают правило.

Греки в Колхиде всегда оставались греками. Маленьким островком в море местных племен. В конечном счете эта — четвертая — закономерность и предопределила их судьбу.

В конце II века до нашей эры Колхидское царство захватил непримиримый враг Рима царь Понта Митридат VI Евпатор. И тут со всей очевидностью выяснилось, сколь различными были интересы и устремления местных жителей и греческих колонистов, несмотря на многие века соседской жизни. Колхи не смирились с чужеземным господством, восставали, боролись против него с оружием в руках. Греческие же города, особенно Диоскурия, сразу перешли на сторону Митридата. Иногда даже вопреки собственной выгоде. И до конца оставались верными ему. И когда Митридат, разбитый и потерявший царство, с остатками своей армии бежал от Помпея на север, приют и убежище он нашел не у колхов, покоренных силой и ждавших лишь удобного момента для освобождения от иноземного гнета, а в греческом полисе Диоскурии.

Поражение и гибель Митридата знаменовали для греческих городов Колхиды конец главы. Многие из них были разрушены, торговля была подорвана, население сократилось. Местные племена открыто демонстрировали свою враждебность.

Правда, благодаря Риму, дотянувшему свои ненасытные руки и до страны «золотого руна», построенному в бывших независимых полисах мощные крепости и разместившему здесь свои гарнизоны, «чтобы никто из варваров не мог даже приблизиться к ним», конец их растянулся еще на несколько веков, и временами даже возвращалось благосостояние. Но покоя не было. И нередко ни стены, ни гарнизоны не могли защитить от гнева воинов местных племен, алчущих добычи и жаждавших свести давнишние счеты. Даже на северных отрогах Кавказа в одном из курганов найдена серебряная чаша с надписью: «Я принадлежу Аполлону-Предводителю, что в Фасисе». Чаша много

¹ О раскопках этого города грузинскими археологами см. «Вокруг света» № 10 за 1970 год.

веков хранилась в храме, а потом храм был разграблен, и чаша оказалась в руках торжествующего варвара, чтобы отправиться в могилу вместе со своим новым владельцем. И к тому же само население этих городов становилось все более разношерстным и все меньше походило на тех, кого по традиции все еще считало своими предками, — на тех, кто много веков назад в поисках нового и лучшей доли поднял паруса в гавани Милета. И с каждым столетием все дальше в прошлое, в глубь истории, уходили предания о потомках Язона и его друзей, которые в поисках «золотого руна» впервые посетили Колхиду на корабле с легендарным именем «Арго».

А пока на побережье Колхиды медленно, но неотвратно агонизировала античная цивилизация. В Восточной Грузии набирало силу Иберийское царство, культура которого легла в основу всей последующей средневековой грузинской культуры. В Иберии не было греческих городов, и политически она была разединена с Колхидой. Но раскопки показали, как много общего в культурном отношении было между обеими частями Грузии. И неразрывной и составной частью в этот общий культурный фонд входило греческое, эллинистическое, наследство, уже неотделимое от местной основы.

...В Тбилиси, в тихом и просторном зале Музея Грузии останавливаешься перед каменной плитой — надгробием жены и дочери высших сановников Иберии. Надпись, выбитая на плите на двух языках — местном и греческом, — гласит: «Я — Серафита, дочь Зеваха, младшего питиахша царя Фарсмана, жена Иодмангана-победоносца и много побед одержавшего двоюоуправителя царя Хсефарнуга — сына Агриппы, двоюоуправителя царя Фарсмана. Горе, горе тебе, которая была молодая! И столь хорошая и красивая была, что никто не был ей подобен по красоте. И умерла на 21 году жизни».

Невольно задумываешься, сколь разительно отличается эта плита от сухумского барельефа. Не столько выраженными в ней чувствами — в конце концов, скорбь по усопшим повсюду одинакова, — сколько манерой их выражения. Разные люди — разная культура...

И все же не случайно, что один из языков надписи — греческий. Как и то, что именно из Греции проникло в Грузию христианство. Как и то, что в средние века образованные грузины изучали греческий язык и ездили в Константинополь за знаниями. Потому что, умирая, одни культуры становятся органической и составной частью других. Потому что в истории ничто не проходит бесследно.

РЕЦЕПТЫ, КОТОРЫЕ ВАМ НЕ ПРИГОДАТСЯ

Возле ресторана на одной из улочек Токио останавливается автофургон. К нему подходит служащая. Обменявшись несколькими фразами с шофером, она приступает к приемке груза. Обычная уличная сценка, если бы не одно обстоятельство: сам груз. Неподготовленного человека он настраивает отнюдь не на гастрономический лад: нижняя часть фургона — это серпентарий, в котором кишат змеи. Впрочем, название рестораничка, возле которого остановился фургон, тоже необычно — «Змеиная комната». Может, оно прояснит дело? Войдя внутрь, обнаруживаешь атмосферу традиционного японского ресторана. На столах замечаешь бутылки, на этикетках которых написано «МАМ». Для уточнения придется обратиться к бармену. Ответ его превосходит все ожидания: «мам» — сокращение от слова «мамуши»,

что примерно переводится как «гадючья водка». Название, надо признать, звучит остро.

Небезынтересно проследить путь превращения змеи в застольный напиток. Весь процесс происходит в стенах рестораничка. В одной из задних комнат, больше похожей на фармацевтический кабинет, на стеллажах и вертящихся стендах аккуратно расставлены бутылочки, банки и огромные бутылки с компонентами. Два молодых человека разбирают змей в открытых металлических ящиках. Метровыми щипцами они подхватывают дюжину извивающегося «сырья», выловленного в горах Ибуки. Из них, по свидетельству специалистов, получается гадючья водка высшего класса.

Кстати сказать, в странах Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии из змей готовят множество блюд, в том числе змеиный суп,

ценный гурманами. Спрос на него так велик, что в Гонконг ежемесячно доставляется около 60 тысяч змей из соседних стран.

Однако вернемся к нашим гадюшкам. Сначала их вымачивают в спиртовом растворе с добавлением различных ароматических трав, меда и экстрактов (названия и пропорции составляют профессиональную тайну). Как только настойка на змеях достигает необходимой степени концентрации, ее выливают в чаны, где она «вызревает», приобретает специфический букет.

В медицине яд змеи во все времена был лекарством. Существует поверье, что и змеиная водка способствует омоложению организма. Ведь недаром змеи живут подолгу и каждый год молодеют, меняя кожу. Если, конечно, не попадают в виде супа или мамуши на стол...

М. КЛИМОВА

ТАСАДАЙ МАНУБЕ НАС ЖДАЛИ

МАНУЭЛЬ ЭЛИСАЛЬДЕ,
филиппинский этнограф

Наш вертолет промчался над мягко всхолмленной долиной и круто свернул к горе, поросшей темно-зеленым дождевым лесом. Эти джунгли — пожалуй, самые непроходимые на Филиппинах — сплошь покрывают склоны гор, вершины же их окутаны мглой и туманом. Где-то здесь, среди невероятно густых зарослей, бог знает сколько веков живет в абсолютной изоляции неизвестное миру племя¹.

Слухи о голых людях, бродящих в лесах на юге острова Минданао, дошли до нас примерно год назад. Мы решили вступить с ними в контакт; и если нам

¹ Об открытии племени тасадаи манубе мы уже поместили краткое сообщение в № 2 «Вокруг света» за этот год.

повезет, то сегодня, серым июньским утром, мы увидим их.

Вертолет летит над склоном, где люди племени манубе блит недавно начали вырубать и выжигать джунгли под свои поля. Мы наметили посадочную площадку — расчищенный участок на опушке леса. Отсюда недалеко до самого последнего поля манубе блит. Двое из наших помощников, уроженцев этих краев, пришли сюда неделю назад, чтобы подготовить нашу встречу с таинственными лесными людьми. Поэтому мы точно знали, что внизу нас ждут двое: веселый парень Флуди из племени таболи, и Дафал, тот самый охотник из племени манубе блит, который первым поведал миру о таинственных жителях леса.

Дафал сам по себе заслуживает отдельного рассказа. Он долговяз, скуласт, с птичьим носом. Соплеменники называют его «человеком, который ходит по лесу, как ветер». Дафал — отличный охотник, лучший в племени. Он обычно забирается глубоко в джунгли, ставит там бамбуковые силки — балатик, охотится на обезьян, ящериц, диких кабанов, оленей, а также собирает редкие корни и травы для лекарства племени убу, откуда родом его жена.

Во время одной из охотничьих вылазок, примерно лет пять назад (сколько точно — Дафал сказать не может, у него вечные нелады с определением времени), Дафал наткнулся на лесных людей. Заметив его, люди остолбенели на мгновение и тут же пустились наутек, а он кинулся за ними, непрерывно крича: «Вернитесь! Я — друг! Я не причиню вам зла! Вернитесь! Я — друг!» Перепуганные люди наконец остановились, и Дафал попытался убедить их в своих дружеских чувствах. Во время следующих встреч он приносил им куски металла и ткани, луки, стрелы, серьги — все вещи, которых они до того и в глаза не видели.

Следует признать, что роль Дафала в жизни лесного племени еще ждет своей оценки. Пока же отметим, что, по словам Дафала, он встречал лесных людей за последние пять лет всего лишь раз десять, всякий раз принося им самые разные вещи, вроде примитивнейшего музыкального инструмента из железа — варгана или кремневой зажигалки. Благодарные лесные люди всегда были гостеприимны, мало того, они помогали ему ставить силки и собирать добычу.

Мы выпрыгнули из кабины и двинулись к Флуди, махавшему нам рукой с дальнего конца площадки. Еще мотор вертолета дробил тишину, а поднятый винтом поток воздуха бешено хлестал по высокой траве и листьям деревьев, когда стали появляться они. Шесть мужчин, одетых в эфемерные набедренные повязки — из кусков ткани, из листьев пальмы или травянистой орхидеи, не смело двигались к нам из чащи. Их кожа была янтарного цвета, светлее, чем у большинства племен на Минданао, волосы — волнистые и длинные, а тела гибкие и мускулистые. Они дрожали от ужаса, а один из них был явно близок к потере сознания.

Сам вид удивительного предмета, с грохотом и воем спустившегося с неба, и мы, и наша одежда, и разные вещи, что яви-

ЕЩЕ РАЗ О...

лись с нами, — все должно было наполнить их смертельным ужасом, но, как выяснилось, Дафал сумел придать встрече совсем иной смысл. Наш друг-охотник слышал от лесных людей легенды о некоем добром существе, которое должно однажды сойти с неба. Имя ему — Дивата, и, судя по всему, он немногим отличается от других своих собратьев — божественных мессий соседних племен. Сообразительный Дафал сказал своим друзьям, что на расчищенной площадке они встретят Дивату!

Я шагнул к стоявшему впереди всех мужчине. Тот трясся как в лихорадке. Я похлопал человека по спине и обнял его. Он судорожно обхватил меня руками. Остальные слегка придвинулись — настороженные, дрожащие, но, по крайней мере, укротившие на время страх.

Я заговорил как можно мягче. Как и следовало ожидать — ни намек на понимание. Дафал тоже стал что-то говорить им, но быстро выяснилось, что его возможности коммуникации крайне ограничены.

Замечу, что мы не сразу осознали тот факт, что на наших глазах происходит единственный в своем роде опыт — явление перед лесными людьми божества. Насколько мы могли понять, каждый из них утверждал и настаивал на том, что Дафал — единственный человек, живущий за пределами леса. Дафал, который одарил их разрозненными крохами знания. Дафал, который пришел и продвинул их сразу на тысячи лет вперед.

Мы дали им боло¹, бусы, три зеркальца, фонарь и разные съестные припасы. Они приняли подарки, не выразив при этом никаких чувств. Мы дали еще мужчинам соли и сахару. Таких вещей они отродясь не видели, и мы заставили их попробовать и то и другое. Они подчинились, хотя, похоже, были убеждены, что все это яд. Попробовав, они немедленно выплюнули их.

Сигареты и табак — предметы первой необходимости у окрестных племен — были им также неизвестны, они даже не знали, что с этими вещами делать. Мы все пытались узнать, не нужно ли им чего, в чем они нуждаются, чего бы хотели. Их ответ — если мы только правильно поняли то, что они говорили, — гласил: «У нас есть все, что нам нужно,

но мы все равно были так рады встретиться с Диватой!»

Мы вернулись через неделю. Вертолет сделал над площадкой несколько кругов, чтобы лесные люди заметили нас. На этот раз с нами была Игна, круглолицая веселая женщина из племени манобо блит, известная своими лингвистическими талантами. И хотя Игне удалось разобрать куда менее половины того, что говорили лесные люди, в стене непонимания была пробита немалая брешь.

Нам удалось выяснить, что изучаемые нами люди называют себя тасадай манубе. Это имя, объяснили они, оставили им предки, а те, в свою очередь, получили его во сне от существа, которое повелевает лесом. Почти все, что тасадай знают, досталось им от предков, души которых живут на верхушках деревьев. До сего времени тасадай думали, что этими верхушками и кончается мир. Они рассказали нам, что никогда еще не выходили из своего леса и даже не подозревали, что могут существовать такие штуки, как вот эта расчищенная в лесу площадка.

Тринадцать из двадцати четырех тасадай, которые пришли на встречу, было лет по десять — плюс-минус два-три года, потому что точно установить возраст людей тасадай оказалось невозможным. У них нет ни малейшего представления о таких понятиях, как месяц или год, и очень слабое — о временах года. Среди детей было девять мальчиков и четыре девочки, что, несомненно, уже в самом недалеком будущем угрожает им нарушением демографического баланса племени. Любопытно, что, несмотря на недостаток женщин, в племени нет полиандрии¹.

Насколько мы смогли понять, по каким-то причинам люди тасадай много веков назад оказались отрезанными в своем лесу от всего мира. По оценке профессора лингвистики Теодоро А. Льямсона, прилетевшего с нами, язык тасадай явно относится к малайско-полинезийской группе, однако по меньшей мере тысячу лет он как диалект развивался изолированно. Роберт Фокс, американский антрополог и член нашей группы, исследовав орудия тасадай, считает, что изоляция наступила еще раньше — от полутора до двух тысяч лет назад, в период позднего неолита.

От площадки, где приземлился наш вертолет, хозяева повели нас сквозь густые заросли деревьев, лиан, папоротников, корней, где мы с трудом сохраняли равновесие на скользкой, сырой земле. У ручья, наконец, остановились передохнуть, и наши хозяева развели костер. Они добывали огонь трением двух кусочков дерева! Фокс воскликнул: «Господи боже! Да посмотрите же только! Видели ли кто-нибудь из вас нечто подобное!» Он поднял какой-то тасадайский инструмент — нечто вроде топора, сделанного из небольшого, с куриное яйцо, камня, привязанного гибким камышом к ратановой рукоятке. «Да ведь это чистейший неолит!»

Кроме топора, который так обрадовал Фокса, у тасадай есть и другие каменные орудия. Камень и бамбук — основные их инструменты. Камнем они вырезают и затачивают куски бамбука; из кусков бамбука делают острые ножи и сверла.

Тасадай обладают необычайно острым чувством связи с окружающей их средой. Они живут в удивительной гармонии с лесом, не пытаюсь нарушить в свою пользу достигнутого равновесия. Тасадай никогда не возделывали землю и не приручали животных, они всегда были собирателями пищи, которую дает лес. В поисках съедобных корней и ягод они неустанно бродят по лесу, не задерживаясь нигде подолгу. Но при этом есть в лесу место, которое тасадай называют «особым местом». Оно спряталось в горных дебрях на высоте полутора тысяч метров. Как говорят тасадай: «Там вода течет с гор, там тепло и тихо». Сами мы стали называть это место «Потерянная долина»¹, хотя скорее оно больше походит на каньон между двумя хребтами. Тасадай очень любят эту долину и стараются не уходить от нее слишком далеко.

Свою пищу из корней и ягод тасадай разнообразят, ловя руками рыбу в ручьях. Домов они не строят, а от непогоды прячутся под естественными навесами в скалах или под опорными корнями гигантских деревьев.

У тасадай приятная внешность; ростом они невелики — метра полтора, чуть ниже среднего филиппинца. У них овальные, довольно широкие ли-

¹ Боло — распространенное среди филиппинских племен охотничье орудие, представляющее собой несколько шаров, соединенных прочной веревкой. — *Прим. перев.*

¹ Полиандрия — многожество, явление, встречающееся у некоторых народов Южной Азии, когда у женщины несколько мужей, обычно братьев. — *Прим. перев.*

¹ «Потерянная долина» — роман английского писателя Дж. Хастлера, рассказывающий об идиллической жизни в затерянной альпийской долине. — *Прим. перев.*

ца с четкими чертами. Они вечно жуют бетель (точно так же, как большинство племен Минданао), и оттого губы и зубы их вечно красны. Зубы лесных людей подпилены чуть ли не до десен, и каждому придан вид клыка: тут, очевидно, тасадаи подражают животным. Врач нашей экспедиции Сатурнино Ребонг, проведя предварительные наблюдения, сделал вывод, что тасадаи — народ физически здоровый (единственное, что их мучит, — кожные болезни). Однако, судя по тому, что самым старым мужчине и женщине в племени что-то около сорока, жизнь их коротка.

Тасадаи очень ласковы друг с другом: то и дело видишь, как они обнюхивают друг друга — это заменяет у них поцелуй. Они научились жить в гармонии и согласии не только с природой, но и между собой. Между людьми племени тасадаи вообще не бывает конфликтов — во всяком случае, в нашем смысле слова. Насколько мы смогли установить, у них даже не существует слова, обозначающего «войну» или «борьбу». Один из них сказал нам, что, до тех пор пока Да-

фал не научил их ставить силки, самое большое животное, на которое они охотились, была лягушка. К диким свиньям и оленям они относились почти как к друзьям. И это, пожалуй, самое трогательное из того, что нам удалось подметить у затерянного в лесах племени. (Это явно противоречит утверждению большинства религий об изначальности греха: человек-де в основе своей плох и грешен и посему должен посвятить свою жизнь искуплению грехов.) Если у одного из людей в племени нет пищи — другие тоже не едят. Когда мы дали им боло, каждый мужчина взял себе по шару. Остался лишний шар, но никто не захотел его брать.

После публикации предварительных данных нас стали обвинять в том, что мы присвоили себе право вторгаться в замкнутый мир тасадаи, в том, что мы хотим изменить их жизнь. Нам говорят: «Почему вы не оставите их в покое? Они были счастливы в своем мире — и тут пришли вы, чтобы все разрушить. Оставьте все как было!»

Мы готовы выслушать все обвинения и готовы на них отве-

тить. Разве смогут теперь тасадаи остаться в спокойном одиночестве? Все ближе продвигаются к их «дому» лесоразработки, совсем рядом уже рубят и выжигают под поля джунгли соседние племена. Мы убеждены, что скоро — это вопрос не лет, а месяцев — в лес придут люди, куда менее дружелюбные, чем мы. Лес в опасности, и не случайно мы начали с того, что стараемся убедить правительство объявить его заповедником. Конечно, ученые хотят изучить племя тасадаи. И я в их числе. Но прежде всего надо защитить племя от возможных бед, а уж потом можно подумать и о науке.

Как считает Фокс, изучение племени тасадаи манубе может внести немало нового в наши взгляды на жизнь первобытных племен, на пути их развития. Мы постараемся помочь племени тасадаи, но и самому племени есть что внести в общую сокровищницу человеческого опыта, — ту гармонию, что свойственна его отношениям с окружающей средой, с другими людьми, с жизнью.

Перевел с английского
Л. ОЛЬГИН

НЕСКОЛЬКО ЗАМЕЧАНИЙ К СТАТЬЕ МАНУЭЛЯ ЭЛИСАЛЬДЕ

Казалось бы, сейчас, во второй половине XX века, земной шар вплоть до самых отдаленных и глухих его уголков давно изучен, объезжен и исследован. И все же... То в Австралийской пустыне, то в горах Новой Гвинеи, то в джунглях амазонской сельвы обнаруживают племена, еще не известные этнографам, антропологам и лингвистам. Каждый раз кое-кто утверждает, что это открытие последнее. И каждый раз ошибается.

Открытие племени тасадаи манубе в тропических лесах острова Минданао, пожалуй, можно назвать самым сенсационным за послевоенный период (если, конечно, дальнейшие исследования подтвердят те сведения о нем, которые уже появились в широкой прессе). Дело в том, что и в далеком прошлом, и тем более сейчас на Земле практически не было народов, которые столь длительное время жили бы в условиях абсолютной изоляции. Какие-то контакты с близкими или дальними соседями — пусть слабые и нерегулярные — у них всегда были. Абсолютная изоляция означает отсутствие притока свежих идей и навыков; при такой изоляции каждый народ и каждое племя вынуждены заново изобретать велосипед.

Известные науке примеры свидетельствуют, что потеря связей с соседями даже на две-три сотни лет обрекает племя на отставание.

В том, что сообщает о тасадаи манубе доктор Мануэль Элисалде, с исторической и этнографической точек зрения нет ничего невозможного, хотя очень многое остается пока неясным и требующим детального изучения.

Юго-Восточная Азия, особенно ее островные районы, всегда отличалась крайней неравномерностью развития. Здесь издревле возникали мощные государства, расцветали своеобразные культуры. И здесь же в глухих местах вплоть до наших дней сохранились племена бродячих охотников и собирателей, практически входящих еще в каменный век. Достаточно вспомнить кубу и пуан в Индонезии, семангов Малакки и аэта на Филиппинах.

Когда-то по различным причинам, часто под натиском более сильных соседей, они ушли в самые недоступные и неблагоприятные для жизни районы и там приспособились к новым условиям жизни. Это, однако, обрело их на отставание.

Но все такие племена поддерживали различные связи со своими более развитыми соседями и кое-

что смогли у них позаимствовать. Тасадаи манубе, утратившие всякую связь с внешним миром, являются исключением.

Стольно лет они находились в абсолютной изоляции, тысячу или две, говорить, по нашему мнению, пока рано. Вполне возможно, что эта цифра в дальнейшем будет сильно уменьшена. Тот факт, что тасадаи манубе не знали о существовании других людей, еще не доказательство — во всяком случае, не решающее доказательство. Полярные эскимосы Гренландии жили в изоляции около 300 лет и за это время тоже успели забыть о том, что они не единственные обитатели Земли. Тот факт, что тасадаи манубе действительно живут исключительно собирательством и примитивным рыболовством, скорее всего означает, что племя регрессировало, оказавшись в особо тяжелых условиях. Ведь наукой доказано, что предки всех без исключения народов Юго-Восточной Азии определенно занимались и охотой.

Ждет более точной оценки и роль Дафала в жизни тасадаи манубе. Доктор Элисалде пишет, что за пять лет общения Дафал один якобы смог продвинуть вновь открытое племя на тысячи лет вперед. Это, с нашей точки зрения, невозможно, и не только потому, что охота с силами (которой он обучил лесных людей) не в силах обеспечить столь разительного прогресса. Этнографам хорошо известно, что чем более отстало то или иное племя, тем труднее оно воспринимает новшества. Пять лет для племени, не имеющего даже представления о времени, срок слишком небольшой. Поэтому вполне возможно предположить, что какие-то контакты с соседними племенами у тасадаи манубе в прошлом все же были. Дафал мог об этом не знать или по каким-то причинам умолчать. На все эти вопросы должны дать ответ будущие широкие и серьезные исследования. Можно, однако, не сомневаться, что ученых ждет много неожиданностей.

Полностью обоснованна тревога доктора Элисалде по поводу будущего, ожидающего тасадаи манубе. Неконтролируемые учеными контакты наверняка принесут им больше вреда, чем пользы, и даже поставят под угрозу жизнь всего племени. Гуманизм требует спасти их для них самих и для науки, то есть в конечном счете для всего человечества.

П. ЯШИН

Роман

3. В ПОИСКАХ „КОСМАТОГО“.

— Бригадир Радкинс в восторге от вашего плана, Ронни, — говорила Жаклин. — Я только что звонила ему. Он ждет вас в понедельник утром. Он доволен вами. По-видимому, «Косматый» самый опасный агент из всего списка; наверно, поэтому вы и остановились на нем — не хотели тратить время на прочую мелюзгу.

Рональд испуганно кивнул — видно, в докладе о своей встрече он из хвастовства несколько искажил истину (работа под началом у Хаббард-Джонса явно не прошла для него бесследно).

— Лейнионшард не просто агент-двойник — он трижды двойник. Он без конца перебегает от одних к другим и всем уже опостылел. В прошлом году он связался с албанцами. Это, конечно, небезынтересно. «Бамбуковый занавес!» Бригадир считает, что курьеров убивают подосланные из-за «бамбукового занавеса».

«Клуб спортсменов и артистов» помещался в огромном старинном особняке на Мейфер. Это был штаб «радклименов». Рональд явился туда с утра пораньше для встречи с бригадиром.

— Мистер Бейтс? Я Дженнифер, секретарь брига-

дира Радкинса. Он просил извинения, вам придется немного подождать, он делает сейчас зарядку. А я пока, если разрешите, покажу вам клуб.

Она повела его по тирам, гимнастическим залам, электронным мастерским. Несмотря на ранний час, тренировки по борьбе каратэ и дзю-до шли полным ходом, а несколько бизнесменов, прежде чем отправиться на службу в Сити, усердно вникали в хитрые тонкости шифровального мастерства. Клуб отлично служил целям бригадира Радкинса и его контрразведчиков-любителей. Само название клуба обеспечивало доступ туда широкому кругу, его исключительное положение позволяло принимать в клуб только избранных — энтузиастов, преданных своему увлекательному делу.

Наконец Дженнифер подвела Рональда к высокой двустворчатой двери с надписью: «Посторонним вход воспрещен». Постучала, вошла, объявила: «Мистер Бейтс» — и вышла, оставив Рональда на пороге огромного бального зала. На другом конце Рональд увидел бригадира, одетого в белую рубашку с открытым воротом и мешковатые синие шорты. Рональд подошел поближе. Старик возился с узкоплечным проекционным аппаратом. Рональд понял, что сейчас ему покажут какой-то фильм,

Продолжение. Начало в № 1—3.

скорее всего о «Косматом», — ленту, снятую скрытой камерой где-нибудь за «железным (или «бамбуковым») занавесом».

Бригадир, однако, запустил старый, изорванный мультфильм о похождениях «Лягушонка Флипа». Через незазанавешенное окно свет бил на служившую экраном облупленную стену, и разобрав, что показывалось в картине, было невозможно, однако бригадир все время прыскал и похохатывал.

— Мое правило — с утра посмеяться от души, — заметил бригадир, когда фильм кончился. — И еще зарядка. Вы делаете зарядку по утрам, Бейтс?

— Да, сэр, — соврал Рональд.

— Молодец! Мне понравился ваш план, Бейтс. Значит, я посылаю ребят в Сент-Маргаретс, и они под видом агентов, рекламирующих крем для бритья, прочесывают всю округу и собирают информацию о «Косматом». Отличный план. Дженнифер! — завопил он вдруг. — Сколько нам нужно времени, чтобы приступить к осуществлению плана вот этого парня, Бейтса?

— Приступаем сегодня же во второй половине дня. Полковник Поттинджер...

— Служит у одного промышленного воротила, — пояснил бригадир.

— ...и мистер Блэр-Блэр...

— А этот занимается социальными контактами.

— ...начали разработку. У них уже подготовлена кампания подобного рода, и они готовы провести ее в жизнь. Они хотели бы сейчас обсудить кое-что с вами.

— Пусть войдут, — приказал бригадир. — А теперь, Бейтс, ответьте мне: что сейчас, по-вашему, самое главное для британской контрразведки?

Рональд не мог сразу же дать ответа. У него перед глазами понеслись, сменяя друг друга, словно напечатанные яркими буквами, изречения:

Сейчас для нашей контрразведки самое главное — Сэр Генри Спрингбек: «Не превратиться в помешанца для ЦРУ».

Юстас Хаббард-Джонс: «Обскакать все другие отделы».

Командор Б. Солт: «Умение лавировать».

Эдвард Бойкотт: «Помнить, что в эпоху электроники в любом деле можно обойтись без человека».

Дама Б. Спротт: «Держать подальше от контрразведки мужчин».

Пока Рональд ломал голову над правильным ответом, бригадир ответил себе сам:

— Сейчас для нашей разведки самое главное...

Его прервала Дженнифер, войдя в сопровождении двух ходячих карикатур — полковника Поттинджера и мистера Блэр-Блэра. Тем не менее бригадир закончил свою мысль:

— ...это ловить шпионов. И все.

— Вас только за смертью посылать! — накинулся Бойкотт на шофера, который привез пакет из Скотланд-Ярда.

— Весь центр забит машинами, сэр. Государственный визит. Встречают, — пояснил шофер.

Бойкотт вскрыл пакет. Он нетерпеливо листал страницы: детали, детали, и наконец заключение. ЭВМ никогда не лжет, а сейчас она благословляет его предприятие. Вероятность того, что какой-либо неприятный инцидент серьезно повлияет на ход данного государственного визита, составила 0,8753421066 к тысяче. Ничтожная цифра!

В дверь постучали, и вошел старший инспектор.

— Прошу извинения, мистер Бойкотт, с вами хоч-чет поговорить наша сотрудница констебль Хартли.

Констебль Хартли, женщина в летах, не раз принимала участие в операциях Особого управления. Это была чопорная старая дева, сейчас она выступала в роли хозяйки коттеджа, из которого велось наблюдение за домом Кромески. Среди соседней распустили слух, что она принадлежит к таинственной и фанатичной религиозной секте «Братья пламени и серы». Соседи, отпугнутые миссионерским пылом хозяйки, предпочитали держаться от нее подальше.

Бойкотту Хартли не нравилась. Она не вязалась с эпохой электроники, скорее она была в духе Кислятины Крэбба с его пристрастием к мистификации.

— В чем дело?

Хартли мученически вздохнула и положила на стол две пятифунтовые бумажки.

— Что это за деньги?

— Видите ли, сэр, днем пришли рекламные агенты, их называют «белые кролики».

— Какие еще «белые кролики»?

— Они уже много лет рекламируют стиральный порошок «Зизз». У меня случайно была пачка этого порошка. Они попросили ее показать и задали мне вопрос: «Какой стиральный порошок самый лучший?» Я, случайно, знаю ответ, который нужно давать «белым кроликам» на их вопрос: «Зизз» — самый лучший, самый пенистый и мягкий, замочите белье, и вы убедитесь в этом». За такой ответ полагается приз — пять фунтов. Вот он.

— Ах так!

— Да, а примерно через час в дверь звонят снова — на этот раз рекламные агенты «Розового лепестка» — это крем для бритья. А я случайно заметила, что им пользуется констебль Хэммонд. Он бреется после ночных дежурств и в ванной оставляет тюбик. Я им показываю тюбик...

Бойкотт выбежал из комнаты и ринулся по лестнице наверх. Хартли взяла свои денежные призы и помчалась за Бойкоттом, не прерывая рассказа:

— А они спрашивают: «Кому из мужчин, проживающих поблизости, нужнее всего прекрасный крем для бритья?» Я ответила, что такой мужчина живет неподалеку, на Лалуорт-Кресент, у него страшно густая растительность на лице. Так я выиграла еще один приз, снова пять фунтов.

Она вошла за Бойкоттом в спальню. Бойкотт разносил подчиненных за неосмотрительность.

— Почему мне не сообщили об этих визитерах? Этих щедрых благотворителей?

— Сэр, но это обычные рекламные агенты.

— Идиоты! Сколько их тут побывало? — рявкнул Бойкотт, задрожав от ярости.

С каким блеском, с какой хладнокровной наглостью действовал враг! Бойкотт был потрясен.

Дежурный полистал журнал текущих событий и сообщил:

— Значит, так: пятнадцать «белых кроликов» и двенадцать в пластмассовых костюмах, вроде тюбиков.

Вдали от ЭВМ Бойкотт вынужден был сам заняться устным счетом. $15+12=27 \times 6=162$, удвоим на всякий случай $=324$, возьмем для верности 350 наших агентов.

— Немедленно снять всех сотрудников с государственного визита и перебросить сюда! — приказал он старшему инспектору.

— Но, сэр...

— Делайте, что вам сказано!

Подчиненный, бледный как полотно, взял теле-

фонную трубку. Бойкот обернулся к Харти — та потихоньку всхлипывала от обиды — и скомандовал:

— Вызовите мою машину! Я еду в город к ЭВМ.

Гарри Мерч, служащий крупного агентства, глава рекламной группы «белых кроликов», горделиво поглядывал на своих агентов, которые резво скакали по Балморал-Касл-Драйв во славу стирального порошка «Зизз». Как вдруг...

Из-за угла в костюмах-тюбиках появились «радкимены». Они веселились от души. В отличие от Гарри они не принимали своего дела всерьез, и их радостные вопли смущали покой домашних хозяек. У них уже имелась полная информация о «Косматом», которую было давно пора доложить на базу. Однако они решили продлить небывалое удовольствие и с шумом и криками носились по Балморал-Касл-Драйв, неподалеку от дома, где любила и грешила миссис Кромески. Так они вторглись на

территорию и в сферу деятельности «белых кроликов».

Для Гарри Мерча это был удар ниже пояса. На его глазах подрывались устои профессионально-го этикета. Он подбежал к веселящейся группке.

— Эй вы! Я руководитель рекламной группы «Белые кролики»! Вон с моего участка!

— А разве здесь частное владение? — с изысканной вежливостью ответил контрразведчик-любител мистер Блэр-Блэр.

И это окончательно взбесило Гарри.

— Вон отсюда! Катитесь к черту!

— Убирайтесь сами!

Тут Гарри не стерпел и ударил мистера Блэр-Блэра по голове, тот не остался в долгу, и «тюбики» и «кролики» принялись дубасить друг друга.

Местные жители и сотрудники Особого управления, из штаба Бойкотта, столпились вокруг и с интересом наблюдали за сценой, которой суждено было получить известность под названием «Битва на Балморал-Касл-Драйв».

4. ГРОМКОСА ИЗ ПЛОЩАДИ

Рональд поднимался на эскалаторе, поглядывая из-за раскрытой газеты на «Косматого», который стоял пятью ступеньками выше.

Он теперь решил работать в одиночку. Этому было две причины: во-первых, привитая Хаббард-Джонсом жажда славы, а главное — он больше не доверял весельчакам-любителям бригадира Радкина. Они обошли Рональда, не взяв его с собой на операцию «Розовый лепесток»; причем Рональд отлично понимал — они боялись, что он испортит им все удовольствие от столь занимательного мероприятия. Рональд, не находя себе места от беспокойства, ждал их до десяти часов вечера, когда они возвратились сильно навеселе, распевая во весь голос. Рональд пришел к выводу, что с профессиональной точки зрения у этой любительской организации есть весьма серьезные недостатки.

Наконец после того, как Рональд по настоянию «радкименов» осушил, стоя на столе, большую кружку пива, они дали ему прочесть свой доклад. К. Дж. Лейнионшард (кодовое имя «Одежная щетка») действительно снимает квартиру в пригородном районе Сент-Маргаретс и живет там между многочисленными поездками за границу. Кроме того, каждый вторник по утрам он ездит в Лондон.

Сегодня как раз был вторник. Рональд некоторое время покрутился у вокзала Ватерлоо и действительно засек Лейнионшарда, когда тот в толпе пассажиров шел с перрона. Рональд последовал за ним и оказался на Оксфорд-Серкус¹.

Лейнионшард уверенно шагал вперед и привел Рональда к зданию в стиле «модерн» 30-х годов. Рональду дом показался смутно знакомым. «Косматый» вошел в здание, а Рональд притаился за колонной церкви Поминования усопших. Сзади раздался знакомый голос:

— Интересно, зачем ему понадобилось в Дом радиовещания?¹

Это был бригадир Радкин.

Рональд обозлился: когда наконец старый идиот оставит его в покое? Не доверяет он ему, что ли? И в то же время устыдился своей небрежности. Идя по следу, он сам привел за собой «хвоста».

— Вперед! — приказал бригадир. — А то прово-риним мерзавца.

Они торопливо прошли в огромный людный вестибюль. Лейнионшард уже сажился в лифт. Следопыты бросились за ним...

— Прошу прощения, джентльмены. — Перед ними возник дежурный — пожилой человек, в черной, словно у гестаповца, форме. — Разрешите узнать, по какому вы делу?

— Прочь с дороги, болван! — взревел бригадир, но в эту минуту двери лифта сомкнулись, и «Косматый» исчез из глаз.

Делать было нечего, пришлось объяснять дежурному, что им нужно повидать одного человека.

— Тогда вам помогут вот эти дамы, — сказал дежурный, незаметно, но решительно оттесняя Рональда и бригадира к столу справок.

Две безупречно одетые женщины с бесстрастными лицами подняли на них глаза.

— Если вы назовете фамилию нужного вам лица, — сказала одна из них, — мы его разыщем.

— У нас секретное дело. Черт побери, вы что, не знакомы с «Положением о государственных тайнах»?

— Каким положением?

— Ш-ш-ш-ш!.. — зашипел бригадир, словно вестибюль был битком набит шпионами.

— Но поймите, — женщина тоже невольно пере-

¹ Штаб Би-Би-Си. Некогда это здание считалось сердцем страны, и его фотография висела в домах истинных патриотов. Однако с ростом популярности телевидения радио — и изображение его штаба — утратило свое былое значение. Сейчас этот дом — нечто вроде предприятия, производящего шумовой фон, который домашние хозяйки с успехом заглушают воём пылесосов. (Прим. автора.)

¹ Площадь в центре Лондона.

шла на шепот, — мы не знаем, кто вам нужен, как же мы можем вам сказать, где его найти?

— Идиотки! Кто здесь представляет службу безопасности? Мне надо с ним поговорить.

— Одну минутку.

Дамы зашущукались, укрывшись за батареей телефонов. Рональд видел, что вокруг него и бригадира смыкается кольцо стражей в гестаповской форме. Если бы только старый дурак позволил ему вести переговоры...

Наконец одна из дам позвонила куда-то. Она говорила еле слышно, но Рональд все же сумел разобрать:

— Бути? Слава богу, вы на месте... Да, двое. И, по-моему, из самых опасных.

Кавендиш Бутхорн положил трубку и вышел из своего кабинета, потом вернулся и сказал секретарше:

— Я скоро приду, Кей, внизу двое каких-то чудаков. Нужно их срочно утихомирить.

Несмотря на срочное дело, прошло минут двадцать, пока он добрался до вестибюля. Он был популярен личностью, и ему приходилось по дороге останавливаться с каждым встречным.

Кавендиш Бутхорн, по прозвищу Бути, происходил из семьи землевладельцев, которая в иное время определила бы своего слабоумного младшего отпрыска на церковное поприще. Теперь его пришлось устроить в Би-Би-Си. Он был человек покладистый и совершенно неспособный ни к какому делу. За сорок лет чем только ему не пришлось заниматься — он вел детские передачи, комментировал скачки, переходил из отдела в отдел, а теперь ведал приемом посетителей.

Должность эта была не такой легкой, как может показаться. Дом радиовещания постоянно осаждали всевозможные чудаки. Более солидное учреждение не постеснялось бы вышвырнуть их за дверь. В Би-Би-Си, однако, памятуя о своем долге перед обществом, таких визитеров уговаривали покинуть здание по своей собственной воле. Эти мирные уговоры как раз и составляли обязанность Бути.

Он разработал определенную систему. Будь то восьмилетний ребенок, явившийся жаловаться, что его просьбу не включили в концерт по заявкам малышей, или же религиозный маньяк, считавший радио дьявольским порождением и замысливший убить генерального директора, — Бути всех принимал одинаково: беглый осмотр здания и нехитрое угощение в буфете. После столь радушного приема даже самые ярые протвиники корпорации должны были, по мнению Бути, смягчиться.

Так и Рональд с бригадиром очутились в буфете. Они сидели и попивали слабый кофе, которым их угостил Бути. Бригадир сменил гнев на милость и благодушествовал к вящей тревоге Рональда — тот с досады не находил себе места и уже предпринял несколько попыток сбежать и самостоятельно взяться за поиски Лейнионшарда, но поднатянувшие в своем деле чернорубашечники-дежурные (они не отставали от следопытов ни на шаг) были все время начеку. Рональд в отчаянии оглядел унылый буфет и поднялся.

— Прошу прощения, мне нужно выйти.

— Первая дверь налево, — любезно откликнулся Бути. — На ней надпись «Джентльмены».

В то же время он сделал дежурным знак, чтобы они следовали за Рональдом. Как видно, не такой уж он был все-таки дурак.

В прохладной кабине Рональд, прикинув лбом к белому кафелю (дежурные тактично остались в дверях), думал про себя: «Какое идиотство! Как-ка получается ерунда!»

— Послушайте, — спросил из соседней кабины приятный низкий голос. — Почему вы за мной следите?

Рональд поднял глаза и увидел над переборкой мрачное лицо К. Дж. Лейнионшарда.

— Не очень-то у вас ловко получается, — продолжал трижды двойник. — Я мог запросто оторваться от вас, только мне было любопытно, что вам от меня понадобилось.

У Рональда словно отнялся язык. Не получив ответа, Лейнионшард направился к умывальнику, а Рональд, зачарованный, поплелся за ним, так и не вымолвив ни слова. «Косматый» с любопытством рассматривал своего преследователя, его все это явно забавляло. Наконец Рональд вновь обрел дар речи и помимо своей воли выпалил (как это уже случалось):

— «Девять муз».

Что он наделал! Что натворил!.. Как теперь быть?

Но Лейнионшард и бровью не повел.

— А, вот в чем дело! — сказал он. — Вам это обойдется недешево. Придется выложить, дайте подумать, пятьсот монет. Найдете меня в комнате 4020а.

Он вытер руки и вышел.

Рональд вернулся в буфет вне себя от возбуждения. Бригадир с аппетитом уплетал булочки. Бути, отвернувшись, переговаривался с другими столиками, и Рональд незаметно для него сообщил бригадиру новость.

— Только вот как бы нам отсюда выбраться, сэр?

— Положитесь на меня, — ответил бригадир.

Он снова настроился на серьезный лад и шарил под столом в огромной сумке, которая была у него с собой.

Бути, снова обернувшись к своим гостям, разглагольствовал о том, как изменились люди на радио.

— Нашел, — объявил вдруг бригадир.

Он вытащил руку из-под стола и показал Рональду черный блестящий шарик. Широко размахнувшись, бригадир швырнул шарик на пол. Тот покатился между столиками, стукнулся о барьер кассы и, полыхнув ярким огнем, взорвался.

— Пожа-а-а-р! Горим!.. — завопила кассирша.

По буфету поплыли густые клубы едкого черного дыма.

— За мной! — крикнул Рональду бригадир, кидаясь к выходу, над которым была надпись «Для обслуживающего персонала».

Пока Бути сообразил позвонить дежурному офицеру безопасности и сообщить, что в здании находятся два буйных сумасшедших, прошло немало времени. Была организована погоня, но Рональд с бригадиром успели скрыться в лаборатории звукозаписи, заперев за собой дверь, на которой записка гласила: «Будем через десять минут».

— Значит, пятьсот фунтов? — переспросил бригадир, снова роясь в сумке. — Секрет нашего ремесла в том, Бейтс, что нужно иметь под рукой абсолютно все.

Он вытащил три банки мясных консервов, старый пистолет, компас, перочинный нож, популярное издание книги «Маленькие женщины»¹ («Непрременно прочтите, Бейтс. Отличная вещь») и, наконец...

¹ Сентиментальный роман английской писательницы XIX века Луизы Олкотт.

— Нашел! — Ворох засаленных старых фунтовых и десятишиллинговых ассигнаций. — Помогите считать.

Считать пришлось долго. Получилась толстенная пачка. Ее втиснули в конверт с грифом «Би-Би-Си», а конверт тщательно заклеили.

Между тем кто-то уже давно изо всех сил барабанил в дверь. Теперь можно было открывать, что бригадир и сделал. На пороге толпилась группа прыщавых и очкастых молодых людей.

— Проверяем вентиляционную систему, — объяснил бригадир.

— Давно пора. Здесь настоящее пекло. А дверь почему заперли?

— Помощник у меня стеснительный. Не терпит посторонних взглядов, когда работает. Как нам быстрее попасть в комнату 4020а?

Погоня, видно, уже отказалась от поимки двух сумасшедших, и Рональд со своим компаньоном без особых приключений отыскали нужную комнату. Там сидела чопорная дама лет тридцати.

— Нам нужен К. Дж. Лейнионшард, — обратился к ней Рональд.

— Мистер Лейнионшард — наш внештатный корреспондент. Он был здесь сегодня. Ждать он не мог, но оставил статью для «Нью нэйшенс» — видимо, это для вас? Он, помнится, упомянул о гонораре. Что-то вроде пятисот фунтов, — добавила она с гримасой отвращения.

— Правильно. Вот, пересчитайте, если хотите, — предложил бригадир, вручая ей конверт.

— И не подумаю! — фыркнула дама, протягивая бригадиру толстую рукопись.

Рональд с жадностью глядел на рукопись. На обложке было написано карандашом несколько слов по-гречески, но в греческом и латыни Рональд был не силен и надписи прочитать не смог.

— А теперь нам лучше разойтись в разные стороны. — Бригадир засунул рукопись к себе в сумку. — Я пойду первым. Постарайтесь пробраться через заднюю дверь.

— Но, послушайте-е, — протянул Рональд, как обиженный ребенок, у которого отняли новую игрушку. — Когда же я вас теперь увижу? Ведь это ключ к разгадке...

— А вы зайдите ко мне часа в четыре, — ответил бригадир, не глядя Рональду в глаза, и исчез.

5. ~~ДЕ~~~~Р~~~~ЖИ~~~~Т~~~~Е~~~~П~~~~У~~~~Т~~~~Ь~~
Н А ~~В~~~~О~~~~С~~~~Т~~~~О~~~~К~~, ~~Н~~~~О~~~~Н~~~~О~~~~Ш~~~~А~~

Рональд Бейтс понимал, что тайна «Девяти муз» уплывает у него из рук, что ее разгадают счастливики из привилегированного общества, чье образование включает знание греческого языка. С этой мыслью он шел по Брукстрит к штабу бригадира Радкинса. Впереди него шагал рабочий, сгибаясь под тяжестью длинного цилиндра, завернутого в бумагу. Обогнав рабочего, Рональд вдруг услышал знакомые звуки, словно журчание воды, набегающей на гальку, и, обернувшись, увидел, что это Содовый Смит, переодетый в рабочую спецовку. Агент МИ-5 со вздохом облегчения опустил свою тяжелую ношу на мостовую.

— Смотри, Бейтс, твои «хвосты» тянутся за тобой всем скопом.

Рональд с тяжелым чувством вспомнил: ведь Киска-Скромница-Джина предупреждала его, что командир Солт установил за ним слежку. Треволнения последних дней многое выбили у него из головы.

— Как это всем скопом?

— Господи, ну и дубина ты, Бейтси! За тобой таскается половина всех отделов вашего управления.

Содовый широким жестом обвел улицу. В подъездах торчали, уткнувшись в газеты, какие-то бездельники. С противоположного тротуара на Рональда пялили глаза-бусинки две женщины — транспортные контролерши. Настоящие или же из отдела Берты Спротт?

— Ну хоть ты оставил меня в покое, — сказал Рональд наконец, так и не разобрав, шутит Содовый или же говорит серьезно.

— Да, «Наши таинственные друзья» потеряли к тебе интерес — ты ведь едешь за границу. — Содовый притворился, будто не заметил, как Рональда огоршило это сообщение. — А я теперь на новом задании. Слава богу, а то бегать за тобой по кино — со скуки можно было помереть. Однако мне пора двигаться дальше. Будь другом, пособи. Эта чертова штуковина весит не меньше тонны.

Рональд взялся за один конец цилиндра. Что-то в этом свертке напомнило Рональду о днях его солдатской службы.

— Что у тебя там? Ни дать ни взять — базака. Рональд пошутил, но Содовый не откликнулся на эту шутку. Он в сердцах вырвал у Рональда тяжелый сверток и пошел прочь.

— Не суй нос, куда не надо! — прокричал он, исчезая в подъезде дома напротив отеля «Кларидж».

Рональд уже битых два часа ждал в библиотеке «Клуба спортсменов и артистов». С каждой минутой ему становилось все тоскливее. Ведь если бригадир, такая заметная фигура, ходил за ним сегодня все утро, а он об этом и не подозревал, значит, Содовый прав — целая вереница самых разнообразных преследователей может висеть у Рональда на «хвосте». Поэтому Радкинс и сбежал с ключом к разгадке тайны. Поэтому его и заставляют ждать — ему больше не доверяют.

Он стал обдумывать, не подать ли ему в отставку, пока не выгнали, но тут появилась Дженнифер и провела его в бальный зал.

— Извините, мистер Бейтс, что вам пришлось ждать так долго, мы все сегодня просто сбились с ног.

В огромной комнате, казалось, никого не было, но вдруг послышался знакомый голос:

— Входите, Рональд, и закройте дверь.

На раскладушке в изящной позе сидел Бакстер Лавлейс.

— Урания погибла. Ее сегодня злодейски убили, — сказал он просто. — Остается одна...

— Полигимния, — вставил Рональд: уж если он не умеет читать и писать по-гречески, то имена муз он, во всяком случае, знает.

— Как я вам уже говорил, эта муза — девятая — ключ ко всем предыдущим восьми донесениям. Без нее им нечего делать. И предотвратить ее гибель — задача жизненной важности.

— Да, конечно, — согласился Рональд. Он не помнил, говорил ли ему Лавлейс что-нибудь подобное, но счел за лучшее согласиться.

— Пока что у вас все идет очень хорошо. Очень хорошо! Но нам нельзя медлить. Последнее донесение прибудет в ближайшие несколько дней. Вы помните, конечно (я говорил вам), предатель, через которого происходит утечка информации, несомненно, должен занимать высокий пост в системе безопасности.

— Помню, — снова соврал Рональд.

— Кто бы это ни был, он умнее, чем я думал. Мы расставили ему всевозможные ловушки, но он умудряется их обходить и по-прежнему передает информацию. Нам придется действовать не только с молниеносной быстротой, но и с крайней осторожностью.

Осторожность! Рональда охватил ужас и виноватое смятение.

— Я хочу сказать вам, — начал он, решив хоть в чем-то придерживаться правды, — что МИ-5 сразу же приставили ко мне агента. Наверно, они установили у вас в квартире диктофоны.

— Разумеется, — нетерпеливо ответил Лавлейс. — Они подслушивают всех. Вообще-то, МИ-5 никому не делают зла, если их не задевать, как этот кретин Бойкотт. Никакого зла... Впрочем, и добра от них не жди, — заключил он.

Наступило молчание. Рональд было набрался мужества и хотел честно сказать Лавлейсу, что не помнит, в чем состоит его задание, но Лавлейс заговорил сам:

— Вы отыскали «Косматого». Это ваша заслуга, и это доказывает, что мы имеем дело с «бамбуковым занавесом». А то я уже подумывал, не замешано ли здесь ЦРУ.

Рональд обомлел. Прошло немало времени, пока он разобрался в сложной системе межведомственного соперничества в британской службе безопасности. Но чтобы страны-союзницы могли шпионить друг за другом — такое не укладывалось у него в голове.

— Янки создали сильнейшую организацию, они не останавливаются ни перед чем, и эти убийства вполне могли бы быть делом их рук, — пояснил Лавлейс, заметив ужас и недоумение Рональда. — Однако вернемся к делу. Информация, полученная от Лейнионшарда, — это несколько строк по-гречески. Вы, наверно, видели.

Лавлейс подвинул к Рональду толстую рукопись. — Кассаглис, четырнадцать, улица Леопосси. Афины, — перевел Лавлейс. — Очевидно, Кассаглис — кодовое имя агента, работающего там на китайцев. Нам дали адрес — значит, с нами хотят вступить в переговоры. Такую возможность упускать нельзя, и вам, к сожалению, придется завтра вылететь в Грецию.

Рональда зашатало от восторга.

— ...Как правило, мы агентов за границу не посылаем, это делает Форейн оффис. Но подобного рода миссию им доверять не следует. А выбор пал на вас, Рональд.

— О сэр, я готов... я счастлив... — пробормотал Рональд в волнении.

— Великолепно! Правда, мы вынуждены информировать этого старого дурака «Q»¹, так требует протокол. Вы встретитесь с ним сегодня. Они с бригадиром сочинили для вас какую-то легенду. Кстати, мерзкий тип из МИ-5 — Смит, что ли? — он все еще ведет за вами слежку?

— Уже нет. Собственно говоря, я его сегодня видел. Его перевели на новое задание.

— Превосходно. — Лавлейс улыбнулся своей кошачьей улыбкой.

Помощник комиссара полиции города Лондона, ведающий кадрами, выключил у себя в кабинете радио и зевнул. Он всегда по вторникам работал допоздна, но не потому, что так повелевал служебный долг, просто в этот вечер его жена не ходила на курсы.

— Что у нас осталось еще? — спросил он молодого инспектора с мрачным лицом. Тому вовсе не улыбалось сидеть в Скотланд-Ярде весь вечер.

— Опять этот чертов сержант Уорт из Твикенема никому не дает покоя. — Он протянул начальнику длинное заявление.

— Уорт? Фамилия знакомая. Это не он ли постоянно впутывается в какие-то истории с ребятами из ведомства «плаща и кинжала»?

— Он самый. Но сейчас он жалуется, что они его преследуют. И грозит написать министру внутренних дел, если мы не примем меры.

— Гм... Трудное дело. — Помощник комиссара в раздумье запыхтел трубкой. Он гордился тем, что всегда умело решал вопросы, связанные с «трудными» полицейскими, вроде Уорта. И сейчас он вдруг довольно усмехнулся.

— Есть! В Особом управлении скоро откроется вакансия. Прекрасно! Если Уорт не может с ними управиться, пусть переходит к ним работать.

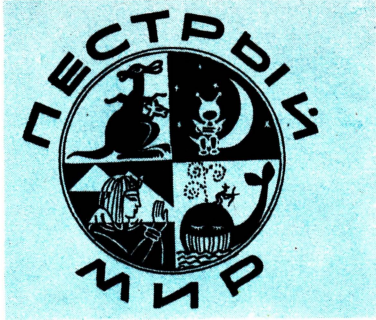
И он наложил на заявление соответствующую резолюцию.

Перевела с английского
НИНЕЛЬ ГВОЗДАРЕВА

Окончание следует

¹ Глава отдела в британском министерстве иностранных дел, занимающегося исключительно пересылкой шпионов. (Прим. автора.)

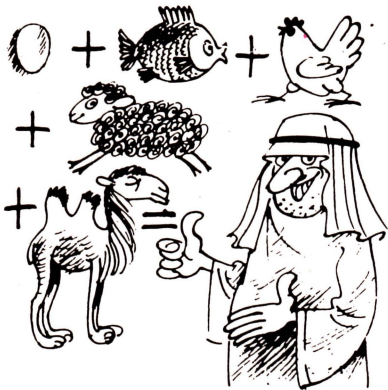

ЕСЛИ ВЫ ЖДЕТЕ ГОСТЕЙ...

Фаршированный верблюд — простое и питательное блюдо; подается арабскими бедуинами к свадебному столу. Попробуйте его приготовить — мы уверены, что оно понравится вам и вашим гостям.

Для приготовления этого блюда следует сначала нафаршировать вареными яйцами несколько рыб, затем рыбами нафаршировать несколько кур, а курами — жареного ягненка, которого следует поместить в чрево хорошо поджаренного верблюда. Остается красиво положить верблюда на специальное блюдо, украсить — по сезону — зеленью и подать гостям.

В ИНТЕРЕСАХ ИСТИНЫ

Как известно, не так трудно рыболову поймать рыбу, как потом убедить знакомых в том, что она была «вот та-а-акая!».

Австралийцу доктору Вильямсу повезло: он поймал на удочку рыбу весом в 40 килограммов. Конечно, пришлось попотеть, пока вытаскивал добычу на берег; но главные муки начались, когда, взвалив рыбу на плечи (свои и сына), он стал обходить всех друзей и знакомых, чтобы предъявить им «вещественное доказательство». Рыба тяжелая, неудобная для переноски, да еще на жарком солнце стала дурно пахнуть — в общем, пришлось редкую добычу держать подальше от жилья. Впрочем, доктора это не огорчило: во-первых, все видели, а во-вторых, Вильямс рыбу не ест...

ЗНАЙ, КУДА ЛЕЗЕШЬ!

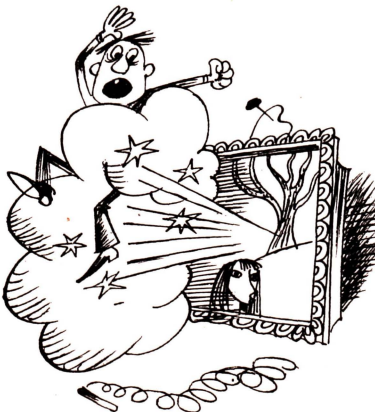
Альпинисты из английского Королевского географического общества задумали покорить Дхаулагери, одну из малоосвоенных вершин в Гималаях. Первоначальные тренировки начали прямо дома, выехав в провинцию, в городок Ист-Лик.

Правда, трудность заключалась в том, что на много миль кругом не существовало вершин, даже отдаленно похожих на гималайские. Выход был найден: «слепые» стены домов. Особенно понравилась альпинистам одна из стен на окраине Ист-Лика — высокая, гладкая. Тренировку начали в 8 утра... А в 8.15 оказались в полицейском участке: лучшая в окрестностях стена, увы, окружала местную тюрьму.

ОСТОРОЖНО: ТАЛАНТ!

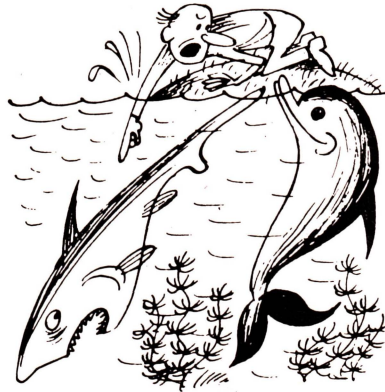
Знатков живописи всегда восхищали нежнейшие переливы серого цвета на картинах итальянского художника Карло Альфьори. Почтенные искусствоведы уже всерьез занялись талантливым колористом, уже готовилась к печати небольшая монография «Серое у Альфьори»... Технологу маэстро удалось открыть совсем случайно, когда на выставке какой-то посетитель, очевидно страдавший близорукостью, неосторожно приблизился к шедевр с горящей сигарой в зубах. Картина... вспыхнула. Художнику пришлось признать, что он всегда подмешивал в краску порох.

После столь шумного успеха устроители выставок обязали Альфьори впредь снабжать каждую картину табличкой: «Огнеопасно!»

САЙМО, ФАС!!!

Акула — не дельфин, а дельфин — не акула, особенно в том, что касается их отношения к человеку. Если для дельфина мы «старшие сухопутные братья», то для акулы, как известно, — мы просто мясо. Может быть, потому и враждуют акулы с дельфинами? Видимо, это обстоятельство, а также усиленная восьмимесячная тренировка научили флоридского дельфина по кличке Саймо молниеносно атаковать акул по команде человека. Как полагают, такой метод борьбы с акулами может оказаться весьма эффективным для защиты пловцов и ныряльщиков.

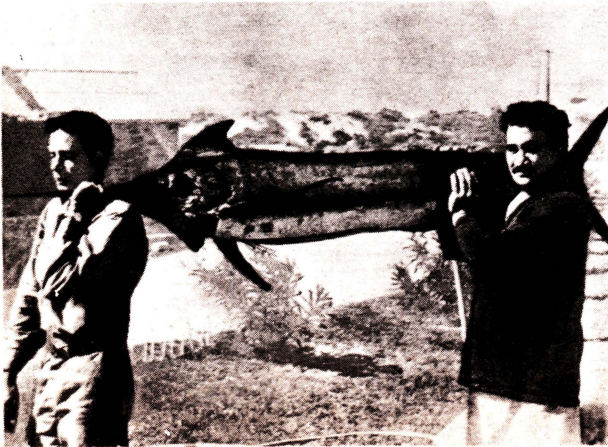

НЕ ПОЙ, КРАСАВИЦА, ПРИ МНЕ

Человечество знакомо со слонами давно и, казалось бы, неплохо изучило их привычки. Во всяком случае, рассказом об уме слонов никого уже не удивишь. Но о том, что у слонов есть музыкальный вкус, мы пока не знали...

В парижском цирке на грандиозный концерт собрались «звезды» кино, театра и телевидения — причем их выступления перемежались цирковыми номерами. Все шло хорошо, пока на арену не вышла знаменитая певица Мария Каллас. Ее пение привело почему-то в бешеную слоненка, ожившего своего выхода, и тот, вырвавшись на арену, ринулся на певицу. Неизвестно, чем кончилось бы все это, если бы опытные цирковые оркестранты не заиграли «Свадебный марш» Мендельсона.

Как только раздался «Свадебный марш», слоненок успокоился и, довольный, покинул арену...

СВАДЬБА НА СКАМЬЕ ПОДСУДИМЫХ...

...Состоялась недавно в Австралии и вызвала оживленные дискуссии в кулуарах храмов Фемиды. Сорокасемилетний взломщик Ричард Симсон, воспользовавшись перерывом в ходе судебного процесса по его делу, сумел доказать главной и единственной свидетельнице обвинения, что все его помыслы и мечты принадлежат только ей. Распаленный страстью рецидивист умолил девицу тут же, во время перерыва, сочетаться с ним законным браком. В самый кратчайший срок брак был зарегистрирован, после чего пришлось прекратить процесс и отпустить Симсона с миром, изба-

вив его от долголетней отсидки; ведь по закону супруга обвиняемого, как близкий родственник, свидетелем по делу выступать не может.

Симсон и новобрачная сияли от счастья, бластители закона разводили руками, но их успокоила мать молодой.

— Безнаказанным он не остался, — говорила она, — он сам приговорил себя к высшей мере. Уж свою-то дочь я знаю...

ВО ЧТО ОБХОДИТСЯ ОТКРЫТИЕ АМЕРИКИ?

В Испании, в старинном монастыре Монсанарес, историки нашли документы, сообщающие о том, сколько стоило испанской казне открытие Америки. Король Испании Фердинанд и королева Изабелла приказали начальнику финансового ведомства выдать Колумбу 36 тысяч песет для подготовки к плаванию трех каравелл.

Из другого документа выясняется, что из этой суммы была выплачена Колумбу лишь половина. Другую адмирал получил после успешного возвращения из первого похода. Тогда же Колумб получил (за выполнение плана по открытию Америки, очевидно) премию — 1600 песет. Капитанам двух других кораблей было выплачено по 900 песет, а матросам их месячное содержание — 12 с полтиной каждому.

Если учесть, что строительство трех кораблей обошлось казне в 14 тысяч песет, а продовольствие — в 2 тысячи, сложить все выплаченные деньги и перевести полученную сумму в современные доллары, получится, что открытие Америки обошлось в полмиллиона долларов...

УДАР НА СЧАСТЬЕ

Эти «пирог» из рисовых зерен японцы делают задолго до лунного нового года, примерно за два месяца, и к празднику они, хорошенько зачерствея, приобретают твердость кремня.

На праздник их ставят в людных местах, и каждый может попробовать на «пирог» свою силу: «пирог» надо разбить на множество кусков одним ударом увесистого деревянного молота. Куски разбитого «пирог» собирают окружающие: из них приготавливают суп. Новогодний суп на счастье.

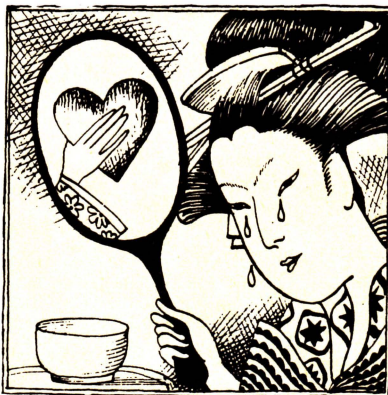
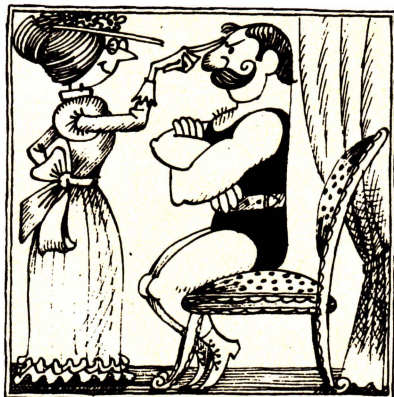
Рисунки В. ЧИЖИКОВА

ЛИСТАЯ СТАРЫЕ СТРАНИЦЫ

„Вокруг света“, 1908 год

КОГДА БЫВАЕТ ТРУДНО ВСТАВАТЬ

Очень трудно встать со стула, когда сидишь со скрещенными руками, и если кто-нибудь, даже слегка, дотронется до лба сидящего хотя бы одним пальцем. Самый сильный человек окажется в этом случае бессильным и будет сидеть на стуле, пока вы не отнимете пальца от его лба.

ЯПОНСКИЕ НАРОДНЫЕ ПОВЕРЬЯ

В повседневной жизни у японцев существует много оригинальных обычаев, проистекающих из своеобразных народных верований. Чтобы предохранить себя от воров, склеивают в одну пачку все визитные карточки, полученные на Новый год, и вешают их около дверей. Чтобы избавиться от надоедливых гостей, которые слишком долго не уходят, в Японии прибегают к следующим средствам: либо вешают у дверей курительную трубку головкой вверх, либо ставят в кухонный очаг ступку для риса, или же, наконец, приставляют к стене половую щетку, вешают на нее полотенце и при этом читают про себя молитву. Когда кто-нибудь

умирает, из веера его вытаскивают соединительный винт и бросают части распущенного веера на крышу дома, где жил умерший. Тогда умершему будет легче попасть на небо. Подобно тому, как части веера отделяются друг от друга, когда вынимают винт, так и душа отделится от тела — таков, вероятно, смысл этого обычая. Женщине никогда не следует класть свое ручное зеркальце наружу зеркальной поверхностью, иначе сердцем ее мужа завладеет другая женщина. Зеркало является символом женского сердца, которое должно быть всегда закрыто.

КИТАЙСКАЯ РОДОСЛОВНАЯ

Один из членов китайского посольства на мирной конференции в Гааге имеет родословное дерево, какого нет ни у кого на свете. Он в семьдесят втором колене потомок Конфуция — великого китайского философа и основателя национальной религии, которому в Китае воздают божеские почести. Так как Конфуций (Кон-фу-тсе) жил от 551 до 479 года до рождения Христа, то господин Кон Хин-хо, китайский аташе в Гааге, может похвалиться родословным деревом, в сравнении с которым тускнеют родословные всех европейских княжеских и дворянских родов. К этому надо еще прибавить, что в большинстве этих родословных содержатся пропуски и сомнительные места, между тем как потомок знаменитого мудреца мог доказать, что происходит от Конфуция по прямой линии, в которой нет никаких перерывов.

СОДЕРЖАНИЕ

ЕВГЕНИЙ КОТЛОВ, ГЕОРГИЙ ШУМЕНКО — Самолеты улетают в горы	2
Ю. ШКОЛЕНКО — Космос человека	9
АНАТОЛИЙ МАКАРОВ — Я не прощаюсь с Варшавой...	13
МЕРРИ ОТТЕН, АЛЬБАН БАНСА — Балийское волшебство	20
ИГОРЬ ФЕСУНЕНКО — Игра в прятки по-парагвайски	28
С. ФАН — Когда не было бумаги...	33
Н. ДУРАСОВ — «Марко Поло» терпит бедствие	34
Ю. РЕРИХ: пустыня покоряет сердце	36
А. ОКЛАДНИКОВ — Слово о Рерихе	40
Н. К. РЕРИХ — Обращение к будущим путешественникам	43
ВИЛЛИ БРЕЙНХОЛСТ — Еще раз о скандинавах	44
Загадки, проекты, открытия	45, 63
АНАТОМИЯ СЕНСАЦИЙ	46
А. ХАРЬКОВСКИЙ — Хлебников и другие	55
ВИКТОР ПУЛЬКИН — Вепские орнаменты	58
А. ХАЗАНОВ — После «Арго»	64
М. КЛИМОВА — Рецепты, которые вам не пригодятся	67
МАНУЭЛЬ ЭЛИСАЛЬДЕ — Тасадай манубе нас ждали	68
РОБЕРТ ТРОНСОН — Будни контрразведчика	72
Пестрый мир	78
Листая старые страницы	79
К. БЛОЧНИКОВ — Не все коза умеет	80

На первой странице обложки: ЛЕСОГО. Традиционный орнамент на стенах домов народа басуто. О зашифрованном смысле орнамента читайте на странице 33.

На второй странице обложки: АРАЛЬСКОЕ МОРЕ. Рыбаки и улов на берегу. Только корабли ночуют в лагуне.
Фото И. ТУНКЕЛЯ.

Главный редактор А. В. НИКОНОВ

Члены редакционной коллегии:

В. И. АККУРАТОВ, А. В. ГУСЕВ, И. М. ЗАБЕЛИН, М. М. КОНДРАТЬЕВА, В. Л. КУДРЯВЦЕВ, В. А. ЛЕБЕДЕВ (заместитель главного редактора), Ю. Б. САВЕНКОВ, А. И. СОЛОВЬЕВ, Л. А. ЧЕШКОВА, В. М. ЧИЧКОВ, Г. И. ЯНАЕВ

Оформление А. Гусева и Т. Гороховской

Рукописи не возвращаются Технический редактор А. Бугрова

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВЛКСМ «МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»

Наш адрес: Москва, А-30, Суцевская, 21. Телефоны для справок: 251-15-00, доб. 2-29; отделы: «Наша Родина» — 3-93; иностранный — 2-85; литературы — 3-58; науки — 3-38; писем — 2-68; иллюстраций — 3-16; приложение «Искатель» — 4-10.

Сдано в набор 8/II 1972 г. Подп. к печ. 14/III 1972 г. А06847.
Формат 84×108/16. Печ. л. 5 (усл. 8,4). Уч.-изд. л. 12.
Тираж 2 400 000 экз. Заказ 140. Цена 60 коп.

Типография изд-ва ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия»
Москва, А-30, Суцевская, 21.

НЕ ВСЕ КОЗА УМЕЕТ

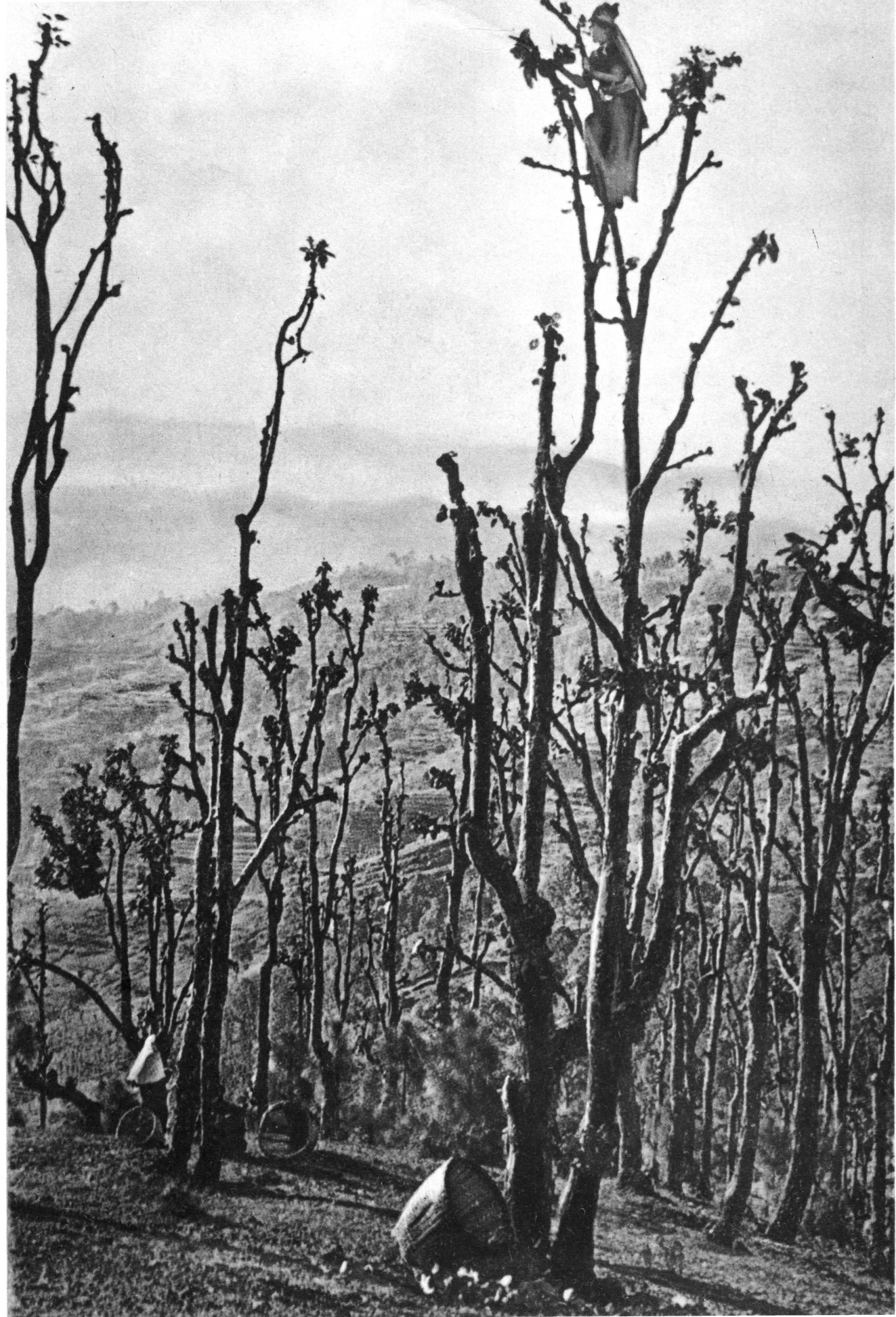
У козы много достоинств. К тому же она удивительно неприхотлива — ухода не требует почти никакого, а ест все, что на глаз попадется: траву, листья, солому, кору деревьев, старые газеты и театральные афиши.

В горных непальских деревушках нет театральных афиш, и газет крестьяне обычно не выписывают. В дождливый сезон козы пасутся, под корень съедая траву. После травы наступает очередь нежных листочков, которыми усыпан невысокий кустарник; потом козы обгладывают кору с тонких деревьев. На высокие большие деревья коза в то время еще и внимания не обращает — кора там толстая, не прокусишь, а листья высоко.

Дождливый сезон сменяется сухим, и даже та трава, что уцелела от коз, начисто выгорает. Хорошо еще, что в сухой сезон начинают осыпаться листья с дерева сал — высокого, метров под сорок, и толстого — в три-четыре обхвата. На какое-то время коза обеспечена обедом, благо саловы листья мясистые и сочные. Но когда дерево обнажается совершенно и лишь самые стойкие листья венчают его вершину, на помощь козе приходят люди. Женщины забираются на головокружительную высоту, рвут листья и бросают вниз. (Все это вы видите на третьей странице обложки.)

Тяжелая работа — сколько деревьев надо облазить, чтобы запастись впрок, а что поделаешь: надо же козе помочь, ведь без нее в хозяйстве не обойтись, а при всех ее достоинствах верхолаз из козы никудышный...

К. БЛОЧНИКОВ

Цена 60 коп.

Индекс 70142

БЮРО
МЕЖДУНАРОДНОГО
МОЛОДЕЖНОГО ТУРИЗМА
СССР

Курган Славы.

Горсть за горстью насыпали
люди его в честь победы Со-
ветской Армии под Минском.